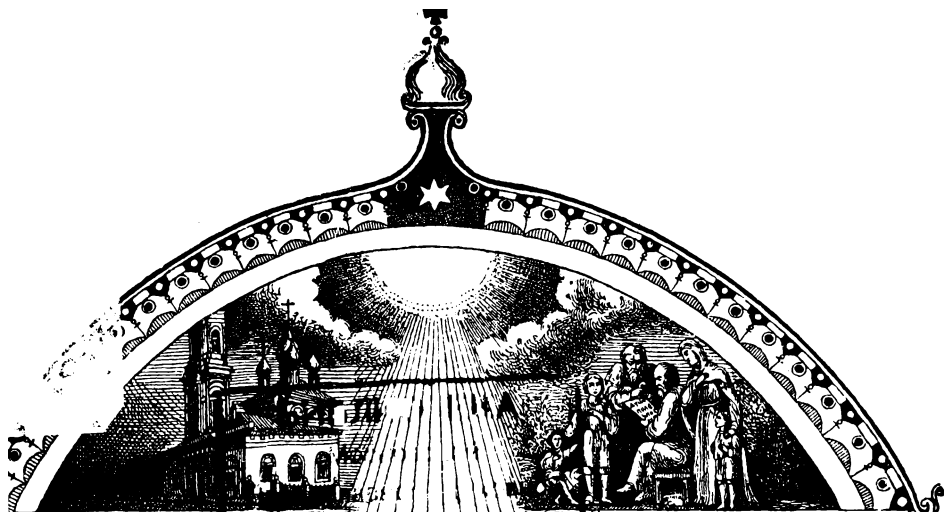

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ

ЧТЕНІЕ

годъ пятьдесятъ шестой.

1915.

Январь—Февраль.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

Душеполезное Чтеніе

въ 1915 году

продолжается

въ прежнемъ направленіи.

Послеши
Дѣхъ Тво-
го, и созн-
ждется, и
обнови-
ши лицѣ
земли. Пс
ѣгъ ѿ іеріихъ
іеріихъ іеріихъ
іеріихъ іеріихъ

Нѣ ѡ хлѣбѣ
единства
жива бѣ-
детъ чело-
вѣкъ, но ѡ
всѣхъ глаголь,
исходящихъ
изъ ѡбѣтъ
Бжїихъ. Мѡисѣ

Издание Чудова Монастыря.

Всеподданнѣйшій привѣтъ Митрополита Московскаго Макарія
Государю Императору Николаю Александровичу въ Москвѣ
8 декабря 1914 г.

Ваше Императорское Величество,

Всемилоствѣннѣйшій Государь!

Москва опять имѣетъ счастье радостно встрѣчать Тебя, Благочестивѣннѣйшій Государь, въ этомъ году. Въ былыя времена ей приводилось быть воинскимъ лагеремъ, а теперь она превратилась какъ бы въ лазаретъ для раненыхъ при воинскомъ станѣ. Отъ царскихъ и боярскихъ палатъ до убогой лачуги нѣтъ дома, гдѣ не дѣлалось бы что-либо для войны: мужи и юноши, способные носить оружіе, рвутся на поле брани. Ихъ жены, матери и сестры облеклись въ одежды сестеръ милосердія для ухода за ранеными и больными. Въ храмахъ ежедневно совершаются моленія о дарованіи побѣды. Въ домахъ — кто шьетъ, кто вяжетъ, кто кроитъ, готова одежда для воиновъ. И одна ли Москва такова? Не вся ли Россія отъ Амура до Днѣпра, отъ Кавказа до Алтая обратилась въ военный станъ. Вся Русь встала, какъ сказочный пробу-

дившійся богатырь. Загорѣлась въ ней искра сокрытая, и чувствуется въ ней сила несокрушимая. Все несется отовсюду къ алтарю отечества. Можно бы теперь сказать, что „жита по зернѣшку горы наношены“. Отъ Господа сіе. Благословенъ Богъ, вложившій такой духъ единенія и бодрости въ сынахъ Россіи. Благословенно шествіе Твое, Солнце Красное земли Русской, всюду приносящее свѣтъ и тепло, всѣхъ ободряющее, всѣхъ утѣшающее.

Благословенъ Ты, Царь Святой Руси, грядый во имя Господне!

„Господи, умножь нашу вѣру!..“¹⁾

Боголюбивые братіе и сестры.

Благодарю Бога моего, что Онъ даровалъ мнѣ утѣшеніе помолиться вмѣстѣ съ вами въ этомъ храмѣ въ день его двухсотлѣтняго юбилея. Съ великою радостію и торжествомъ проводите вы, какъ я вижу, день этотъ. И не безъ основанія. Ибо вы имѣете всѣ причины къ этой радости и торжеству. Оно напоминаетъ вамъ тотъ день, въ который 200 лѣтъ тому назадъ пришло *спасеніе этому дому* и принадлежащему къ нему приходскому обществу, т. е. тотъ день, когда этотъ домъ изъ обыкновеннаго зданія сдѣлался домомъ Божіимъ, вмѣстилищемъ благодати, и не только вмѣстилищемъ, но и источникомъ, изъ котораго вѣрующія души черпали и черпаютъ эту благодать, разнося ее отсюда по своимъ домамъ и семьямъ. И вотъ съ этого дня прошло уже 200 лѣтъ. Можете себѣ представить, сколько за это время изнесено отсюда благодатныхъ даровъ. И сколько совершено здѣсь спасительныхъ христіанскихъ таинствъ, сколько исторглось здѣсь молитвенныхъ и покаянныхъ вздоховъ, сколько найдено здѣсь отпущеній во грѣхахъ, сколько полу-

¹⁾ Поученіе въ день 200-лѣтняго юбилея Симеоновской въ Петроградѣ церкви.

чено разнаго рода утѣшеній въ минуты скорби и сколько благочестивыхъ душъ нашли для себя здѣсь входъ въ царствіе небесное! Поистинѣ великъ и радостенъ этотъ день! Итакъ, *радуйтесь и паки реку радуйтесь*, но только радуйтесь, скажу съ апостоломъ, *о Господь*, т. е. смотрите, чтобы эта радость не была радостію міра сего, радостію грѣховнаго характера, но радостію духовною, исполненною благодарности Богу за тѣ благословенія христіанства, которыя сообщены Имъ въ этомъ храмѣ. Но чтобы болѣе возбудить это чувство благодарности, эту духовную радость, позвольте, братіе, перенести на минуту вашу мысль въ давно минувшія времена.

Перенеситесь со мною мысленно къ тѣмъ печальнымъ временамъ первенствующихъ христіанъ, въ которыя они находились въ гоненіяхъ со стороны язычниковъ и должны были постоянно бояться и трепетать за жизнь свою, когда они спокойно не могли даже собраться гдѣ-нибудь и помолиться за богослуженіемъ. Вотъ видите вы служителя церкви, который поспѣшно входитъ въ домъ христіанскаго семейства, съ тревожнымъ видомъ и боязливо вполголоса говоритъ: „сегодня ночью или завтра до восхода солнца собирайтесь въ такое-то мѣсто на богослуженіе“. И вотъ когда зашло солнце, настала ночь и язычники предались невозмутимому покою сладкаго сна, или когда приближалось время пѣнія пѣтуховъ и первые лучи солнца скрывались еще за вершинами горъ, куда сѣшать горящіе желаніемъ молиться христіане? Они выходятъ вонъ изъ города, устремляясь въ лѣса и пещеры, или въ тѣ подземелья, въ которыхъ погребены были ихъ покойники, или же въ скрытыя по-

мѣщенія какого-нибудь удаленнаго отъ взоровъ чело-
вѣческихъ дома. Началось богослуженіе. Но вотъ среди
этого богослуженія вдругъ раздается голосъ сторожа:
„спасайтесь, приближаются враги!“ Тотчасъ же пре-
кращалась литургія, и молящіеся обращались въ бѣг-
ство, не закончивъ богослуженія, не подкрѣпивъ себя
хлѣбомъ жизни. По тайнымъ, скрытымъ дорожкамъ
и тропинкамъ бѣгутъ толпы этихъ несчастныхъ бого-
мольцевъ, направляя всѣ свои силы. Многимъ удается
ускользнуть отъ враговъ-сыщиковъ, а многіе попадаютъ
въ ихъ жестокія руки. Здѣсь захваченъ ими согбен-
ный старецъ, которому при быстромъ бѣгѣ отказались
служить ноги; а тамъ юная дѣвица, члены которой
ослабѣли отъ испуга и ужаса; здѣсь любящая мать,
которая отстала по причинѣ нѣжной материнской за-
ботливости о дѣтяхъ, а тамъ епископъ или пресви-
теръ приходскаго общества, который мужественно
стоялъ на своемъ посту, пока, по возможности, не спасъ
своихъ духовныхъ чадъ и не спряталъ въ безопасное
мѣсто священные сосуды, книги и другіе предметы.
Вечеръ того дня, который утромъ засталъ ихъ въ
общественномъ молитвенномъ собраніи, видитъ ихъ
въ темницахъ и оковахъ, на мѣстѣ мученій и пытокъ,
а можетъ быть слабый свѣтъ заходящаго солнца освѣ-
щаетъ уже ихъ могилы.

Такъ стояло дѣло въ тѣ печальныя времена съ
богослуженіемъ. И однако мѣста богослужебныхъ со-
браній посѣщаемы были христіанами всегда усердно
и неопустительно; однако они оставляли свои времен-
ныя занятія и дѣла, несмотря на всегдашнюю опас-
ность для ихъ жизни, чтобы въ богослужебномъ об-
щеніи хвалить и славословить Бога и черпать для

себя силы въ духовномъ утѣшеніи своей святой вѣры.

Какъ же теперь стоитъ дѣло это у насъ? Совершенно не такъ, какъ тогда. Намъ ничто не мѣшаетъ теперь въ открытомъ исповѣданіи нашей вѣры. Безъ страха и смущенія входимъ мы во всякое время дня и ночи въ наши посвященные Богу церкви. Чудный громогласный звонъ колоколовъ приглашаетъ насъ туда въ опредѣленное для богослуженій время. И, входя, мы находимъ тамъ не голыя и пустыя стѣны, не грубыя, изъ дикой скалы состоящія стѣны; не пещеры, полныя трупнаго запаха, окружають здѣсь насъ; нѣтъ, нашимъ взорамъ представляются чудные блестящіе золотомъ и серебромъ иконостасы, роскошно расписанныя живописью стѣны. Все здѣсь возбуждаетъ въ насъ чувство благоговѣнія; куда ни устремимъ мы наши взоры въ нашихъ храмахъ, всюду находимъ мы такія изображенія и картины, которыя служатъ предметомъ благочестивыхъ размышленій и назиданія. Громогласно раздается пѣніе хора и клириковъ, соединяясь иногда въ одинъ аккордъ съ общенароднымъ пѣніемъ. Безъ всякой помѣхи и перерыва совершается Св. Литургія и, когда руки священнодѣйствующаго протягиваются къ св. чашѣ для благословенія Св. Даровъ, то торжественный звонъ колоколовъ возвѣщаетъ вѣрующимъ, что насталъ самый важный моментъ литургіи, моментъ пресуществленія Даровъ, тогда сотни и тысячи, слыша этотъ звонъ, въ молитвенномъ настроеніи совершаютъ на себѣ крестное знаменіе. Не боимся уже мы и призыва къ бѣгству изъ церкви, какъ тогда по случаю приближенія враговъ, не имѣемъ причинъ бояться и того,

что рука врага вдругъ схватить и отлучить мужа отъ жены, родителей отъ дѣтей, друга отъ друзей, чтобы отвести ихъ прямо отъ церкви на эшафотъ, на костеръ или на арену амфитеатра на растерзаніе дикихъ звѣрей, но мирно, спокойно и благодушно можемъ мы возвращаться домой, какъ и пришли сюда, и также спокойно прилагать къ жизни плоды своей вѣры.

Боголюбивые слушатели! Всмотритесь повнимательнѣе въ это сравненіе между теперешнимъ и тогдашнимъ положеніемъ и скажите себѣ: не имѣемъ ли всѣ причины радоваться нынѣшнему нашему церковному празднику? Не имѣемъ ли мы всѣ побужденія изъ глубины душъ нашихъ восхвалить, прославить и возблагодарить Бога? Но если мы при этомъ сравненіи теперешнихъ и тогдашнихъ условій сравнимъ еще ревность первенствующихъ христіанъ съ нашею ничтожною ревностію, то не будемъ ли имѣть при этомъ всѣ причины къ тому, чтобы покраснѣть, устыдиться нашей холодности, кѣсности, равнодушія и лѣности къ церкви, нашей разсѣянности и неблагоговѣнія въ нашей молитвѣ, и всѣ побужденія съ чувствомъ раскаянія воскликнуть: „Господи, умножь нашу вѣру, укрѣпи нашу надежду, воспламени нашу любовь!“ Да, други мои, сознаемъ это и раскаемся: начнемъ съ большею ревностію и усердіемъ служить Богу, съ большею охотою посѣщать храмъ Его, добросовѣстнѣе исполнять свои религіозныя обязанности. Дадимъ сегодня обѣщаніе лучше пользоваться благами христіанства. Повторимъ еще разъ то, что мы обѣщали при Св. Крещеніи, но такъ мало доселѣ исполняли. И это будетъ наилучшею и наивысшею съ нашей стороны

благодарностію Богу за ту благодать, которую Онъ даровалъ намъ въ христіанствѣ и которою мы имѣемъ полную возможность безпренятственно пользоваться. Поступивъ такимъ образомъ, мы, можетъ быть, отдалимъ отъ себя то бѣдствіе, котораго заслужили, и упросимъ милостиваго Бога, чтобы Онъ не возвращать къ намъ снова тѣ злополучныя времена древнихъ христіанъ, какъ это уже отчасти и начинается въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, да есть уже зловѣщіе признаки этого и у насъ.

Владиміръ, Митрополитъ Петроградскій.

Макарій, Митрополитъ Московскій и Коломенскій.

Бесѣды о христiанской жизни и воспитанiи.

Бесѣда 1-я.

Проявленiе царства Божiя на землѣ. — Христiанская жизнь, какъ царствiе Божiе внутри человека. — При какихъ условiяхъ начинается христiанская жизнь внутри человека и возрастаетъ царствiе Божiе внутри его, какъ зерно горюшечное.

Подобно есть царствiе Божiе зерну горюшечному (Мѡ. 13. 31).

Зерно горюшечное принесено съ небесъ на землю Божественнымъ Святелемъ—Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. Оно теперь возрасло въ великое

древо и наполнило землю. Плодами его питаются и подъ тѣнію его укрываются народы земли. Это есть царствіе Божіе на землѣ. Оно преобразовало міръ; озарило умы людей недоступнымъ дотогѣ вѣдѣніемъ Бога и дѣлъ рукъ Его. Оно соединило сердца людей узами любви, единства и братства. Оно облагородило нравы ихъ, смягчило ужасы войны, плѣна и рабства; наполнило землю пріютами, богадѣльнями и больницами. Оно и небо наполнило обитателями—пресельниками—отъ земли. Скажемъ болѣе: тамъ, на небесахъ, пресельниковъ съ земли болѣе, чѣмъ сколько остается обитателей на землѣ. Тамъ лики апостоловъ, мучениковъ, святителей, преподобныхъ и праведныхъ съ сонмами ангеловъ составляютъ одну семью Отца Небеснаго.

Если въ отношеніи къ народамъ земли царствіе Божіе было сперва малымъ сѣменемъ, возросшимъ потомъ въ великое древо, то и въ отношеніи къ каждому человѣку оно есть сѣмя, которое насаждается, укореняется, растетъ и приноситъ плоды; а плоды царствія Божія—правда, миръ и радость о Дусѣ Святѣ.

Царствіе Божіе внутри васъ есть. Это значитъ: не ищи царствія Божія гдѣ либо вдали отъ себя: не ищи его на небѣ: ибо небо высоко отъ тебя. Не ищи его ни на св. Аѳонѣ, ни въ другихъ обителяхъ: не примѣтишь царствія Божія, хотя здѣсь оно и есть. Царствіе Божіе не приходитъ замѣтнымъ образомъ. Ищи его въ себѣ, Царствіе Божіе внутри васъ есть. Царствіе Божіе, укоренившееся, распространившееся на землѣ и преобразовавшее міръ, должно укореняться, возрасти въ древо и преобразовать всякаго человѣка,

воспріявшаго сѣмя его. Почивающій на херувимахъ, какъ на разумныхъ престолахъ, обитающій въ храмахъ и обителяхъ на землѣ и сердца человѣческія содѣлываетъ своими престолами, и тѣла ихъ храмами и обителями своими. *Сыне, даждь ми сердце твое.* — *Се стою при дверяхъ и толку, аще кто услышитъ гласъ Мой, и отверзетъ двери, вниду къ нему, и вечеряю съ нимъ и той со Мною* (Апокал. 3, ₂₉), говоритъ Господь. Значить, не далекъ отъ насъ Господь: Онъ у сердца твоего, а если примешь его, то и войдешь въ него. Господь, обитая въ сердцѣ человѣка, озаряетъ и умъ его: умъ человѣка, насколько для него возможно, становится Христовымъ умомъ: *мы умъ Христовъ имамы* (Коринѳ. 2, ₁₆), говоритъ св. Павелъ. И волю человѣка Онъ направляетъ по Своему изволенію: *Богъ въ васъ есть, еже хотѣти и дѣяти о благоволеніи* (Филипп. 2, ₁₃). Даже и *тѣлеса ваши*, по словамъ того же апостола, *суть храмъ живущаго въ васъ Духа Божія* (Коринѳ. 6, ₁₉). Итакъ, все существо человѣка, душа и тѣло, обителище Божіе. *Не вѣсте ли, яко храмъ Божій есте, и духъ Божій живетъ въ васъ* (Коринѳ. 3, ₁₇)? Во всякомъ ли человѣкѣ Богъ устрояетъ Свое царствіе? Ко всякому, кто отвергаетъ сердце свое, у дверей котораго стоитъ Господь и стучить, входитъ Онъ и вечеряетъ съ нимъ. Отдающій умъ свой въ послушаніе Христово становится единъ духъ съ Господомъ, тщится имѣть тѣ же мысли, какія и во Христѣ Іисусѣ. Отвергающійся себя, чтобы идти за Христомъ, даже туда, *аможе не хочетъ*, становится тою херувимскою колесницею, которою движетъ Духъ Святыи.

Съ какого времени начинается вселеніе Божіе въ

человѣкъ? Съ того времени, какъ начинается въ немъ жизнь Христова.

А съ какого времени начинается эта жизнь?— Съ того времени, какъ человѣкъ воспріиметь сѣмя жизни.

Воспріятіе сѣмени жизни или начало новой благодатной жизни совершается чрезъ таинство крещенія, а для согрѣшившихъ или проводившихъ жизнь грѣховную по крещеніи, обновленіе начинается чрезъ таинство покаянія. Итакъ, жизнь христіанская, а съ нею и обитаніе Божіе въ человѣкѣ, начинается послѣ крещенія или послѣ покаянія.

Но для начала прохожденія жизни христіанской потребна не одна благодать Господня, а нужно нѣчто и со стороны человѣка. Что именно? Нужно, чтобы самъ человѣкъ пожелалъ воспріять эту благодать и съ своей стороны употребилъ усилія хранить ее и исполнять то, что она будетъ требовать отъ него. *Царствіе Божіе нудится* (т. е. усиліемъ берется) *и нуждницы* (т. е. употребляющіе усиліе) *восхищаютъ* его (Мѡ. 11, ₁₂). Это значитъ, что богоугодная жизнь: правда, миръ и радость, составляющіе сущность царствія Божія, не легко даются, но требуютъ усилія. Это усиліе есть тотъ огонь ревности объ угожденіи Богу, о которомъ Господь сказалъ: *огня придохъ воврещи на землю* (Лук. 12, ₄₉). Какъ огонь сожигаетъ то вещество, которое онъ объемлетъ, такъ огонь ревности о богоугодной жизни сожигаетъ въ душѣ все то, что несогласно съ таковою жизнію.

Духи не угашайте (Сол. 5, ₁₉), говоритъ апостоль, т. е., вы воспріяли огонь Духа Божія, какъ искру; не угашайте ее, а воспламеняйте. Огонь требуетъ поддержки, подкладыванья дровъ или иного горючаго

матеріала, иначе онъ угаснетъ. И жизнь христіанская требуетъ поддержки огня ревности—чтеніемъ, размышленіемъ, молитвою и принужденіемъ себя ко всякому труду. Съ холоднымъ сердцемъ, нерадиво, кое-какъ проходить жизнь христіанскую невозможно.

Богоугодная жизнь есть дѣло трудное, а трудное дѣло безъ усилія не совершается. Посмотрите на владѣльца многомилліонного богатства, начавшаго торгъ свой съ грошей. Не чрезмѣрными ли усиліями, предусмотрительностію, осторожностію и чрезвычайною воздержанностію онъ приобрѣлъ свое богатство? Иногда почи не спать, не доѣдать, не допивать, не боялся ни страха ночнаго, ни нападенія разбойниковъ; перѣзжалъ горы, переплывалъ рѣки; носился, быть можетъ, съ своей коробкой за плечами и въ бурю и подь дождемъ.

Кто хочетъ въ Бога богатѣть, тотъ долженъ поступать также. А ѣдой, питьемъ, снаньемъ да покоемъ, пирами и забавами царствія Божія не приобрѣтешь.

Чтобы приобрести богатство Божіе нужно дѣлать все, что требуется богоугодною жизнью, а не *кое-что* только и не *кое-какъ*. Нужно и къ больному сходить, и нуждающемуся помочь, съ плачущимъ поплакать и съ радующимся порадоваться. Нужно и въ церковь ходить, и дома Богу молиться; нужно и къ утрени рано вставать, а не къ половинѣ литургіи только приходить. Нужно и посты соблюдать, и въ праздники до конца литургіи воздержаніе хранить, не считая безразличнымъ дѣломъ—идти ли въ храмъ Божій не поѣвши и не попивши, или уже сдѣлавши то или другое; ничего не считай малымъ, а все пусть бу-

детъ для тебя какъ бы главнымъ. Знай, что когда начнешь искренно Богу работать, то встрѣтишь много препятствій, много и враговъ: и плоть твоя—врагъ твой, и домашніе—враги человѣку, и міръ его врагъ: а самый злой врагъ твой есть сатана, который, яко левъ рыкая, ходитъ, искій кого поглотити. Ходи всегда во всеоружіи. Будь подобенъ воину, вооруженному и защищенному съ ногъ до головы, облекшись во всеоружіе Божіе; иначе можетъ случиться то, что врагъ твой уязвитъ тебя въ то самое мѣсто, которое не прикрыто. Пусть на чреслахъ твоихъ будетъ поясъ истины, облекись въ броню праведности, держи въ рукахъ мечъ молитвы, на ногахъ—обувь мира и твердости. Посмотри на воина, когда онъ стоитъ на стражѣ. Вотъ онъ постоянно ходитъ взадъ и впередъ и не спитъ; постоянно осматриваетъ кругомъ, нѣтъ ли гдѣ либо опасности. И ты также дѣлай; не спи, держи оружіе въ рукахъ и осматривайся, не подходитъ ли къ тебѣ врагъ откуда либо. Когда въ человѣкѣ является таковая бдительность, сей огонь ревности о богоугодной жизни, тогда можно думать, что его постиже царствіе Божіе, что въ немъ началась жизнь христіанская.

Царство Божіе внутри человѣка въ началѣ бываетъ весьма мало, подобно горушному сѣмени. Какъ у сѣмени сперва не бываетъ ни корней, ни листьевъ, ни вѣтвей, ни плодовъ; такъ царствіе Божіе бываетъ не примѣтно для самаго человѣка: *такъ есть царствіе Божіе, якоже человекъ вметаетъ сѣмя въ землю: и спитъ, и встаетъ нощію и днѣю и сѣмя прозябаетъ и растетъ, якоже не вѣсть онъ* (Марк. 4, ₂₇). И возрастаніе этого сѣмени царствія Божія подобно возра-

станію земного сѣмени. Сѣмя прозябаетъ не на всякой землѣ, и сѣмя царствія Божія возникаетъ не во всякомъ сердцѣ: въ иномъ оно такъ и остается не-всхожимъ и бесплоднымъ.

Не всѣ сѣмена приносятъ одинаковые плоды, но нѣкоторые больше, а нѣкоторые меньше; въ сердцѣ человѣка сѣмя царствія Божія не одинаково плодоноситъ: но въ иномъ скуднѣе, а въ другомъ больше. Иное сердце даетъ больше добра, любви, мира, правды, кротости, смиренія и терпѣнія, а другое меньше.

Сѣмя требуетъ ухода, и сѣмя слова Божія требуетъ того же. Сердце человѣка можно уподобить саду или огороду, а человѣка—огороднику. Что будетъ съ огородомъ, если огородникъ или огородница во все лѣто не заглянуть туда? Все зарастетъ травой, а овощей не будетъ. Такъ и сердце человѣка,—требуетъ ухода и труда, а трудъ—самопринужденія.

Никто не думай, что ревность о богоугодной жизни приходитъ сама собой, по одному желанію человѣка. Она подается отъ Бога, но не безъ участія свободной воли человѣка. Объ ней нужно молиться и быть готовымъ къ принятію ея.

Итакъ, царство Божіе или жизнь христіанская начинается внутри человѣка отъ благодатнаго сѣмени, какъ зерна горюшнаго, при готовности, человѣка къ воспріятію его и при усилии къ возрастанію, при содѣйствіи той же благодати Божіей. Благодатное сѣмя, отъ котораго возрастаетъ царствіе Божіе, подается отъ Бога чрезъ св. таинства—крещеніе и покаяніе. Объ этихъ таинствахъ, если Господь изволитъ, будемъ говорить въ слѣдующихъ бесѣдахъ.

Въ объятіяхъ отчихъ.

(Изъ дневника инока).

„Благослови вѣнецъ лѣта благодѣи Твоея, Господи!“
Годъ какъ младенецъ—наиболѣе чистъ, невиненъ и пріятенъ въ самомъ началѣ, въ первые свои дни, когда еще это младенчество его позволяетъ ему быть и хорошимъ и счастливымъ,—когда мы еще можемъ сдѣлать его добрымъ и благословеннымъ для насъ—своимъ добрымъ дѣланіемъ. Послѣ, когда мы въ немъ вмѣсто добра умножаемъ свои педуги и грѣховныя навыки, онъ—такъ сказать—загрязняется нашею нечистотою и дѣлается менѣе достойнымъ благословенія Божія.

Кто изъ насъ не мечталъ, въ минуты порывовъ любви ко Спасителю, принести Ему самую угодную жертву, потерпѣть ради Его самое острое страданіе, какъ это дѣлали святые мученики и мученицы за Христа. О, такую жертву имѣешь возможность принести ты, склоняясь предъ Его испытаніями, особенно для тебя непосильными, въ покорности и терпѣніи и примиреніи съ событіями, причиняющими тебѣ тѣ или другія страданія.

„Привелъ діаволъ Господа во *святый* градъ... (Матѹ. 4, 5)“. И насъ искушаетъ врагъ въ самыхъ святѣйшихъ мѣстахъ, въ самыя священнѣйшія минуты, самыми священнѣйшими святынями. Ничѣмъ не брезгуетъ окаянный, и настолько смѣлъ, что идетъ и на самый вѣрный рискъ, не упуская случая испробовать хотя бы и одну возможность на 99 другихъ.

*

Что можетъ устоять въ Тебѣ, Отечески-близкій къ намъ, Господи, предъ сыновне-горячею къ Тебѣ вѣрующею молитвою? Поистинѣ—это единственная Твоя „слабость“, что вѣрующему въ Тебя и уповающему ничто не невозможно. Мы побѣдили Твое сердце Твоимъ же оружіемъ—Отеческою Твоею любовію и силою нашей дѣтски-трогательной безпомощности, предъ которой не можетъ устоять Твое состраданіе.

*

Почему намъ живется все плоше и плоше? И что надо дѣлать, чтобы наоборотъ—жилося намъ лучше и лучше? Надо постараться—вспомнить заповѣди Господни и понемножку нудить себя жить по Его св. заветамъ. Вотъ оно и пойдетъ все лучше и лучше. Пусть полного „хорошо“ мы и не достигнемъ, никогда не достигнемъ. На то оно и дано на вѣчныя времена и поколѣнія, чтобы — никогда не достигаемое во всей широтѣ и полнотѣ—всегда служило для всѣхъ путеводною звѣздою и мѣрою лучшаго. Но гдѣ же эти животворящія велѣнія Господни, слѣдуя которымъ мы должны жить? Ищи ихъ и открывай повсюду. Они разсыпаны какъ драгоценный радій въ мельчайшихъ доляхъ и степеняхъ силы повсюду въ жизни—не въ книгахъ только, даже не въ Евангеліи только, а не

менѣе—если не болѣе—въ жизни нашей и въ жизни всего и всѣхъ, кто и что такъ или иначе съ нашею жизнію соприкасается.

* * *

„*Колеснице* гонителя фараона погрузи... Израиля же бѣглеца *пѣшеходца* спасе...“ Дивная пѣснь, прекрасная и прекрасно выраженная мысль: на колесницахъ гналъ фараонъ и погибъ, а Израиль пѣшкомъ брелъ и спасся. Очевидное превосходство силы побѣждено очевиднымъ избыткомъ слабости и вооруженная злоба—безоружною беспомощностію. Такъ у Господа побѣждается и естества чинъ, и вопреки всякимъ человѣческимъ ожиданіямъ и соображеніямъ торжествуетъ высшая правда надъ человѣческимъ надменіемъ.

* *

„*Колесничникъ въ добродѣтеляхъ, мняшеся теици фарисей: но пѣшій, паче Лидійскія колесницы текій, мытарь добръ предзари, припрягъ щедротъ смиреніе* (нед. мыт. и фар. п. 5)“. Дивная красота картинной рѣчи: по добродѣтелямъ—казалось, какъ будто на колесницѣ летѣлъ фарисей: однако, пѣшій мытарь (т. е. совсѣмъ бездобродѣтельный) перегналъ того, летя быстреѣ самой быстрой (Лидійской) колесницы, запрягши свою пару: щедроту и смиреніе.

* * *

✓ Мы и въ покаяніи ухитряемся быть фарисейски-горделивыми: каемся не со смиреніемъ и уничиженіемъ, а съ возмущеніемъ оскорбленнаго самолюбія и стыдливости. Намъ стыдно—не *быть* грѣшниками, а *называются* ими, такъ какъ мы хотѣли бы, чтобы насъ всѣ считали праведниками, хотя мы и недостойны того.

* * *

Изъ письма изнемогающему другу бѣдныхъ (бродяжекъ):

„Дорогая матушка В. Вы стонете, а я радуюсь за Васъ. Знаю, что Вамъ тяжело, но и то знаю, что Вамъ Господь дастъ много и терпѣнія, которое выковываетъ Вамъ—о, какой свѣтлый и чудный вѣнецъ! Вы и къ Богу отойдете со стономъ, но это не стонъ отчаянія и малодушія, а истинно—стонъ высшей, болѣзненно-сладкой любви къ Нему и къ тѣмъ, къ которымъ Онъ послалъ Васъ творить милость Его. Это стонъ Вашей души, которая скорбитъ, что она только *одна*, и что только эту одну, а не 2, не 3, не сотню, не тысячу душъ Вы можете положить за други своя. Да, Господь далъ Вамъ всего одну душу, и Вы эту душу, всю безъ остатка, уже положили за други своя—не разъ, не два, а миллионы разъ. Желанное выше исполнилось. Больше у Васъ ничего не остается и себѣ. Впрочемъ, и этотъ послѣдній остатокъ, на который Вы могли бы имѣть безспорное право, иждивается Вами опять же на нихъ, на ближнихъ Вашихъ. Постони же и еще немного, Богомъ единымъ дышущая душа. Легче, когда постонется. Дѣлай свое дѣло, пока не свалишься съ ногъ и пока не опустятся и не ослабѣютъ руки по волѣ Того, безъ Котораго власъ главы нашей не погибаетъ и Который извелъ тебя на св. дѣло сіе. Господь да утѣшитъ тебя и да благословитъ Своею милостію! Съѣзди куда-нибудь, отдохни хотя немного. И это тебѣ дѣло святое. У святыхъ трудовъ и отдыхъ святъ, и сонъ дѣло Боголюбезное, охраняемое ангелами Божиими“.

Каждому дается своя тема для жизни. Небесный Учитель даетъ эти темы, строго соразмѣряясь съ индивидуальными особенностями и способностями ученика. Одному юношѣ, спросившему у Господа о томъ, какъ наследовать жизнь вѣчную, отвѣтъ былъ таковъ: все продай, раздай и иди за Мной! Другому, хотѣвшему сдѣлать именно это—пойти за Нимъ, Господь—наоборотъ—сказалъ уклончиво: „лиси язвыны имутъ...“ и т. д. и—не позволилъ идти. Третьему, трогательно молившему послѣ исцѣленія: позволь мнѣ остаться съ Тобою!—повелѣлъ: ступай и возвѣсти всѣмъ бывшее! Четвертому, хотѣвшему сдѣлать именно это, запретилъ и повелѣвалъ никому не повѣдать бывшаго. Пятому, навязывавшемуся въ апостолы, отвѣтилъ: никтоже, возложивъ руку на рало и зря вспять, управленъ будетъ въ Царство небесное! Шестого, бывшаго яримъ гонителемъ Церкви Божіей, сдѣлалъ величайшимъ изъ апостоловъ. Вотъ какъ различно каждого принимаетъ Господь.

*

Я видѣлъ дѣвушку, приносившую любовь земную въ жертву любви небесной, видѣлъ въ самый моментъ трогательно-торжественный моментъ ея священнодѣйствія. Тихими, но многоводными слезами плакала она у меня предъ образомъ Царицы Небесной съ Божественнымъ Младенцемъ. И когда неудержимыми рыданіями своими она безъ словъ говорила Ей, что Ея пречудный Младенецъ все же для нея выше и дороже всѣхъ другихъ привязанностей, я любовался на нее любящимъ взоромъ Отца Небеснаго. Я ощущалъ въ эти минуты не чувства человѣческія, а чувства Божественныя. Я переживалъ состояніе Его Отческаго

сердца, которое въ эти минуты радовалось и принимало съ невыразимымъ блаженствомъ ничѣмъ неизмѣримую жертву юнаго невиннаго существа. Со временемъ эта минута дастъ ей неизсякаемый источникъ духовной радости. Она найдетъ въ ней опору для себя въ часъ послѣдній. Она узнаетъ и почувствуетъ, что не даромъ жила на свѣтѣ. Одна эта минута стоитъ цѣлыхъ многихъ жизней. И если ея жизнь пойдетъ и дальше по этой заданной темѣ, она будетъ прекраснѣйшимъ созданіемъ сердца человѣческаго и любви Божественной. Это—священнѣйшее таинство, которое только могутъ совершить дерзновенныя силы человѣческія. Это безконечная тема для безконечно радостныхъ переживаній и воспоминаній.

* * *

Со страхомъ надо жить и благоугождать Богу: приметъ ли Онъ наши труды, не посрамитъ ли насъ за тѣ или другіе тайные злые помыслы, дѣла и намѣренія? Каждый день можетъ быть для насъ днемъ конечнаго отверженія Божія.

* * *

Когда горитъ домъ, не приходится жалѣть стеколъ. Господь нѣкогда весь рай уничтожилъ, когда заползла въ него адская змѣя. Такъ и мы, когда кругомъ бываемъ въ засадѣ отъ врага, въ огнѣ, когда врагъ явно ищетъ уловить и погубить насъ, иногда даже и въ священныхъ стѣнахъ храма, не приходится жалѣть хотя бы и священныхъ „стеколъ“, т. е. иногда приходится жертвовать и священными обязанностями, разъ только удастся замѣтить, что врагъ дерзаетъ употребить ихъ въ средство къ нашему уловленію.

А. І.

Духовная бесѣда.

Предъ плащаницею.—Что сіе видѣніе, возлюбленные братіе! Господь и Богъ нашъ, осужденный, какъ какой-либо преступникъ, терпѣть позорную крестную смерть и, какъ обыкновенный человѣкъ, предается погребенію. Ты ли это, Господи, Который одѣваешься свѣтомъ яко ризою, простираешь небо яко кожу? Ты ли это, Господи, призираяй на землю, и творяй ю трястися; прикасаяйся горамъ, и дымятся (Псал. СІІІ, 2, 32)? Вѣдь Ты, Господи, привелый всяческая отъ небытія въ бытіе, Своею державою содержишь всю тварь, и Своимъ Промысломъ строишь весь міръ: Тебѣ поетъ солнце, Тебя славить луна, Тебѣ присутствуютъ звѣзды, Тебя трепещутъ бездны. Ангельскія силы Тебѣ служатъ, Архангельскіе лица Тебѣ кланяются; многоочитіи Херувимы и шестокрилатіи Серафимы окрестъ стояще и обстояще страхомъ не приступныя Твоея славы покрываются. Ты Богъ неописуемъ и безначаленъ. Ты и нашъ Владыка и Творецъ. Мы же твои твари. Кто же Тебя, Господи, столь преславнаго и великаго, довелъ даже до распятія, даже до смерти? Да, мы же, мы—ничтожныя Твои твари. Человѣческій грѣхъ сдѣлалъ это. Ты, по Твоей ми-

лости и милосердію, не могъ болѣе терпѣть, видя мучимый отъ діавола родъ человѣческій. Ты не захотѣлъ. Творецъ нашъ и Господь, дабы мы погибли во грѣхахъ, а снисшелъ къ намъ—Твоимъ тварямъ, и потребилъ въ насъ, этотъ прибывающій отъ діавола, грѣхъ. Такъ, вотъ кто,—человѣческій грѣхъ, онъ довелъ Тебя, Господи, до крестныхъ страданій и смерти. Ты, проклятый грѣхъ, все это сдѣлалъ. Ты, грѣхъ, нѣкогда отвергалъ меня отъ моего Господа и Творца, ты, грѣхъ, лишилъ меня рая, ты, грѣхъ, ввелъ меня въ бездну страстей, самыхъ скверныхъ, самыхъ нечистыхъ, оскверняющихъ богоподобную мою душу и тѣло и унодобляющихъ меня безсмысленнымъ скотамъ. Ты, грѣхъ, принесъ мнѣ болѣзни, скорби, слезы, страданія и, наконецъ, даже самую смерть. Это ты, грѣхъ, сдѣлалъ то, что уязвлена терновымъ вѣнцомъ глава моего Господа за мои дурные, нечистые помыслы; это ты, грѣхъ, сдѣлалъ то, что прободено копіемъ ребро моего дражайшаго Спасителя за мои злонравныя чувства злобы, коварства и вражды; это ты, грѣхъ, сдѣлалъ то, что гвоздями изранены пречистыя руки и ноги моего Господа за мои дурныя дѣла и злыя дѣянія. Какъ же, послѣ этого, я долженъ возненавидѣть тебя, грѣхъ! Я тебя долженъ презирать, отъ тебя бѣжать, тебя ужасаться, ибо ты—грѣхъ и мнѣ несчастье принесъ и моего Господа и Творца довелъ до креста... И если, возлюбленные братіе, безсильны были человѣкъ въ борьбѣ со грѣхомъ до крестной смерти Спасителя; если до нея онъ могъ только мучиться отъ грѣха, томиться, страдать, постоянно искать выхода изъ такого безотраднaго положенія и не находить, то что сказать о состояніи человѣка теперь?

Человѣкъ и теперь слабъ, немощенъ и грѣховенъ, но у него уже есть Спаситель. Теперь, какъ бы онъ не былъ грѣшенъ, онъ можетъ припасть къ Распятому за него Господу,—взирать на Него, молиться Ему, вопить къ Нему, обнимать подножіе Креста своего Спасителя и Господа и не отходить отъ Него до тѣхъ поръ, пока не потребить въ себѣ грѣха. Но, Господи! неужели же и послѣ этого, какъ искупилъ Ты насъ отъ грѣха, проклятія и смерти, мы будемъ слѣдовать грѣху, насъ погубившему? Беззаконно жить—вѣдь это значитъ—вторично распинать Тебя!.. А въ дѣйствительности такъ и бываетъ. Мы снова и снова впадаемъ въ грѣхъ и, тѣмъ самымъ, Тебя, Господи, распинаемъ... Ты намъ далъ и высочайшее званіе христіанъ, Твоимъ крестомъ мы ограждаемся; крестъ, на которомъ Ты распялся, мы вездѣ стараемся ставить предъ собою, какъ напоминаніе о Тебѣ, Спасителѣ—Христѣ и, не смотря на это, однако льнемъ къ грѣху. Бѣдные же мы люди! Какъ мы неблагодарны, какіе мы измѣнники, какія мы злыя твари! Но, Господи, пошли намъ благодать возчувствовать всю свою скверну грѣховную и познать Твои благодѣянія къ намъ. Пошли намъ эту благодать, Господи! Тогда мы, дѣйствительно, будемъ врагами грѣха и присными Тебѣ, нашему Господу и Спасителю.

„Въ міръ скорбни будете.“—Предъ Своими страданіями Спаситель сказалъ ученикамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣмъ Своимъ послѣдователямъ: „въ міръ скорбни будете“ (Іоан. XVI, 33). И дѣйствительно,

христіанина часто посѣщаютъ болѣзни, несчастія, скорби и бѣды. Что же?—Будемъ ли мы унывать и падать духомъ при всякомъ несчастіи? Нѣтъ,—вспомнимъ, что, видя растлѣвшее грѣхомъ естество человѣческое, Господь въ теченіи всей Своей жизни глубоко страдалъ за всѣхъ насъ и, взявъ всего міра бремя грѣховное, Онъ и сейчасъ о всѣхъ печется и всѣмъ только и „хочетъ спастися и въ разумъ истины пріити“ (I Тим.—II, 4). А потому терпишь ли ты невзгоды житейскія, болѣешь ли, знай, что Господь не оставляетъ тебя, напротивъ, ты—Его избранникъ. Быть-можетъ, Онъ испытываетъ въ этихъ несчастіяхъ твою вѣру и какое благо тебя ожидаетъ, если ты терпѣливо переносишь ниспосланное тебѣ испытаніе!

Вспомни Авраама, Іова, которые подвергаясь тяжелому испытанію, не впадали однако въ уныніе, а, напротивъ, продолжали надѣяться на помощь Божию. „Господь далъ, Господь и взялъ; да будетъ имя Господне благословенно!“ (Іов. I, 21), говорилъ, среди постигшихъ его несчастій, праведный Іовъ. По человѣческой немощи, правда, тяжело иногда переносить несчастія земныя, тяжело хоронить близкихъ сердцу людей, тяжело испытывать болѣзни! Слеза невольно катится у насъ изъ глазъ отъ печали и горя! Придетъ, напр., лѣто красное или праздникъ Господень, народъ веселится, ликуетъ, чувствуетъ силу, здоровье, дышетъ легко, а ты, быть можетъ, сидишь въ своей душевной хижинѣ, томимый тяжкимъ недугомъ, кашляешь кровью, не можешь даже пройти нѣсколько шаговъ, глядишь въ окно, изнываешь духомъ и увлажяешь глаза свои слезами... А вотъ, ты хоронишь близкаго твоему сердцу человѣка, вспоминаешь при

этомъ, какъ вмѣстѣ съ умершимъ дѣлилъ ты радости и горе, воспоминаешь, далѣе, что больше не придется уже тебѣ видѣть его, что холодная могила скоро навѣки скроетъ его отъ твоихъ глазъ и ты плачешь, тоска надрываетъ твое сердце... И мало-ли въ жизни встрѣчается невзгодъ, когда невольно слезы катятся изъ нашихъ глазъ!.. Но какъ бы ни велики были твои несчастія, ты не падай духомъ, не унывай, а надѣйся на милость Божию и постоянно въ сердцѣ своемъ повторяй: да будетъ воля Господня, Онъ премудрый нашъ Отецъ! Утѣшай себя и той мыслию, что всему на землѣ придетъ конецъ, а въ томъ числѣ и твоему горю и несчастію. Да и есть ли на землѣ истинное счастье? Тутъ все кропится слезами, скорбь—всѣмъ близкая родня и, между цвѣтами счастья, грусть таится, какъ змѣя... Скорбнымъ путемъ намъ определено идти въ Царство Небесное, только крестъ намъ небо отверзаетъ, только крестъ намъ блаженство даетъ, только тотъ, кто на землѣ засѣваетъ слезами, пожнетъ на небѣ съ улыбкой, Но слезы наши должны быть невинны, въ нихъ не должно быть укора или ропота на Бога. Въ слезѣ должна мольба сіять, любовь струиться, надежда блистать... Утѣшай себя и тѣмъ, что за твое земное, кратковременное страданіе Господь тебя наградитъ небеснымъ, вѣчнымъ веселіемъ... Есть и еще одно средство, которое облегчаетъ перенесеніе нами скорбей, бѣдъ и несчастій. Средство это молитва. Болѣешь ли ты, терпишь ли утѣшенія, осиротѣлъ ли—во всѣхъ твоихъ несчастіяхъ усиль твою молитву, принади къ Спасителю, обойми подножіе Креста Господня; излей предъ Нимъ всю свою скорбь, все свое горе, воззови къ Нему въ сокрушеніи сердечномъ:

Боже мой, Боже мой! я немощенъ и скорбенъ, я изнемогаю подъ бременемъ несчастій земныхъ, помоги же мнѣ, Царь неба и земли, терпѣливо нести мой крестъ земной, направь всю жизнь мою на благое. При этомъ, твердо вѣрь, что Господь слышитъ тебя и продолжай молитву свою до тѣхъ поръ, пока на твоихъ глазахъ покажется слеза, пока ты почувствуешь въ душѣ своей миръ и успокоеніе, пока благодатное утѣшеніе, подобно тому какъ бальзамъ, не разольется по всему твоему существу... Послѣ такой молитвы, ты сдѣлаешься бодрымъ, почувствуешь крѣпость духа, ощутишь новыя силы для борьбы съ бѣдствіями твоей жизни. Тебя уже, потомъ, не будутъ страшить ни болѣзнь, ни бѣдность, ни сиротство... Итакъ, добрый христіанинъ, „когда тропой тернистой Господь ведетъ тебя—ступай; и лишь молитвой чистой себѣ дорогу расчищай. Когда кругомъ тебя—лишенія, потери, скорби и бѣды,—въ колѣнопреклоненіяхъ себѣ отраду находи. Когда позоръ, проклятія на голову спадутъ,—молись ты у Распятія—замолкнутъ, побѣгутъ. Пусть на тебя весь міръ, все люди ополчатся, а ты терпи, молись... Зачѣмъ въ бѣдѣ теряться? Нѣтъ — бодрствуй и крѣпись! Страдалецъ! вѣрь въ спасенье; на Бога уповай и никогда не забывай, что Онъ за горе, за терпѣнье намъ обѣщаетъ небесный рай“.

— „*Не имамъ иныя помощи*“... Пресвятая Дѣва Марія удостоилась быть Матерію нашего Господа Іисуса Христа, а такъ какъ Господь называлъ вѣрующихъ въ Него Своею братією (Двр. 2 гл. 11—12 ст.).

то Пресвятая Дѣва Марія есть Мать и всѣхъ насъ—христіанъ, есть Мать всего рода христіанскаго. Предъ тѣмъ, какъ Ей отъ земли войти въ небесный чертогъ Сына Своего, Она, Царица Небесная, обѣщала Свой покровъ и заступленіе апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ намъ. „Не оставлю васъ сиры“, говорила Она. И поистинѣ, Божія мать есть утѣшительница и заступница всѣхъ скорбящихъ и обремененныхъ. „Утоли болѣзни многовоздыхающія души моя, утолившая всяку слезу отъ лица земли“, такъ молится, въ одной церковной пѣсни, страждующій нашъ братъ Божіей Матери. „Не имамъ инья помощи, инаго предстательства, ни утѣшенія, токмо Тебе, о Мати всѣхъ скорбящихъ“... „Царице моя Преблагая, надеждо моя Пресвятая, зриши мою напасть, зриши мою скорбь“, воздыхаетъ христіанинъ, въ другихъ церковныхъ пѣсняхъ. А сколько онъ проливаетъ слезъ Божіей Матери безъ словъ и вдали отъ взоровъ человѣческихъ—въ несчастіяхъ и скорбяхъ!.. Христіанинъ и самыя чудотворныя иконы Пресвятыя Богородицы называетъ соотвѣтствующими получаемымъ отъ нихъ утѣшеніямъ именами: то „утоли моя печали“, то „взысканіе погибшихъ“, то „всѣхъ скорбящихъ радость“, то, „милующая“. О чемъ же, возлюбленные братіе, свидѣлствуютъ всѣ эти многоболѣзненные вопли христіанина къ Божіей Матери и такія названія Ея чудотворныхъ иконъ? Не о иномъ чемъ, какъ о томъ, что съ одной стороны, дѣйствительно, много скорбей и несчастій приходится переносить христіанину въ этой жизни, а съ другой о томъ, что во всѣхъ этихъ несчастіяхъ Божія Мать является несомнѣнной заступницей и покровительницей нашей. Насъ такъ

часто поглощаютъ житейскіе интересы, собственное наше счастье, что мы и не замѣчаемъ страдающаго, быть-можетъ, близъ насъ брата. А между тѣмъ, такихъ страдальцевъ въ мірѣ много, много... Если бы вынести наружу все то горе, какое переживаютъ люди, если бы представить его предъ нашими глазами, то здѣсь мы увидѣли бы цѣлые потоки слезъ, раздирающіе душу вопли и рыданія, которые бы затопили и наполнили бы собою цѣлый міръ. Вотъ напр., подвалъ городского дома—грязный, темный сырой... Свѣжему человѣку трудно въ немъ побыть и нѣсколько часовъ. Но и здѣсь ютятся бѣдные люди. Несчастная вдова съ малыми дѣтьми только здѣсь могла найти себѣ пріютъ. Не выдержало, однако, слабое тѣло женщины этой нищеты и бѣдная страдалница стала чахнуть, а вотъ, она и совсѣмъ слегла. Ужъ она кашляетъ кровью, ужъ она, по временамъ, теряетъ сознание, а бѣдные дѣти не понимаютъ, что мать ихъ умираетъ. Скоро и совсѣмъ затихла страдалница... Она умерла... И пришли чужіе люди и унесли трупъ умершей... А бѣдная, бѣдная дѣти—сироты, кто теперь имъ замѣнить мать, ея любовь и заботливость?.. А вотъ, похоронная процессія... За гробомъ идутъ родные умершаго; на лицахъ ихъ отпечатлѣвается горе; но особенно безутѣшно скорбитъ молодой человѣкъ—онъ хоронитъ жену. Идетъ онъ за гробомъ, но ничего не видитъ предъ собою, ибо слезы великой скорби застилаютъ ему глаза, тѣснятъ его грудь, сжимаютъ его дыханіе. Вотъ уже подошли къ нововырытой могилѣ и проситъ бѣдный страдалецъ еще разъ поднять крышку гроба, онъ поправляетъ голову умершей, проситъ не особенно трясти гробъ, совершенно

забывая о томъ, что хладный трупъ ужъ ничего не чувствуетъ... Еще мгновеніе и гробъ опускають... И рвется несчастный страдалецъ къ могилѣ, онъ готовъ ринуться въ нее, готовъ рядомъ лечь съ умершей, но его удерживаютъ... А вотъ, и еще картина людского горя, картина, которую намъ, однажды, пришлось наблюдать. Вокзалъ; всѣ въ ожиданіи прихода поѣзда. Народъ суетится. Кто ожидаетъ пріѣзда дорогихъ родныхъ и, поэтому, сердце ихъ наполнено чувствомъ радости. Кто горитъ нетерпѣніемъ скорѣе сѣсть на поѣздъ, который долженъ доставить ихъ въ родныя мѣста. Тутъ же можно замѣтить небольшую группу людей и посреди ихъ женщину. Послѣдняя невольно обращаетъ на себя вниманіе проходящихъ. Она находится въ какомъ-то изступленіи... То она что-то заговорить, то засмѣется, то вдругъ зарыдаетъ, то неистово вскрикнетъ... Видно, тяжелое несчастіе переживаетъ эта женщина. Но вотъ, и поѣздъ подошелъ. Народъ засуетился; слышались привѣтствія радостной встрѣчи. Рванулась къ поѣзду и скорбящая эта женщина. Но что ей поѣздъ привезъ?!—Двери товарнаго вагона отворились и открыли ей безмолвный гробъ съ умершимъ ея мужемъ. Не выдержала несчастная страдалица и какъ мертвая упала наземь. Два мѣсяца тому назадъ мужъ ея, заболѣвъ, отправился въ теплый край лѣчиться. Сильна была надежда у супруговъ на благополучный исходъ болѣзни. И вотъ, теперь, несчастная жена встрѣчаетъ своего дорогого мужа бездыханнымъ... И зачѣмъ много еще распространяться въ описаніи людского горя, когда скорбь всѣмъ намъ — близкая родня, когда на землѣ все кропится слезами... Возлюбленные,—добрые мои

братіе и сестры! Да возымѣмъ любовь другъ къ другу! Сплотимся въ одно общество братское, дружное! Будемъ смотрѣть на каждого человѣка, какъ на своего брата дорогого, близкаго намъ. Кто богатъ, пусть матеріально помогаетъ страждущимъ, а кто не имѣетъ средствъ, тотъ пусть, по крайней мѣрѣ, любовью награждаетъ несчастныхъ. Ибо тогда, возлюбленные, легче будетъ всѣмъ намъ переносить скорби и печали сей земной жизни. Вы знаете, что горе наше уменьшается, когда съ нами его раздѣляютъ другіе. Семейный сынъ легче переноситъ смерть отца, чѣмъ одинокій, ибо въ первомъ случаѣ скорбь какъ бы дѣлится между многими членами семьи, во второмъ—она всею своею тяжестью падаетъ только на одного. Это въ семьѣ обыкновенной, родственной. А что было бы, если бы всѣ мы—всѣ христіане составили изъ себя одну братскую семью,—повѣрьте, легче было бы намъ жить, легче бы и переносить несчастія и скорби, которыя такъ часто насъ постигаютъ. Но, къ великому прискорбію, не всѣ люди добрые. О, какъ часто надежда на людей, на ихъ сочувствіе и состраданіе остается тщетною! Какъ часто нашъ страждущій братъ не получаетъ отъ насъ никакой поддержки и утѣшенія! Часто мы даже сами бываемъ причиною скорби нашего брата, его болѣзни и несчастія. Мы связаны другъ съ другомъ, находимся въ зависимости другъ отъ друга—и эта наша зависимость отъ людей нерѣдко бываетъ причиною нашихъ печалей и несчастій. Если бы ты зависѣлъ только отъ добрыхъ людей, отъ такихъ людей, которые бы входили въ твое положеніе, жили бы твоею жизнію, интересовались бы твоимъ покоемъ и счастьемъ, тогда бы меньше было у тебя

скорбей, но какъ часто ты зависишь отъ людей своекорыстныхъ, самолюбивыхъ, гордыхъ... И ихъ-то собственное счастье и покой и дѣлаются причиною твоего несчастія и слезъ... Не надѣйся, поэтому, возлюбленный братъ, на людей... Есть у тебя великая покровительница и заступница—Матерь Божія. Ей ты въ минуты скорби и несчастія повѣдай свою скорбь, свое горе, открой свою душу, къ Ней ты устрени свои слезящіеся взоры, къ Ней ты припади и воззови изъ глубины души о помощи и Она, Премилосердная, не оставитъ, не оттолкнетъ тебя, какъ часто отталкиваютъ тебя люди! Она прольетъ елей утѣшенія въ твое сердце, примиритъ тебя съ твоею несчастною долею, устроитъ твою жизнь такъ, какъ полезнѣе для тебя и для спасенія твоей души.

Арсеній Епископъ Серпуховскій.

Слава Животворящему Кресту.

Креста Господня славна сила
Блистательна Она вездѣ,
Торжественно себя явила
На небѣ, въ адѣ, на землѣ.
На небѣ Ею Рай отверзся,
Сражонъ во адѣ сатана.
Ей къ Богу человѣкъ вознесся,
Надъ смертию власть ему дана.
Потоки силы благодатной
На землю проливаетъ Крестъ,
Подъ сѣнію Его отрадной
Печалямъ не бываетъ мѣсть.
На Нёмъ Распятый Жизнедавецъ
Усладу въ горестяхъ даетъ,
Великій бывшій Самъ Страдалецъ
Онъ страждущихъ подъ кровь берётъ.
Съ Креста же помощь подается
Добро полезное творить,
Его же силой въ насъ блюдетъ
Способность ближняго любить.
Крестомъ мы страсти побѣждаемъ,
И миръ въ душѣ своей творимъ,

Соблазны всяки отражаемъ

И нравы добрые хранимъ.

Не только душу Онъ спасаетъ

Для жизни вѣчной и святой,

И тѣло Имъ мы защищаемъ

Отъ бѣдствій жизни сей земной.

Крестомъ мы сѣти расторгаемъ,

Какія всюду ставитъ врагъ,

Его гордыню низлагаемъ

И замыслъ обращаемъ въ прахъ.

Ходи, собратъ ты, съ Крестной Силой,

Её усердно призывай,

И въ жизни свѣтлой и унылой

Себя ты Ею осѣняй.

Кто съ Крестной Силой всюду ходитъ

И съ вѣрой прибѣгаетъ къ ней,

Тотъ скоро къ святости выходитъ

И зрѣтъ въ чистотѣ своей.

Тотъ сѣни смертной не боится

И жизнью вѣчною живетъ,

Душа въ немъ къ Господу стремится,

Любовію къ Нему цвѣтетъ.

Господень Крестъ мы всѣ возлюбимъ,

Къ Нему съ надеждою прильнемъ,

Имъ спасены всегда мы будемъ,

Свое блаженство въ Немъ найдемъ.

Отцы и Матери ведите

Дѣтей къ подножію Креста,

Какъ можно чаще имъ твердите.

Что Крестъ Великій даръ Христа.

Что Онъ Оружіе Спасенья

И въ Немъ сокрыта благодать,

Что тайны чудной искупленья
Намъ безъ Него бы не видать.

Отъ Васъ сперва они познають,
Какъ Крестъ Господень почитать;
Потомъ и сами пожелаютъ
Его во вѣки величать.

Пусть каждый день они лобзають
Животворящій Крестъ Христовъ
И нѣжнымъ сердцемъ постигаютъ,
Какъ Онъ спасать всегда готовъ.

Пусть съ симъ обычаемъ возрастають
На благо Русской всей земли,
И милость Божью привлекають
Къ себѣ и членамъ своей семьи.

Тогда то души ихъ младыя
Окрѣпнуть въ жизненныхъ трудахъ,
Не повредятъ имъ козни злыя,
Успѣхъ имъ будетъ данъ въ дѣлахъ.

И процвѣтетъ отъ силы Крестной
Весь православный нашъ народъ,
И благодатию чудесной

Прославится изъ рода въ родъ.
И Самъ Господь Его возлюбитъ,
Своимъ избраннымъ назоветъ,
И чрезъ Него весь міръ возбудитъ
И къ Силѣ Крестной призоветъ.

Иноки Геосиманскаго Скита.

Ангелы ¹⁾).

„Вѣрую во единого Бога.... Творца небу и земли, видимымъ же всѣмъ и невидимымъ“.

„Горѣ къ высотѣ, души горѣ сердечное око, и умная стремленія, любовію божественною имуща, въ душахъ своихъ простираемъ всегда: яко да иже оттуду лучами облистаети, убогнемъ тьмы страстей, чающе со ангелы предстати страшному престолу Зиждителя, и преобразитися отъ свѣта во свѣтъ“ (стихира на „Господи возвыси“ въ честьъ вѣч. гласъ 2-й).

Много дивныхъ красотъ разсѣяно предъ нашими взорами щедродательною десницею Вышняго. Поля, луга, желтѣющія нивы, испещренныя изукрашенныя цвѣтами, одѣтыми такъ, какъ и Соломонъ не сравнялся во всей славѣ своей, дремучіе лѣса съ ихъ несмолкаемыми трелями пернатыхъ, дикія горы, ущелья и скалы, застывшія, какъ бы въ своей величавой задумчивости, море безбрежное, синее, съ своими пѣнящимися бурливыми волнами, тихій ручеекъ, мирно и пѣжно журчащій гдѣ-либо въ зеленой долині, звонкая пѣсня жаворонка, уносящагося въ высь, небо тысячеокоое, здѣздное—все это, и въ полѣ каждая былинка, и въ небѣ каждая звѣзда, все мірозданіе полно такихъ неизъяснимыхъ красотъ, что, правда, по признанію одного учителя Церкви, не выдержать

¹⁾ Бесѣда, въ сокращеніи произнесенная въ Марео-Марьинской Обители.

бы умъ, не вмѣстило бы сердце, если-бы мы, рождаясь сразу взрослыми и сознательными, вдругъ увидели бы всѣ эти красоты, правда, понятенъ становится и восторженный гимнъ Царя-псалмопѣвца въ честь Творца всей этой красоты: „Яко возвеличишася дѣла Твоя, Господи, дивна дѣла Твоя, Господи, вся премудростію сотворилъ еси! Господи, Боже нашъ! Какъ чудно имя Твое по всей землѣ! Взятся великолѣпіе Твое превыше небесъ“! (Пс. 103 и 8). Но... что суть всѣ эти видимыя красоты въ сравненіи съ невидимыми! Что суть эти видимыя красоты, какъ ни отблескъ, какъ ни тѣни отъ незримаго очами? Есть, возлюбленные, за этимъ видимымъ нами звѣзднымъ небомъ, есть другое небо—небо небесъ, куда восхищенъ былъ нѣкогда великій апостолъ языковъ и гдѣ слышалъ и видѣлъ онъ то, „ихъ же око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце человѣку не выдоша“. Небо это также усеяно звѣздами, но такими, которыхъ мы и представить теперь себѣ не можемъ. звѣздами, никогда не спадающими, присно сіяющими, утренними звѣздами, какъ написано въ Писаніи: „при общемъ ликованіи утреннихъ звѣздъ утверждены были основанія земли и положенъ краеугольный камень ея“ (Іов. 38, ₇₆). Эти утреннія звѣзды—ангелы Господни.

О, возлюбленные, знаете-ли, чувствуете-ли вы всю неизмѣримость милости Божіей въ томъ, что намъ, сынамъ персти, отверзто небо, намъ, грѣхомъ омраченнымъ, чрезъ таинства Церкви Православной даруются просвѣтительныя духовныя очи, которыми можемъ мы зрѣть небожителей, ангеловъ Божіихъ. „Отнынѣ, обѣщано намъ, узрите небо отверзто и ан-

гелы Божіи, восходящіе и нисходящіе надъ Сына Человѣческаго“ (Іоан. I гл., 51). „Небо, восклицаетъ по этому поводу одинъ проповѣдникъ, это блаженное жилище невидимыхъ духовъ и наше будущее вѣчное жилище, прежде очень мало было извѣстно. О, одно это незнаніе, какъ было бы убійственно, мучительно для насъ! Въ минуты, скорби, въ часы сѣтованія, куда было бы намъ улетать душою? Въ минуты смерти, въ часы разлуки, гдѣ было бы намъ находить утѣшеніе? И что была бы это за жизнь, которая должна кончиться невозвратно? Лучше бы вовсе такъ не жить. И что были бы это за радости, которыя должны исчезнуть навсегда? Лучше бы вовсе такъ не радоваться. Теперь, съ пришествіемъ на землю Христа Спасителя, подобныя мысли не могутъ и не должны насъ беспокоить. Теперь у насъ есть небо—страна отрады и утѣшенія, куда такъ часто мы отъ суеты мірскихъ улетаемъ отдыхать душою, успокоиваться сердцемъ; теперь есть у насъ вѣчная жизнь. гдѣ мы нѣкогда будемъ жить новою жизнію, неразлучно со всѣмъ тѣмъ, что такъ дорого и любезно нашему сердцу“ (Путятинъ).

Да. Есть у насъ небо, отверзтое намъ честною кровію Сына Божія, блистающее яркими, вѣчными звѣздами, никогда не потухающими—ангелами Божіими. На это-то небо, къ этимъ ангеламъ, отторгшись отъ земной суеты, и перенесемъ сейчасъ нашими мыслями, нашимъ сердцемъ.

Горѣ имѣимъ сердца!

Горѣ къ высотѣ, души горѣ сердечное око! Но... какъ подняться туда падшему человѣку, когда грѣхъ постоянно влечетъ его долу? „Вещество имѣя матеръ,

и брєніе отца, и праотца персть, сихъ сродствомъ въ землю весьма зрю: но даждь ми, предстателю мой, и горѣ воззрѣти когда къ небесной добротѣ" (Канонъ Ангелу Хранителю):

Понесемся къ этой небесной добротѣ не своими силами, а возьмемъ крылья слова Божія, писанія и свидѣтельства богомудрыхъ отцовъ и учителей Церкви, развернемъ ихъ во всю ихъ ширь и мощь, и, вѣрно, эти крылья поднимуть горѣ вину колеблющійся и падающій долу духъ нашъ.—Горѣ къ высотѣ, души горѣ сердечное око, горѣ — къ ангеламъ имѣимъ сердца!

Ангелы... Что же они такое? Что это за существа? Много-ли ихъ? Что дѣлають, какъ живутъ они на небѣ? Бываютъ-ли они когда-нибудь на землѣ у насъ?

Что такое ангелы? У всѣхъ народовъ, во всѣ времена вмѣстѣ съ врожденною мыслью о Богѣ всегда жила мысль; и то или иное понятіе и о мірѣ ангельскомъ. И мы, хотя и не видали ангеловъ тѣлесными очами, но можемъ начертать ихъ образъ, можемъ сказать, что они за существа: въ нашей душѣ глубоко внѣдрена мысль о нихъ; мысленно каждый изъ насъ представляетъ себѣ ангеловъ.

Ангель... Не правда-ли, когда мы своими устами произносимъ это слово, или слышимъ его произносимымъ устами другихъ, или, когда мы размышляемъ объ ангелѣ, то всякій разъ это имя вызываетъ въ насъ представленіе о чемъ-то необыкновенно свѣтломъ, чистомъ, совершенномъ, святомъ, прекрасно-нѣжномъ, о чемъ-то такомъ, къ чему невольно рвется душа, что она любитъ, предъ чѣмъ преклоняется? И все, что ни подмѣчаемъ мы на землѣ святого, свѣтлаго, чистаго,

прекраснаго и совершеннаго — все это есть у насъ склонность называть и обозначать именемъ ангела. Смотримъ мы, напр., на миловидныхъ дѣтей, любимъ ихъ довѣрчивыми глазами, ихъ наивной улыбкой и говоримъ: „какъ ангелы“; „ангельскіе глаза“; „ангельская улыбка“. Слышимъ стройное, умилительное пѣніе, звонкіе, нѣжные голоса, прислушиваемся къ ихъ всевозможнымъ переливамъ и мелодіямъ, то тихогрустнымъ и задумчивымъ, то восторженно-торжественнымъ и величественнымъ, и говоримъ: „словно, на небѣ, какъ ангелы поютъ“. Побываемъ ли мы въ семьѣ, члены которой живутъ во взаимномъ согласіи, взаимной любви, молитвѣ, гдѣ все носить на себѣ печать какой-то тихости, кротости, какого-то необыкновеннаго мира, гдѣ невольно душа отдыхаетъ — побываемъ въ такой семьѣ и говоримъ: „живутъ, какъ ангелы“; поразить ли нашъ взоръ какая-либо необыкновенная красота, опять скажемъ: „ангельская красота“. И если насъ попросятъ, если поручатъ намъ нарисовать ангела, и если мы владѣемъ красками, какъ изобразимъ мы его? Непремѣнно въ видѣ прекраснаго юноши, въ бѣлоснѣжной одеждѣ, съ свѣтымъ, яснымъ лицомъ, чистымъ взоромъ, съ бѣлыми крыльями — словомъ, постараемся изобразить нѣчто привлекательное, нѣжное, чуждое земли и всего чувственнаго. И чѣмъ ярче въ нашемъ рисункѣ отпечатлѣмъ мы эту отчужденность отъ земли, эту, какъ бы воздушность, легкость, духовность, эту безплотность, небесность, тѣмъ и рисунокъ будетъ совершеннѣе, тѣмъ больше взоровъ привлечетъ онъ къ себѣ, тѣмъ яснѣе онъ будетъ напоминать взирающимъ о небожителѣ. Итакъ, вотъ, стало быть, что такое ан-

гелы, какъ объ этомъ говорить намъ прежде всего наше внутреннее чувство, внутреннее духовное чутье, нашъ внутренній непосредственный опытъ.

Съ именемъ ангела у насъ связывается понятіе о всемъ самомъ для насъ дорогомъ, святомъ, привлекательномъ, чистомъ, совершенномъ, прекрасномъ, неземномъ. Ангелъ преднаписуется нашему внутреннему взору, какъ существо не отъ міра сего, духовное, свободное отъ всякой грубости и чувственности, словомъ, какъ существо небесное. И что внутреннее наше чувство говоритъ намъ объ ангелахъ, быть можетъ, не совсѣмъ ясно, смутно, то съ особенною ясностію и очевидностію открываетъ намъ Слово Божіе. Слово Божіе—это вѣсть съ неба и о небесномъ. И чѣмъ чаще и глубже вчитываемся мы въ него, тѣмъ ближе становится къ намъ и міръ небесный-ангельскій, тѣмъ осязательнѣе станемъ чувствовать мы его нашимъ сердцемъ, тѣмъ, какъ бы отчетливѣе станутъ доноситься до нашего внутренняго слуха его побѣдныя пѣсни. Какъ въ чистой водѣ отражается солнце и звѣздное небо, такъ въ Словѣ Божіемъ—этомъ источникѣ воды живой—отражается небо духовное—міръ ангельскій; въ Словѣ Божіемъ мы видимъ ангеловъ, какъ бы предстоящими предъ нами. По своей природѣ, учить насъ Слово Божіе, ангелы—это духи. „Не всѣ ли суть служебные духи“, говоритъ ап. Павелъ, „посылаемые на служеніе для тѣхъ, которые имѣютъ наследовать спасеніе“ (Евр. I, 13). „Желаешь знать“, говоритъ блаж. Августинъ, „имя его (ангела) природы? Это—духъ. Желаешь знать его должность? это—ангелъ. По существу своему онъ—духъ, а по дѣятельности—ангелъ“. Но ангелы—духи, не связанные, подобно на-

шему духу, плотию, которая противовоюетъ духу, плѣняетъ его закономъ грѣховнымъ, стѣсняетъ, обрываетъ его полеты къ небу, тянетъ постоянно къ землѣ. Ангелы-духи свободные отъ всякой плотяности, ея законы для нихъ чужды. Не мучить ихъ голодъ, не томить ихъ жажда. Не вѣдомъ имъ, потому, и весь трудъ нашъ упорный при снисканіи хлѣба насущнаго. „Проклята земля въ дѣлехъ твоихъ, тернія и волчцы произраститъ она тебѣ. Въ потѣ лица твоего съѣси хлѣбъ твой“. (Быт. III, 17—19). Этотъ грозный приговоръ Божественнаго правосудія изреченъ только падшему человѣку, а ангелы до конца пребыли вѣрными Творцу своему. Тернія и волчцы не растутъ на небѣ, потъ не изнуряетъ лица ангельскаго. Они ни сѣютъ, ни жнутъ, ни собираютъ въ житницы, ихъ не сушить забота о завтрашнемъ днѣ; наша борьба за хлѣбъ, за существованіе, наши взаимныя изъ-за этого распри, раздоры, войны, гнѣвъ, ненависть, зависть не знакомы духамъ безплотнымъ. Правда, они испытываютъ голодъ и чувствуютъ жажду, но не нашъ голодъ съ болью, не нашу жажду съ страданіемъ. Ихъ голодъ—никогда непрестающая потребность насыщаться сладостью созерцанія красоты Божественной, сладостью познанія премудрости вѣчной, насыщаться единымъ хлѣбомъ живымъ. „Хлѣбе святой“, молится іерей словами св. Амвросія Медиоланскаго, предъ литургіею, „Хлѣбе святой, Хлѣбе живой, Хлѣбе сладчайшій, Хлѣбе вожделѣнне, Хлѣбе чистѣйшій, всякія сладости и благовонія преисполненне, Тобою питаются ангели на небеси преизобильно; да насытится по силѣ своей Тобою и пришлецъ человѣкъ на земли“. „Питаются ангели на небеси преизобильно“, а все хотятъ и еще,

и еще насыщаться сладостію созерцанія Божества. Какой высокій, по истинѣ, небесный, блаженнѣйшій голодъ! Охвачены ангелы и жаждою, но жаждою также небесной и блаженной—жаждой все болѣе и болѣе тѣснаго Богообщенія, проникновенія Божествомъ, просвѣщенія Имъ. Ихъ жажда—это никогда непрестающее устремленіе къ Богу. Малое подобіе этой жажды бываетъ и на землѣ. Такъ, орелъ, распутивши во всю ширь свои могучія крылья, взвивается въ высь и летитъ, поднимается все выше... выше... туда—въ глубь неба голубого, какъ-будто своими крыльями хочетъ разсѣчь онъ самое небо и скрыться въ высотахъ его. Но орелъ, какъ бы высоко не поднялся, долженъ вновь спускаться долу. Такъ, бываетъ: нашъ умъ, въ минуты наибольшаго духовнаго напряженія, вдохновенія, молитвы, властно порывая узы плоти, подобно орлу, несется къ небесамъ, созерцаетъ Бога, проникается Имъ, мыслить о Немъ. Но, увы, и умъ нашъ, непостоянный колеблющійся, съ небесныхъ высотъ опять упадетъ низу, разбивается на множество суѣтныхъ мыслей, разсѣивается. Не такъ ангелы: ихъ умъ непрестанно, неизмѣнно устремленъ къ Богу, ни на одно мгновеніе не отклоняется отъ Него, поворотовъ назадъ не вѣдаетъ онъ. Ангелы „твердымъ умомъ, неуклоннымъ желаніемъ водими суще“, созерцаютъ Божество, поетъ о нихъ Церковь. „Любовію Божественною распаляются“ ангелы ¹⁾. Распалаясь же этою любовью, разжигаясь зарею Божескаго существа, отъ этой Божественной жажды ангелы и сами становятся „углѣмъ богоноснымъ ²⁾“; „причастіемъ божественнаго огня,

¹⁾ Октоихъ гл. 1—4.

²⁾ Октоихъ гл. 2-й. Канонъ въ Понедѣльникъ утра, пѣснь 1-я.

якоже пламень бываютъ“. Во огни пламениѣмъ предстоять Тебѣ херувими, серафими, Господи!“ (пѣснь 8, 4 гласъ. Вторникъ). Какая, поистинѣ, божественная, какая сладчайшая жажда! Такъ, въ непрестанномъ созерцаніи Бога, въ постоянномъ устремленіи и возвышеніи къ Нему, въ никогда несмолкающемъ пѣснословіи безмѣрной славы и величія Его живутъ на небѣ ангелы. На пути постоянного устремленія и возвышенія своего къ Богу не знаютъ они никакихъ остановокъ, прегрѣшій и пренятствій, не знаютъ самаго главнаго, самого основнаго, самаго тяжкаго на этомъ пути пренятствія---грѣха, который то и дѣло своими узами связываетъ крылья нашего духа, стѣсняетъ его полетъ къ небу и Богу. Ангелы уже не могутъ грѣшнить. Въ началѣ, они, по ученію блаж. Августина, созданы были Богомъ съ возможностью грѣшнить, затѣмъ, неуклоннымъ упражненіемъ своей воли въ добротѣ они перешли въ состояніе возможности не грѣшнить и, наконецъ, укрѣпившись въ послушаніи Богу, силою божественной благодати, настолько усовершенлись, что достигли состоянія невозможности грѣшнить.

Въ этомъ блаженнѣйшемъ святомъ состояніи ангелы и пребываютъ донынѣ на небѣ.

Архимандритъ Серафимъ (Звѣздинскій).

Бесѣда о святомъ таинствѣ причащенія.

*„Пріемъ Иисусъ хлѣбъ, и благословивъ
преломъ, и дающе ученикомъ, и рече: сіе
есть тѣло Мое, и пріемъ чашу, и хвалу
воздавъ, даде имъ, глаголя: пійте отъ нея
 вси: сія бо есть кровь Моя новаго завета,
 яже за многія изливаемая во оставленіе
 грѣховъ“. Матв. 26, 26. 27. 28.*

Важнѣйшее и знатнѣйшее изъ всѣхъ таинствъ, въ которыхъ любовь Божія къ человѣческому роду открывается въ высочайшей степени своего совершенства, полноты и сіянія, могущаго затмить миллионы солнцевъ,—есть Таинство Евхаристіи или причащенія. Ибо Самъ Господь, возлюбивши до конца всѣхъ сущихъ въ мірѣ, торжественно, накануне страданій Своихъ, установилъ оное, преподавъ пречистыми руками Своими Самого Себя въ снѣдь Апостоламъ и въ лицѣ ихъ всѣмъ вѣрующимъ во имя Его. Подивись, христіанинъ, безмѣрной любви Христа Спасителя; Онъ Самого Себя предлагаетъ намъ на Божественной трапезѣ за литургіей и глаголетъ: *ядите тѣло Мое, пійте кровь Мою*. Какой пастырь, въ удивленіи вопрошаетъ св. Іоаннъ Златоустъ, питаетъ овецъ своими членами?—А пастырь нашъ небесный І. Христосъ питаетъ насъ пречистымъ тѣломъ Своимъ и безцѣнною кровію,—питаетъ тѣмъ

Тѣломъ, въ которомъ Онъ странствовалъ на землѣ, которое страдало и на крестѣ, распято было, которое,—будемъ внимательны,—было храмомъ Божества Сына Божія,—было проникнуто онымъ и всецѣло исполнено, и которое мы пріемлемъ подъ видомъ хлѣба; питаетъ Своею кровію, которая струилась изъ прободенныхъ на крестномъ жертвенникѣ ребръ Жизнедавца,—истекла до послѣдней капли для очищенія грѣховъ всемірныхъ, и которую мы пріемлемъ подъ видомъ вина.

Посему краткому понятію о Таинствѣ причащенія всякій можетъ судить, какую великую пользу оно должно приносить христіанину. Поелику нѣкоторые изъ васъ уже *вкусили и увидѣли, сколь благъ Господь*, но весьма многіе еще готовятся ко вкушенію тѣла и крови Христовы, и къ соединенію съ Нимъ: то ненеблаговременно и не излишне будетъ заняться намъ болѣе опредѣленнымъ размышленіемъ о концѣ и пользѣ Святѣйшей Евхаристіи.

Спаситель, преподавая возлюбленнымъ ученикамъ Своимъ на тайной вечери пречистое тѣло и пречистую кровь Свою, сказалъ: *сіе творите въ Мое воспоминаніе*.

I. Христосъ Своею землею жизнію, Своими страданіями и крестною смертію избавилъ насъ отъ смерти вѣчной, отъ мученій адскихъ, и даровалъ жизнь новую—благодатную. Посему и внушается христіанамъ воспоминать въ таинствѣ причащенія о великихъ благодѣяніяхъ Господа. Это торжественное воспоминаніе въ священнодѣйствіи Божественной литургіи бываетъ тѣмъ живѣе и сильнѣе, что во время ея, предъ очами вѣрующихъ, не только воспоминаются важнѣйшія черты изъ земной жизни Христа Спасителя, но и Самъ Рас-

пятый за грѣхи наши освящаетъ таинственнымъ присутвіемъ престолъ алтаря, дабы предстоящіе оному созерцали окомъ вѣры, подъ видомъ хлѣба и вина, Самого Агнца Божія, закланнаго за грѣхи міра, приближались къ нему сердцами своими, дабы соединялись съ Нимъ духомъ и любовію, услаждались представленіемъ неизреченнаго милосердія Божія, въ немъ открывающагося, уповали на безцѣнныя заслуги Искупителя Своего, и симъ упованіемъ питали и укрѣпляли силы благочестія. Но кромѣ того, что воспоминаніе смерти Христовой служитъ сладкою манною для души воспоминающей, оно умилостивляетъ еще гнѣвъ Божій за грѣхи наша. Безкровная жертва тѣла и крови Христовыхъ на престолѣ предлежащая, равняется той живой жертвѣ, которая ко кресту волею пригвоздилась: ибо тоже здѣсь тѣло, которое распято было и таже самая кровь, которая изъ ребръ Распятаго Господа струилась. Судите же, какъ не смягчиться Правосудію Бога живаго, призирающаго отъ высоты небеснаго престола на престолъ земный, гдѣ кровь возлюбленнаго Его Сына изливается за грѣхи міра? И какъ не очиститься грѣхамъ присутствующихъ при литургіи съ духомъ молитвеннымъ и сокрушеннымъ и даже отсутствующимъ только не сердцемъ, но тѣломъ? Прославимъ — прославимъ Христа Господа, заповѣдаваго Церкви Своей совершать Евхаристію или благодареніе Богу, отличное отъ другихъ благодареній тѣмъ, что и за самое установленіе онаго мы непрестанно должны благодарить Спасителя нашего: ибо все мы много согрѣшаемъ, но и все можемъ въ крови Агнца Божія убѣлить ризу душевную, очерняемую каждодневными грѣхопаденіями.

Если же, благ. слуш., одно простое принесеніе въ умилоостивительную жертву Богу Тѣла и Крови Христовыхъ освящаетъ тѣхъ, за коихъ приносится: то сколь большую должны получать пользу приобщающіеся животворящихъ тѣла и крови Христовыхъ съ надлежащимъ приготовленіемъ! Вообрази, кого своими бренными устами приѣмлетъ сподобляющійся таинства причащенія,—не Христа ли и Спасителя Бога? Воистину Самъ Сынъ Божій, во время таинственнаго приобщенія, входитъ въ обитель сердца Христіанскаго. Ибо онъ такъ Самъ о Себѣ сказалъ: *„ядый Мою плоть и пійи Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ“*. Со Христомъ соединяются приобщающіеся страшнымъ Его тайнамъ, дѣлаются членами Сей главы, будучи подвижны и управляемы духомъ Ея такъ, какъ наше тѣло движется и управляется духомъ ума, во главѣ сосредоточеннаго; и если *„прилипльющійся Господеву, единъ духъ есть съ Господомъ“*, то не болѣе-ли вкушающій Его? Всякій другой хлѣбъ, христіане, превращается въ сущность того, кто его вкушаетъ; но хлѣбъ съ небесъ щедрый,—хлѣбъ животный имѣетъ то чудное свойство, что ядущаго премѣняетъ въ себя, сообщая ему свойства свои и исполняя жизнью небесною. Такъ блаженный Августинъ представляетъ Спасителя говорящимъ слѣдующее о Себѣ: *„я хлѣбъ великихъ,—возрастай и вкушай Меня, и не ты превратишь Меня въ себя такъ, какъ пищу плоти твоя, но ты измѣнишься въ Меня“*. Ядущіе тѣло Христово и пійущіе кровь Его съ вѣрою живою, соединяясь съ Господомъ, соединяются и между собою и становятся членами одного и того же тѣла: *„единъ хлѣбъ, едино тѣло есмы мнози: вси бо отъ единаго тѣла причащаемся“*. Обыкновенно хлѣбъ составляется

изъ многихъ зеренъ,—зеренъ много, но хлѣбъ одинъ: такъ и причастники таинъ Христовыхъ составляютъ изъ себя, повидимому, множество, но суть едино тѣло подъ одною главою, изъ которой получаютъ составы и связи свои; и какъ хлѣбъ небесный—тѣло Христово, хотя и раздробляется, но во всякой и малѣйшей частичкѣ онаго пребываетъ весь Іисусъ Христосъ; такъ и вкушающіе оный хлѣбъ, хотя по дарамъ и талантамъ своимъ не могутъ не быть раздѣляемы, не раздѣляются по духу Христову: ибо всѣ одинъ и тотъ же небесный хлѣбъ пріемлютъ чрезъ уста тѣлесныя въ уста сердца:—члены различны, но тѣло одно. Братія! если всѣ мы во Христѣ составляемъ одно тѣло и одинъ духъ, не такъ ли мы должны любить взаимно другъ друга, какъ каждый любитъ свое собственное тѣло и свою душу?

Слѣдствіемъ соединенія со Христомъ, чрезъ таинство Причащенія, бываетъ еще орошеніе сердца благодатію Духа Святаго. И какъ не быть тамъ благодати, гдѣ весь Іисусъ Христосъ пребываетъ? Выше было упомянуто, что подъ видомъ хлѣба и вина въ Евхаристіи находится то тѣло и та кровь Господа Іисуса, которыя, по соединенію двухъ естествъ во Христѣ, были исполнены и проникнуты Божествомъ Его, единосущнымъ Богу Отцу; а посему и пріобщающіеся Святымъ даровъ дѣлаются причастниками Божественнаго естества, коимъ освящается и питается, по дѣйствию благодати, весь внутренній и внѣшній человѣкъ. Симъ тайнымъ огнемъ Божества, какъ бы углемъ горящимъ, коимъ Серафимъ прикоснулся устамъ Пророка Ісаи, очищается вѣрующая душа отъ грѣховъ ея, попалается терніе беззаконій,

произрастающее на нивѣ сердца и обновляется растлѣнный храмъ тѣла. Если кровь, истекшая изъ ребръ Распятаго на Крестѣ, была столь дѣйствительна, что омыла и загладила грѣхи цѣлаго міра: то сія же самая кровь, пріемлемая съ тѣломъ Христовымъ, какъ не загладитъ грѣховъ всякаго, съ вѣрою и сокрушеніемъ приступающаго къ тайнамъ пречистымъ? Но святѣйшая Евхаристія, христіанинъ, не только очищаетъ грѣхи, но и служитъ предохранительнымъ врачевствомъ противу сихъ болѣзней душевныхъ: она укрѣпляетъ вѣрою душу человѣка, какъ хлѣбъ укрѣпляетъ тѣло его,—и утверждаетъ сердце въ Богѣ такъ, что оно неподвижно пребываетъ въ Немъ, и лишь только злые помыслы возникаютъ и побуждаютъ къ какому либо пороку, оно далеко отрѣвываетъ оныя. Міръ во злѣ лежащій не очаровываетъ души, въ Богѣ погруженной, плоть расширяется со страстями и похотями силою смерти Спасительной, которая особенно дѣйствуетъ на человѣка чрезъ таинство причащенія; врагъ спасенія коварный и лютый не смѣетъ прикоснуться къ тому, кто, пріявши внутрь себя Христа, облекся во всеоружіе Божіе, и, будучи весь озаряемъ свѣтомъ небеснымъ, узнаетъ, гдѣ и какъ разставляетъ свои сѣти діаволъ для уловленія его. Даже малые грѣхи, или такъ называемые грѣхи слабости, исключительно всѣмъ общіе, гораздо рѣже послѣ причащенія случаются съ христіаниномъ. Все въ немъ пребываетъ въ тишинѣ Божіей,—все опочиваетъ въ Богѣ,—все объято и проникнуто любовію къ Богу. Какъ древо, положенное въ огонь, не можетъ не воспламениться: такъ и душа, пріявшая внутрь себя огонь Божества чрезъ таинство причащенія, не можетъ не ощущать въ себѣ священной горячности

къ Богу, которая всѣмъ бываетъ готова пожертвовать Ему, и которую ничто не въ силахъ разлучить съ благомъ Высочайшимъ.

Сія горячность растворяется еще сладостію духовною—сею манною сокровенною. І. Христосъ есть источникъ всякаго утѣшенія, и потому, вкушая святѣйшее тѣло Его и кровь, нельзя не исполниться радостію небесною. Если же не всѣ и не всегда удостоиваются сего дара, то потому иные не заслуживаютъ его, другимъ же иногда отказывается въ немъ для того, чтобы они, такъ сказать, во мракъ вѣры ходили, то есть это дѣлается для испытанія ихъ, будутъ ли они вѣровать и тогда въ Господа, присутствующаго въ насъ подъ видомъ хлѣба и вина, когда никакой сладости духовной не ощутятъ. Кто, сподобившись Святыхъ Тайнъ, вкусилъ сердцемъ и увидѣлъ духомъ, сколь благъ Господь его, того ни горести ни печали зѣлнейшей жизни не могутъ довести до отчаянія, ни радости—до забвенія своихъ обязанностей: ибо радость о Духѣ Святѣ могущественнѣе всѣхъ горестей и выше всѣхъ радостей земныхъ. Но что это за радость? Можно-ли объяснить ее? Она неизъяснима, христіане! Потому, что есть часть неизъяснимаго небеснаго блаженства, и не изъ словъ она познается, но по опыту. Приступи со страхомъ и чистою совѣстію къ святому причащенію,—и почувствуешь, какой сладкій источникъ прольется въ душу твою;—впрочемъ, никогда недолжно искать прямо сего небеснаго дара въ причащеніи, но плода духовнаго, коего нѣкоторую — и притомъ низшую часть составляетъ богатное утѣшеніе.

Святое причащеніе, благ. христіане, чрезъ то самое,

что дѣлаетъ христіанина какъ бы блаженнымъ на землѣ, предрасполагаетъ его къ блаженству на небѣ. Будучи приеменно раскрытымъ и готовымъ сердцемъ, оно бываетъ сѣменемъ нетлѣнія и залогомъ жизни вѣчной въ Христѣ Иисусѣ: *„ядый Мою плоть и пияй Мою кровь, рекъ Спаситель, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день“*. Удивительно ли, что огонь сообщаетъ находящемуся въ немъ желѣзу свой видъ и сущность? Таково свойство есть огня и такова приеемость желѣза: такъ нѣтъ ничего чуднаго, что тѣло и кровь Христовы, будучи приемымы человѣкомъ съ христіанскою готовностію, какъ бы предварительно напитываютъ самую плоть его сущностію славнаго безсмертія и вселяютъ въ душу неложное упованіе живота вѣчнаго. Почему вочеловѣчившійся Спаситель міра встаетъ отъ гроба? Потому что вся полнота Божества обитала въ принятомъ Имъ Человѣчествѣ, силою Коего Онъ и воскресъ преславно. А въ святыхъ животворящихъ тайнахъ скрывается сія же самая сила Божества Христова; слѣд., сподобляясь сихъ тайнъ, и мы должны воскреснуть тою же самою силою для наслѣдованія жизни вѣчныя и блаженныя. О, сколь велика благодать Божія и какъ дивны пути ея! Господь предвидѣлъ, что, хотя Онъ положилъ основу всеобщаго воскресенія Своимъ торжественнымъ воскресеніемъ, но человѣкъ, по своей прирожденной неблагодарности и наклонности ко злу, часто будетъ нарушать законы небесные, и тѣмъ разрушать свое блаженство,—и потому тлѣнному сѣмени грѣха, приемаемаго въ сердце, противуположилъ нетлѣнное свое сѣмя, даровавъ намъ животворную пищу — тѣло и кровь Свою. Онъ, какъ бы

снова страждетъ за насъ на престолѣ алтаря, когда раздробляется Пречистое Тѣло;—снова какъ бы погребается, когда сокрывается въ устахъ, приѣмлющихъ Его, и снова какъ бы воскресаетъ въ насъ, распространяя Свою животворную силу по всѣмъ органамъ души и тѣла и воскрешаетъ насъ съ Собою отъ гроба грѣховъ. Христіанинъ! ты видишь, сколь богата всѣми благами трапеза тѣла и крови Христовой, почти каждодневно накрываемая предъ очами нашими! Почему же такъ рѣдко ты приступаешь къ ней, а иногда и ни единойжды въ годъ? Можно предугадать потаенный на сіе отвѣтъ сердца твоего: ты возсѣдаешь за трапезою бѣсовскою — за трапезою гнусныхъ страстей твоихъ, коихъ грубую и ядовитую пищу вкушаешь. Это правда, что ты *„не можешь чашу Господню пити и чашу бѣсовскую, не можешь трапезъ Господней причаститися и трапезъ бѣсовской“*. Но извиняется ли симъ твое рѣдкое причащеніе Святыхъ таинъ? Развѣ ты не по своей доброй волѣ сидишь за трапезою діавола, и потому развѣ не можешь ее оставить? Если кто не перемѣняетъ своихъ грѣховныхъ навыковъ, тотъ и рѣдкаго причащенія не достоинъ. Итакъ покайся искренно, исправься нелицемѣрно, будь истиннымъ христіаниномъ, приступай чаще съ смирениемъ и умилениемъ къ трапезѣ тѣла и крови Христовыхъ: ибо кто не радитъ о приобщеніи сей трапезы, или не сердцемъ, а одними устами приѣмлетъ съ нея небесную пищу, тотъ мертвъ по слову Спасителя: *„аще не съѣсте плоти Сына Человѣческаго, ни піете крове его, живота не имаете въ себѣ“* (Іоан. 6, 53).

Слова старика отъ опыта прожитой имъ жизни.

„Господи Іисусе Христе Боже нашъ....
изсякишу въ насъ къ Твоей благодати, и
къ искреннему любви, духомъ Твоимъ
Святымъ обнови, и крѣпко сію водрузи
въ сердца наши“... (молитва о множе-
ніи любви — изъ Іерейскаго молитво-
слова).—

Кто съ глубокимъ вниманіемъ вчитывается въ Свя-
тое Писаніе, и кто, при помощи Свв. Отцевъ Церкви
и толковниковъ, нашею святою Православною Церко-
вію правыми признаваемыхъ, оное основательно ус-
ваиваетъ, тотъ все тверже, и сильнѣе утверждается
въ любви Бога къ человѣку. И, испытавъ въ теченіи
своей жизни, на себѣ самомъ, а по ознакомленіи съ
жизнію, и на другихъ,—спасающее дѣйствіе сей любви
даже на людей съ невѣрующими, заглубленными, ока-
мененными сердцами—всецѣло, вполнѣ, преклоняется
предъ сею благодатною, всемошною, нѣжною любовію
Бога Отца. Тогда несомнѣнная, огненная вѣра вос-
пламеняется въ таковомъ человѣкѣ, и, твердо укорен-
ившись,—освѣщаетъ и освящаетъ силы разумнія
его—и умягчаетъ сердце его.

И открывается ему иной, вполне новый міръ, міръ возможнаго радованія, спокойствія, тихаго веселія души, безпредѣльной, всепрощающей, всеобъемлющей любви. Тогда, чрезъ ухо сердца его—свободно, радостно, проходитъ въ умъ его, въ область высшаго, освященнаго разумѣнія—познаніе словъ Св. Писанія: „на кого воззрю?“.. „на кроткаго, смиреннаго сердцемъ!..“; а съ симъ, одновременно, вселяется и духъ Божественной благодати. Со вселеніемъ же сей благодати, таковой человѣкъ—по своимъ понятіямъ, воззрѣніямъ и дѣйствіямъ, одухотворяясь, выдѣляется отъ общества людей міра внѣшняго, живущихъ и дѣйствующихъ, всецѣло, по законамъ князя міра сего—въ духъ рабскаго подчиненія его злобной волѣ, наичаще чрезъ немощную, оскверняющуюся плоть тѣла своего, и чрезъ гордое, себялюбивое отношеніе.

Блаженно житіе въ духѣ по Богу, во исполненіи заповѣдей Его! Жизнь среди таковыхъ людей преисполнена: мира, согласія, любви, покоя, тишины, относительнаго довольства, блага и доброжелательства, существенной взаимной духовной-умной и матеріальной помощи. Въ всѣхъ дѣлахъ ихъ, какъ единичныхъ членовъ ихъ обществъ, такъ и въ широкихъ общественныхъ дѣяніяхъ, всего общества ихъ—проявляется полная умно-обстоятельная обдуманность, цѣлесообразность и благовременность—и все ко славѣ Божіей направляется; а по сему—и къ дѣйствительному—какъ къ духовно-умно-нравственному, такъ и къ матеріальному благосостоянію, всего общества вѣрующихъ, Бога любящихъ, Христіанъ.

Всѣ мысли, всѣ желанія сихъ вѣрующихъ, истинно Бога любящихъ христіанъ — ко Единому Богу, къ

Нему одному, направлены; — они стремятся только Ему угодное исполнять, — горя, желаютъ сего — ибо воля Его, желанія Его — имъ исполнѣнны, и священные для нихъ. Смерть тѣла для нихъ не страшна, и даже желательна во истинѣ, ибо согрѣваемые любовью Бога, содѣлавшись чадами Его, возлюбленными — они горятъ естественнымъ желаніемъ непрерывно съ Нимъ пребывать, съ нимъ бесѣдовать — иначе говоря — молитвы возносить Ему, безусловно — чистыя, Ему исполнѣ пріятныя, — потому и дѣйствительныя — обвеселяющія души ихъ, и радость доставляющія — и духъ, горѣ возносящія.

Вотъ причины — почему и во взаимныхъ отношеніяхъ они такъ предупредительно уважительны, любовны. У нихъ нѣтъ того, чтобы старшій ожидалъ почтенія отъ младшаго; а тѣмъ паче, чтобы младшій допустилъ старшаго предупредить его въ семъ дѣлѣ взаимнаго уваженія. Отъ сего даже возникновенію недоразумѣній среди нихъ — нѣтъ мѣста!

Полный миръ, чистая, широкая дружба и согласное единеніе, на вѣки, между ними — закрѣплено.

Когда же человѣцы сіи, Ангеламъ подобны, по духу — собираются для общаго возношенія благодарственныхъ и хвалебныхъ воспѣваній Богу нашему, по чину Небесныхъ силъ, то воспѣваютъ эти хвалы, во истинѣ торжественно, стройно, умиленно, мелодично, благовозвышенно. И пѣнія таковыя — ублажаютъ, обвеселяютъ души и исполнителей и слушателей, и чудныя, чистыя души ихъ, всѣхъ соучаствующихъ, — съ Богомъ сливаются.

Это и есть, какъ бы, предвкушеніе нѣкоторой ча-

стички—вѣчнаго, неизреченнаго, но обѣщаннаго блаженства.

Не то и не такъ дѣется у лишаящихъ себя содѣйствія благодати Божественной, по причинѣ гордостнаго ихъ упорства, дерзостнаго самочинія, и злобной, преступной ненависти къ порядкамъ, Духомъ Божиимъ установленнымъ! Неправыя дѣйствія ихъ замаскировываются: ложью, лукавствомъ, хитростію, обманомъ! Они самоохотно отторглись отъ любви Бога, изгнали изъ себя жизнь по Богу! Посему, у нихъ — неустанная, вѣчная, взаимная и со всѣми вражда, нестроеніе и ссоры: тревога, шумъ и суета, недостатки, нищета, мракъ (даже при избыткѣ знаній), тягота жизни, зависть, всеобщее неудовольствіе, ничѣмъ неудовлетворенность. Смерть тѣла для нихъ мучительно—страшна, большинство людей настоящаго времени такъ рабѣльно преклонило головы свои, предаюсь во власть діавола — сатаны! А, онъ, діаволь — сатана, всѣ старанія направляетъ, дабы отвлечь человѣчество отъ необходимости — сохранять души въ чистотѣ и — утверждать ревностное послушаніе волѣ Бога! И вотъ великій мудрецъ сатана нашелъ вѣрное средство ослабить, осуетить умъ чрезъ многознаніе: какъ необходимо полезнаго, такъ и вредно-гибельнаго! Осуетился и обремененный умъ содѣлался неспособнымъ къ обсужденію свѣтлыхъ основъ Боговѣдѣнія, значить и не пригоднымъ къ установленію порядка умно-спокойной и радостной жизни. Посему и мечутся люди въ суетѣ, шумѣ и гамѣ, забывая о душахъ своихъ и о Богѣ!

Но, бѣдныя, истерзанныя души духомъ пробуждаемы—плачутъ, поютъ, тоскуютъ и вопіютъ: „дайте намъ Бога нашего!“

Такъ!.. вопіють, воистинѣ, въ глубинѣ сердець своихъ многіе оболыщенные діаволомъ, отступившіе отъ Бога милостиваго, бѣжавшіе изъ нѣдръ нашей Св. Православной Церкви и вступившіе, даже, и во всевозможные—толки, секты и ереси. Они уподобляются впадшимъ въ болотную трясины, втягивающую тѣхъ, кои, по самонадѣянности или по упорному непослушанію, не внимали голосу знающаго и добраго совѣтника, и, по самоувѣренности, неразумительности—вступили на путь невѣдомый.

И не вылѣзть имъ изъ втягивающей ихъ трясины безъ помощи стоящихъ на почвѣ твердой, чистой и сильной, съ правою вѣрою въ Бога и поддерживаемыхъ доброжелательною, безкорыстною любовію ко всему человечеству, — кои съумѣли, ради простоты своихъ сердець, сохранить во всей свѣтлой, проникающей силѣ—чистоту и ума своего. А потому, во имя любви къ самимъ себѣ, вы, возлюбленные братья, русскіе люди, удалившіеся отъ насъ, возлюбите простоту, правду и истину, возвратитесь къ Богу и предайте себя въ Его волю! Смиритесь и познайте немощи и недостатки свои. Тогда само смиреніе ваше—откроетъ вамъ любовь Бога милостиваго—и возвеселится духъ вашъ и разыграется веселіемъ сердце ваше!

Спасайте себя! Богу нашему—слава!

Игуменъ Алексій (Донского монастыря).

Раскаяніе.

Одна изъ моихъ хорошихъ знакомыхъ, духовная дочь и почитательница покойнаго батюшки о. Іоанна Кронштадтскаго, глубоко уважала и ставила себѣ авторитетомъ и мышленіе Л. Н. Толстого, какъ мыслителя-моралиста. Такъ что, эти двѣ выдающіяся личности, какъ о. Іоаннъ, такъ и Л. Н. Толстой, были совмѣщены въ ея сердцѣ и стояли подъ однимъ уровнемъ, и пользовались одинаковыми ея симпатіями. Одному изъ нихъ она отдавала предпочтеніе, какъ человѣку съ дѣтски-простою душою и живою и горячею вѣрою, а другому, какъ мудрецу и глубокому мыслителю, и ей казалось, что эти двѣ личности представляютъ собою одного цѣльнаго человѣка. Въ этомъ она долго была убѣждена, и когда касалась рѣчь о. Іоанна или Л. Н. Толстого, то она всегда высказывала по поводу ихъ свой взглядъ и критически разбирала ихъ типы. Вдругъ она заболѣла настолько серьезно, что ея жизнь была въ опасности; видя это, ее охватило уныніемъ и страхомъ, при мысли о смерти. Она рѣшила исповѣдаться и принять Святые Христовы Тайны. Постоянный ея духовникъ, зная укладъ ея души и настроеніе ея сердца и мысли, долго съ ней бесѣдовалъ предъ исповѣдью и разбиралъ всѣ нити ея мышленія и движенія сердца, чтобы доискаться причины грѣха, ко-

торый наложилъ на ея душу тяжесть и вызвалъ и тѣлесныя страданія. И вотъ, въ искренней бесѣдѣ съ священникомъ, она высказала ему, что предъ ея болѣзнию не разъ вставала въ головѣ ея мысль, что если бы былъ живъ о. Іоаннъ и зналъ, что она ставить его подъ одинъ уровень съ Л. Н. Толстымъ, то пожалуй-бы огорчился. Услышавъ объ этомъ, батюшка взволновался душою и сказалъ: „Развѣ можно ставить подъ одинъ уровень праведника съ богоотступникомъ, произносившимъ хулу на Святого Духа, отвергавшимъ божественность Христа Спасителя и Его безсѣмное зачатіе, не признававшего спасительныхъ таинствъ, заповѣданныхъ и оставленныхъ Господомъ для обновленія и освященія людей, и кощунствовавшимъ надъ Свѣтымъ Христовымъ воскресеніемъ и вознесеніемъ Его на Небо. За эти-то ваши неправые взгляды и отношенія къ этимъ двумъ личностямъ вы и наказаны Богомъ вашей болѣзнию и уныніемъ. Подумайте объ этомъ поглубже, выйдите изъ своего заблужденія, раскайтесь въ этомъ грѣхѣ и другими глазами посмотрите на этихъ двухъ противоположныхъ личностей, которые не только не могутъ ужиться вмѣстѣ въ человѣческомъ сердцѣ, но даже и мысленно нельзя ихъ соединить не на одинъ моментъ, ибо тьма и свѣтъ несовмѣстимы“.

На исповѣди она чистосердечно раскаялась въ этомъ своемъ грѣхѣ и, принявъ Святыя Христовы Тайны, начала чувствовать себя лучше. И теперь здоровье ея поправляется. Если бы не было грѣха, не было бы болѣзни и смерти; поэтому, какъ глубоко надо смотреть каждому изъ насъ въ свою душу и, при всѣхъ неблагоприятныхъ условіяхъ жизни или въ болѣзни,

искать въ себѣ грѣхъ, какъ причину нашихъ страданій, при искорененіи котораго все измѣнится и вновь нормально потечетъ наша жизнь.

Покаяніе—великое таинство, оно обновляетъ и просвѣтляетъ нашу душу, а Святые Животворящіе Христовы Дары еѣ освящаютъ и воскрешаютъ для жизни во свѣтѣ Его истины и любви. Люди часто жалуются на свою судьбу, или ропчутъ на Бога, но не сами ли они виноваты во всѣхъ своихъ жизненныхъ неудачахъ, несчастіяхъ и, часто, болѣзняхъ, не идя путемъ, указаннымъ Господомъ? Не отъ насъ-ли самихъ зависитъ наша судьба, на которую мы жалуемся, при нашемъ нерадѣніи и нежеланіи подчиняться всеблагой волѣ Господней? Его-же неисповѣдимыя судьбы ведутъ насъ только къ благодати Божіей и къ Его неприступному свѣту. Какъ въ болѣзни, такъ и во всѣхъ жизненныхъ скорбяхъ и стѣсненіяхъ, надѣясь стремиться къ Нему, къ Нему и спѣшить. Ему открывать въ таинствѣ покаянія свои сердца и помышленія и всѣ грѣховныя язвы души, и Онъ очиститъ, исцѣлитъ, обновитъ и воскреситъ нашу душу и тѣло и скажетъ въ нашихъ сердцахъ: „се здоровъ, къ тому не согрѣшай“.

Александра Дьяконова.

Письмо матери къ своему сыну, послушнику Зосимовой пустыни.

Съ Божіею помощію Богомъ данному и дорогому моему сыну Феодору отъ матери твоей Александры Петровой. Прошу Господа и Его Пречистую Матерь Царицу Небесную, да пошлетъ тебѣ Свое благословеніе, да оградить тебя Господь святыми ангелами, на всѣхъ путяхъ твоихъ; и шлю тебѣ свое грѣшное материнское благословеніе и низко кланяюсь.

Возлюбленное мое чадо, Феодоръ! Напоминаю тебѣ, молись всегда Царицѣ Небесной, проси Её, Матерь Пречистую. Она поможетъ тебѣ во всемъ... И не забывай. молись всегда за Отца Игумена, и за своего старца о. Пиннокентія и помни, что мы съ тобою говорили: не преступать одного шага безъ ихняго благословенія; хотя я сама грѣшница великая, но жажду твоего спасенія, не на минуту не забываю тебя, дорогое мое чадо; живи, трудись Господа ради. Еще пишу тебѣ, ежели есть книга Іюль мѣсяцъ, попроси благословенія старца почитать 7-й день, на русскомъ языкѣ, житіе преподобнаго Еликетта и Астіона; въ чемъ и прошу тебя не ходить безъ благословенія своего старца никуда и не дѣлать ничего по своей волѣ. Однажды, безъ благословенія старца, Астіонъ вышелъ къ рѣкѣ почери-

путь воды, врагъ увидѣлъ Астіона, не защищеннаго благословеніемъ старца и тотчасъ навелъ на него нѣкоторые грѣховные помыслы, и смутилъ душу юнаго Астіона. Астіонъ возвратился въ келію и постыдился исповѣдывать предъ отцомъ своимъ духовнымъ эти помыслы; въ теченіе трехъ дней онъ подчинялся имъ, не будучи въ силахъ побороть ихъ. Онъ постился и молился со слезами, но нечистыя мысли всё таки не отступали. Старецъ замѣтилъ это и сталъ спрашивать.

Тогда Астіонъ исповѣдывалъ предъ старцемъ въ такихъ словахъ: дня три тому назадъ, когда ты бесѣдовалъ съ почтенными мужами, мнѣ нужно было сходить за водой, и стыдно было получить отъ тебя благословеніе при тѣхъ мужахъ; безъ твоего вѣдома и безъ благословенія я пошелъ за водой; въ это время по дорогѣ окутало меня мрачное облако дурныхъ помысловъ. На это старецъ сказалъ, развѣ ты не знаешь, что благословеніе начальника для юноши есть необоримая стѣна, крѣпкая броня, непобѣдимое оружіе противъ враговъ. Вотъ для чего я и пишу, дорогое мое чадо. Почитай сіе житіе, много полезнаго найдешь въ немъ. Я сейчасъ читаю Іюль мѣсяцъ, я только и вижу отраду, когда читаю. Такъ и ты, не выходи безъ благословенія старца ни на шагъ и Господь поможетъ тебѣ во всемъ. Если угодно Богу будетъ, то увидимся еще въ этой жизни, и въ будущей будемъ вмѣстѣ.

Еще напоминаю тебѣ, ради Бога, ничего не утаивай и не скрывай на долгу злыхъ помысловъ, но тотчасъ открывай ихъ своему старцу.

Я надѣюсь на Царицу Небесную, Она управитъ нами

грѣшными. Дорогое мое чадо, молись объ насъ грѣшныхъ Господу Богу; попроси благословенія написать мнѣ письмо; когда я получу письмо, я какъ будто увидаюсь съ тобою. Но не заботься объ насъ, нельзя любить родителей больше Бога.

Живи, трудись во славу Божію, работай до поту лица твоего, исполняй послушанія, какія Господь пошлетъ, не гнушайся ничѣмъ; всѣ святые проходили всякія послушанія и съ радостію, какія бы они не были.

Прости меня, Христа ради. Господь тебя благословитъ и оградитъ святыми ангелами своими. Спаси тебя Господи, дорогое мое чадо Феодоръ!

Любящая мать твоя грѣшная

Александра Петровна.

Б о г о м о л ь ц ы.

Людь многострадаальный,
Терпѣливый людь!
Съ вѣрой и молитвой
Вдаль они идутъ.
Въ полуденный зной
Въ Божій край плетутся
Съ посохомъ, съ сумой.
Лица загорѣлая,
Ноги отеки—
Не легка дорога
До Святой Земли!
Тѣсными вратами
Люди въ рай идутъ,
Терніи ихъ ловятъ,
Камни ноги жмутъ...
Тотъ, кто всѣ претерпитъ
Муки до конца,
Тотъ за нихъ достоинъ
Райскаго вѣнца...
И съ такой душою,
Съ вѣрою такой
Божій людь проходитъ
Въ край Земли Святой...

Странники для міра
Въ прахѣ и пыли
Мы идемъ, о братья,
До Святой Земли...
И любви и муки
Цѣнный даръ несемъ,
И святыя гимны
Мы, сплотясь, поемъ...

Отъ соблазновъ міра
Нынѣ мы ушли,
И святую землю
Ищемъ мы вдали...
Землю, гдѣ сіяетъ
Правды торжество,
Гдѣ любви и мира
Правитъ Божество...

Но никто не можетъ
Указать намъ путь,
И сомнѣнья тяжко
Намъ сжимають грудь.
Гдѣ страна святая?
Какъ туда дойти?
Какъ съ пути не сбиться,
Съ тяжкаго пути?

В. Никоновъ.

„Прощеное Воскресеніе“.

Послѣ масленицы вскорѣ настало и „прощеное Воскресеніе“. Этотъ день народомъ посвящается обряду „Прощенія“, который заведенъ еще при жизни Апостоловъ. Торжественно и свято чтили этотъ день „Прощенія“ въ былыя времена. Народъ въ этотъ день до вечерни все еще гуляетъ—кончаетъ свою масленицу; но какъ только ударятъ въ колоколъ къ вечернѣ, то сейчасъ-же спѣшатъ въ церковь „Прощаться съ духовнымъ отцемъ“.

Вотъ въ этотъ день и я, состоя на военной службѣ, задумалъ идти въ церковь, гдѣ сходятся вѣрующіе, а не любители какого-либо искусства, которыхъ много въ настоящее время распространилось между православнымъ народомъ. Я говорю объ искусствѣ, вкравшемся въ церковь, то-есть въ церковныя правила и службы, которыя мы получили отъ Апостоловъ, а не о томъ искусствѣ, которое есть въ жизни людей и пріобрѣтается людьми помимо церкви.

Но нынѣ много такихъ людей, которые всѣми силами стараются церковь превратить въ искусство, а главная задача ихъ состоитъ въ томъ, чтобы отвратить людей отъ церкви и посѣять вражду и невѣріе между церковью и людьми. Но здѣсь, хотя и городъ, но въ тихихъ углахъ еще хранятся эти святоотеческіе

завѣты. Здѣсь еще находятся такіе пастыри, которые всѣми силами стараются поддержать въ людяхъ вѣру...

Время стояло теплое, солнце уже садилось къ горизонту. Я подходилъ уже къ Кремлевскимъ воротамъ; народъ цѣлыми толпами идетъ подѣ стѣны Кремля. Думаю, куда идетъ столько народа? Всѣ какъ будто спѣшать. Я рѣшился спросить у самыхъ воротъ Кремля—спѣшавшую пожилую женщину: „Куда такъ спѣшите?“—Она мнѣ отвѣтила „Развѣ не знаете, что сегодня прощенный день“. А затѣмъ посмотрѣвъ на меня такъ пристально, какъ будто узнавая меня, сказала: Да вы еще молоды, а молодость уже нынѣ забыла и церковь, даже и праздники христіанскіе. Люди стали мудренѣе и ученѣе, а потому имъ какъ будто начинается надоѣдать смотрѣть на отеческія преданія, а также и ученія церкви“.—„Да —я говорю,—что народъ русскій вообще съ нѣкотораго времени сталъ забывать Бога и церковь, такъ какъ уже видно, что церкви православныя стали превращать въ концертныя залы, которыя святая церковь отвергаетъ, а также и не сталъ признавать отеческія преданія, которыя святые отцы строго приказали сохранять и исполнять. Можетъ быть будутъ и такія времена, что русскій народъ совсѣмъ отпадетъ отъ церкви. Это видно изъ того, что стали слабо относиться къ вѣрѣ, стали допускаться противо-церковныя обряды, то-есть свобода религій, которая сильно отвращаетъ своимъ нравоученіемъ народъ отъ церкви и даже дѣлаетъ многихъ врагами церкви.

Съ разговоромъ я и не замѣтилъ, что мы подошли къ самымъ Кремлевскимъ соборамъ. Женщина пошла

по направлѣнію къ Чудову монастырю, а я направился въ Успенскій соборъ, который важнѣе по своему значенію.

Народомъ былъ наполненъ соборъ, такъ что съ трудомъ пришлось пробраться въ него. Служилъ соймъ іерарховъ; пѣли пѣвчіе синодалыные. Служба совершалась Великопостная — торжественно, послѣ которой совершался обрядъ „прощенія“.

Я здѣсь до конца службы не остался, а перешелъ въ Чудовъ монастырь, гдѣ служилъ епископъ, при участіи всего монастырскаго духовенства. Народу было такъ много, что трудно было пробраться впередъ. Всѣ были въ праздничной одеждѣ, какъ будто въ первый день Пасхи.

Вечерня прошла скоро, въ концѣ которой архимандритъ монастыря говорилъ проповѣдь „о значеніи настоящаго дня и о прощеніи обидъ“. Нѣсколько словъ изъ его проповѣди я припоминаю, которые и напишу.

Народъ такъ всегда былъ воодушевляемъ проповѣдью архимандрита, что каждый старался какъ можно ближе стать къ нему, чтобы ловить его проповѣдныя для народа слова. — „Этотъ день, — говорилъ онъ, — издревле почитался христіанами и заслуживалъ особое вниманіе своимъ значеніемъ. Онъ провождался особенно, а именно „прощеніемъ“. Народъ прощался другъ съ другомъ; прощался царь съ своими подданными; хозяинъ съ своими работниками и слугами; начальникъ съ подвластными ему; старшіе съ младшими и наконецъ пастырь съ своими пасомыми. Прощеніе совершалось не только сердцемъ, но, чтобы было и явно, исполнялся обрядъ „прощенія“. Нѣкоторые говорятъ — „прощеніе должно быть сердцемъ, а не

обрядомъ“. Но нѣтъ, если я на васъ имѣю обиду, хотя сердцемъ я уже и простилъ ее, но вы не знаете, что я васъ простилъ. Вотъ меня и понуждаетъ съ вами проститься въ этотъ день, лично въ своихъ обидахъ ко мнѣ. Вѣдь вы знаете, что не было ни одного человѣка отъ сотворенія міра — безъ грѣха, кромѣ Богочеловѣка. Потому я вамъ совѣтую не оставлять безъ вниманія этотъ день и исполнять его, какъ исполняли издревле предшественники наши. Не вѣрьте тѣмъ людямъ, которые говорятъ вамъ — „зачѣмъ вы пойдете въ церковь прощаться, можно простить всякую обиду сердцемъ, а обрядность эта церковная ни къ чему“. Не обращайтесь на нихъ никакого вниманія, чтобы они не говорили вамъ и на васъ. Вы знаете, что только мы можемъ примириться съ вами посредствомъ церкви, которая какъ мать заботится о насъ.

Совершенство въ настоящемъ земномъ мірѣ нѣтъ. Въ немъ находятся двѣ силы—добрая и злая, онѣ-то всегда боролись и нынѣ борются. Борьба между ними то усиливается, то ослабѣваетъ — покоя-же нѣтъ, а если-бы былъ покой, то и въ народѣ не было-бы несогласія. Когда зло и ложь усиливаютъ борьбу на добро и правду, то всѣ, кто больше относится и липнетъ сердцемъ къ свѣту, то-есть правдѣ — сильнѣе начинаютъ жаждалъ истины и болѣе сильнѣе работать умомъ; крѣпнуть въ волѣ своей. Такіе-то люди и стараются между православіемъ заглушить языческое вѣроученіе и разные воставшіе противъ нашей церкви ереси и расколы. Въ настоящее время и мы переживаемъ разногласія, споры и борьбу мнѣній. Люди стали стремиться только попить, поѣсть, повеселиться, а для всего этого — денегъ побольше наживать. Ослабъ у

людей интересъ къ духовной и даже мирной жизни и многихъ охватило настроеніе настоящаго міра (слѣдовать модѣ).

Церковь еще за три недѣли до наступленія настоящаго дня предупреждаетъ насъ о наступленіи настоящихъ дней. А чтобы болѣе насъ привлечь къ себѣ, напоминаетъ намъ разными примѣрами, какъ „о мытарѣ и фарисеѣ, о блудномъ сынѣ“, а передъ самымъ уже входомъ Великаго поста напоминаетъ намъ и о нашемъ смертномъ часѣ и важнѣе того о „Страшномъ судѣ“. Есть въ жизни человѣческой одинъ моментъ, когда повидимому невозможно никакое счастье, никакое спокойствіе, такой моментъ, когда міръ—онъ даже самъ подтверждаетъ это — не можетъ дать никакого мира и утѣшенія, когда онъ совершенно оставляетъ своихъ послѣдователей. Этотъ моментъ смерти, которая неизбѣжно наступитъ для всѣхъ насъ, хотя мы и не знаемъ, когда, гдѣ и какъ скоро этотъ моментъ наступитъ. Вотъ этотъ моментъ намъ сегодня церковь и напоминаетъ, а за этимъ моментомъ уже послѣднее слово Спасителя на „Страшномъ судѣ“.—Станьте передъ лицомъ своей совѣсти и взвѣсьте себя: можете-ли вы посѣтить какое-либо веселое общество или зрѣлище, чтобы вмѣсто этого пойти въ церковь? Можете-ли отбросить въ сторону дурную безнравственного содержанія книгу, чтобы вмѣсто нея прочитать книгу болѣе серьезнаго и поучительнаго характера? Можете-ли утромъ нѣсколько ранѣе обыкновеннаго встать съ постели, чтобы пойти въ церковь къ богослуженію? Счастливы вы, если откажетесь все это дѣлать, что дѣлалось въ народѣ въ продолженіи прошедшей недѣли. Если-же нѣтъ — если каждая, даже самая ма-

лѣйшая трудность отдѣляетъ тебя отъ вѣрованія въ Бога и отъ Церкви, и это настоящее малѣйше служеніе въ этой церкви — тебѣ становится тягостнымъ. Тогда можно повѣрить, что душа твоя болѣетъ и дурныя привычки пустили въ ней глубокія корни. Виною всему этому является—наша молодость. Въ молодости ты успѣлъ уже погрузиться въ чувственность и самолюбіе, для тебя уже не существуетъ ничего высшаго, кромѣ, такъ называемаго, желудочнаго удовольствія. Никакого интереса не имѣешь ни къ чему, кромѣ заботы о томъ, что тебѣ есть, что пить, во чтобы понаряднѣе одѣться и повеселѣе провести время, чѣмъ-бы отличиться и обратить на себя вниманіе людей. Не любимъ мы говорить о своихъ недостаткахъ. Любопытны мы и любознательны повѣрять другихъ. Мы мало обращаемъ вниманія на себя, на свой характеръ и поведеніе; не цѣнимъ мы свои дѣла къ людямъ. Всю жизнь хлопочемъ только для своего удовольствія, но за самимъ собой не посмотримъ, что мы дѣлаемъ и хорошо-ли мы поступаемъ. Ничѣмъ мы такъ не занимаемся, какъ осужденіемъ своихъ собратій. Въмѣсто того, чтобы посмотрѣть на себя, мы судимъ и рядимъ, что только придетъ намъ на умъ о прочихъ людяхъ. Мы видимъ грѣхи и ошибки другихъ, но своихъ замѣтить не можемъ. Если ты не желаешь, чтобы тебя не осуждали, то я совѣтую, чтобы ты самъ никого не осуждалъ. Тебѣ бываетъ непріятно, когда надъ тобой смѣются, такъ и я совѣтую тебѣ не смѣяться надъ другими, особенно надъ своими братьями. Тебѣ хочется, чтобы ты былъ у всѣхъ въ почетѣ и уваженіи и чтобы всѣ тебя любили, то сначала ты самъ отнесись къ каждому человѣку, окружающему

тебя, съ любовью и уваженіемъ. А потому я вамъ, собравшимся въ настоящій день въ церковной оградѣ, предлагаю исполнить священный обрядъ, который установленъ святыми отцами, а намъ заповѣданъ сохранять оный и исполнять въ настоящій день“.

О. архимандритъ проповѣдь закончилъ. Народъ вслухъ благодарилъ его за такую откровенность его къ народу. Послѣ этого послѣдовала молитва, которая читается послѣ вечерни. Всѣ пали ницъ. О. архимандритъ съ воодушевленіемъ и въ молитвенномъ настроеніи прочелъ молитву, по окончаніи которой всѣ зацѣли „Пасху“—по старинному обычаю. Какое настроеніе и воодушевленіе въ народѣ! Первый разъ въ жизни встрѣчаю такого пастыря церкви, который можетъ настроить людей въ молитвенный строй и своей краснорѣчивой проповѣдью и откровенностью привлекать все болѣе и болѣе народа подъ кровъ этой церкви.

Послѣ пѣнія „Пасхи“—пѣли канунъ „Помощникъ и покровитель“, во время котораго, всѣ какъ монахи, такъ и народъ прощались другъ съ другомъ—цѣлованіемъ, какъ и въ святую Пасху. Прощались младшіе со старшими, особенно народъ болѣе жался и тѣснился ко всѣмъ любимому архимандриту монастыря, который всѣхъ и каждого утѣшалъ своимъ привѣтствіемъ и бесѣдой.

Обрядъ „прощенія“ пастыря съ народомъ продолжался до десяти часовъ вечера. Нѣкоторые, уже противившіеся съ пастыремъ, не уходили изъ церкви, а становились опять на свое мѣсто, и какъ будто дожидаясь конца службы.

Здѣсь какъ будто что-то притягиваетъ и говоритъ тебѣ—„подожди, будетъ лучшее пѣніе“—и ты оста-

ешься. Но есть и такіе люди, которые ходятъ въ церковь для того, чтобы поинтересоваться, полюбопытствовать древностью монастыря, а услыша простое монастырское пѣніе, обходя кругомъ уходятъ, какъ будто не нашедши для себя полезнаго. Вѣдь онѣ привыкли къ разнымъ театрамъ и забыли то, что церковь создана только для молитвы, а не для театра.

Прощеніе закончилось общимъ пѣніемъ „Достойно“, послѣ котораго священникъ поклонившись всѣмъ, какъ будто предчувствуя усталось народа—сказалъ: „Братіе довольно, уже поздно, теперь идите домой отдыхать“. Народъ сталъ расходиться, но и при уходѣ тебя какъ будто заманиваютъ на будущее время—раздаютъ поучительныя книжки и листки, издаваемые самимъ монастыремъ.

Послѣ такого молитвеннаго настроенія, какъ будто на душѣ у тебя все спокойно, весело, какъ будто-бы ты всѣ обиды обидѣвшимъ тебя—простилъ, а также всѣ нужды, которыя встрѣчаешь во время службы—забываешь.

Еще припоминаю изъ своего дѣтства, когда я былъ лѣтъ пяти-шести. Бывало въ праздники поста только что разыграешься съ товарищами; мать въ четыре часа, какъ на церковныхъ колокольняхъ ударятъ въ колоколъ — приходила къ намъ и приказывала бросать игру и идти къ прокимну въ церковь, даже чѣмъ либо угрожала, если мы отклонялись отъ церковной службы. Вообще бывало въ воскресные дни у прокимна церковь была наполнена народомъ, такъ что отецъ и мать наши ни одно Воскресеніе не пропускали, чтобы не сходить въ церковь къ прокимну, а потому и насъ брали съ собой. Нынѣ

уже нѣтъ этого. Народъ почти совсѣмъ отсталъ отъ церкви, такъ что въ Воскресные дни поста у прокимна народа совсѣмъ не бываетъ, за исключеніемъ десятка женщинъ и мужчинъ.

Я скажу, что виной всего этого стоятъ и пастыри нашей современной церкви. Не мало въ настоящее время у насъ такихъ пастырей, которые сами стали забывать свою обязанность, къ какой они призваны. Они должны помнить не только слово „пастырь“; а нѣкоторые пастыри только занимаютъ должность пастыря, а полного смысла, что они есть пастыри, не имѣютъ, или имѣютъ, но стали, смотря, какъ народъ отталкивается отъ церкви и ея подчиненія, такъ и пастыри не стараются, чтобы внушить отставшимъ отъ церкви и напомнить имъ о церкви и ея духовномъ значеніи. Они напротивъ стараются вмѣстѣ со своими пасомыми отойти отъ церкви.

И не мало въ настоящее время у насъ найдется такихъ пастырей, которые уже позабыли на какомъ мѣстѣ они находятся и что на нихъ возложено—какая власть; все это они оставляютъ и слѣдуютъ, какъ говорится, „модѣ“. Дальше, нѣкоторые пастыри небрежно относятся и совершаютъ и таинства, особенно литургію. И къ этому-то у нихъ охладѣла вѣра. Но грѣшнѣе тому, который не какъ должно истинному пастырю, а какъ работникъ нанятый за деньги—исполняетъ обязанности священника.

Съ другой стороны много уходятъ отъ церкви и члены ея, которые только считаютъ себя членами церкви, но на самомъ-то дѣлѣ ни въ коемъ случаѣ не соотвѣтствуютъ членамъ церкви.

Тяжело намъ говорить объ этихъ вопросахъ, но правда того требуетъ. Опасно за то, какъ-бы не нарушить мнѣ единенія съ церковію..

Пришелъ въ казармы; товарищи мои уже давно спятъ. Я тоже, какъ будто исполнивши христіанскій долгъ, со спокойнымъ сердцемъ легъ на свою солдатскую койку и заснулъ...

И. Дементьевъ

Мірянинъ и монахъ.

Замалчивая истину, открытую Евангеліемъ и засвидѣтельствованную жизнью христіанъ, люди міра перепутали и исказили очень многое въ понятіяхъ своихъ и во взглядахъ. Такъ, напр., многіе ожесточенно нападаютъ на аскетизмъ христіанскій въ убѣжденіи, что законы воздержанія мѣшаютъ человѣку быть счастливымъ.

Много разнорѣчивыхъ мнѣній вызываетъ сопоставленіе міра и пустыни, мірянина и монаха. Часто эти понятія противопоставляютъ одно другому, какъ враждебныя другъ другу и взаимно самоисключающія. Сколько отсюда смущенія въ душахъ вѣрующихъ, и особенно тѣхъ, которыя еще не окрѣпли въ вѣрѣ.—„Ѣздилъ я въ Оптину пустынь,—пишетъ одинъ юноша. Тамъ есть скитъ, гдѣ живутъ монахи вдаль отъ всего, и куда не пускаютъ женщинъ. Я много тамъ гулялъ и размышлялъ... Пахнетъ цвѣтами, зелень шумитъ, слышатся неясные шорохи птицъ, возящихся съ своими птенцами,—ужи неслышно скользятъ по травѣ, бабочки гоняются другъ за другомъ. Всюду жизнь. И на фонѣ этой жизни глухая тишина скита. Какой противоположностью всей жизни кажется

этотъ скитъ,—такъ нежизненъ, такъ убогъ, такъ неестественъ представляется онъ. — Пахнетъ жасминомъ, безъ конца трещать кузнечики о жизни, о страсти—можетъ быть. А по дорожкѣ, самоуглубившись и какъ-бы чуждый всѣмъ призывамъ къ жизни, бредетъ монахъ, давно ушедшій отъ жизни.—Вечеромъ, когда всѣ спали, я шелъ кругомъ скита. Было темно отъ старыхъ елей. Ни одного звука. Только тамъ и сямъ на кустахъ подъ травой сверкали какъ бриллианты свѣтлячки-самцы, къ свѣту ихъ тянулись особи, издающія свѣченія: это другой полъ... А за оградой, уйдя отъ міра, но не уйдя отъ мысли о мірѣ, спали скитники... И думалъ я: Неужели кто-то и когда-то невѣрно понялъ Христа. Неужели бѣгствомъ отъ міра хотятъ люди погасить „запахи цвѣтовъ, разорить гнѣзда птицъ, растоптать ногами свѣтлячковъ?“ Но тогда весь міръ померкнетъ, потускнѣетъ. Да и вообще добръ-ли этотъ міръ, сотворенный Богомъ „съ жасминами, съ свѣтлячками и съ бабочками?“ Неужели все въ немъ зло: и дубрава, и звѣздное небо, и поэзія почи, и все, что окутываетъ и помогаетъ любви, изъ чего родятся птенцы и всякое вообще будущее?“

Вопросы эти — не единичное явленіе, — они занимаютъ многихъ. И не надо опускать изъ вида, что центръ тяжести ихъ лежитъ во взглядѣ на жизнь и ея конечную цѣль. Жить—значить-ли служить только міру и его страстямъ,—или же жить—значить учиться побѣждать міръ, усовершенствовать его и одухотворять. Если поставить себѣ первую цѣль, то, разумѣется, монастырь долженъ пугать и отталкивать,—а станешь на другую сторону, приходишь къ другому выводу.

Монахъ, говоритъ о. Климентъ Зедергольмъ, пере-

шедшій въ православіе изъ протестантства, и опытомъ постигшій монашескую жизнь,—монахъ, въ сущности, все тотъ-же православный христіанинъ, какъ и не монахъ, только поставленный въ особыя благопріятныя для строгой жизни условія,—и мірянинъ вѣрующій—въ сущности все тотъ-же аскетъ, только съ большею свободой. Если взять и въ наше время цѣлый рядъ убѣжденных христіанъ, начиная отъ строжайшаго аѳонскаго пустынножителя до какого-либо человѣка богатаго или высокопоставленнаго въ обществѣ, то какъ-бы ни велика была разница во внѣшнемъ образѣ жизни всѣхъ этихъ людей, поставленныхъ между двумя крайностями, между сырой пещерой аѳонскаго схимника и барскими палатами государственнаго мужа,—все-же идеаль сердечный у нихъ одинъ, философія жизни одна, нравственный критерій одинъ, догматы одни, усилія направлены къ одной и той-же цѣли, къ поддержанію въ себѣ близости ко Христу и Его ученію. Только путь мірянина труднѣе. Мірянину, занятому гражданскими или другими личными обязанностями, окруженному соблазнами роскоши и живущему въ многочисленствѣ, труднѣе выстаивать большую церковную службу, чѣмъ монаху: мірянина ничто къ тому не понуждаетъ кромѣ собственной вѣры,—а монаха—кромѣ сознанія долга—понуждаетъ среда, и особенно тогда, когда одолеваетъ его лѣнь и разсѣянность. Онъ не даетъ потворства слабостямъ и идетъ въ церковь ужъ—въ крайнемъ случаѣ если не для Бога, такъ для братіи... Пришелъ, значитъ лѣнь побѣждена, остальное сдѣлаетъ сознаніе долга и положенія... И такъ, я говорю, разница между ограничивающими себя ради Христа міряниномъ и монахомъ только количествен-

ная, а не качественная,—стало-быть, не существенная. У хорошаго монаха тѣ-же краски, только гуще, черты выразительнѣе, — та-же сущность, но болѣе освобожденная отъ всѣхъ мірскихъ украшеній и тягостей (Клим. Зедерг. по Леонтьеву., стр. 41).

Такимъ образомъ, монахъ и мірянинъ — два кровные брата. Они живутъ врозь и разнo, но цѣль одна,—разныя дороги, но одна вдохновляющая сила,—разные труды и скорби, но характеръ борьбы и терпѣнія одинъ. Добрый христіанинъ мірской есть младшій братъ добраго монаха. И оба могутъ быть счастливыми по мѣрѣ достиженія общехристіанской цѣли — побѣждать зло міра, претворять міръ и одухотворять его.

Священникъ Н. Орловъ.

На архіерейской дачѣ въ Черкизовѣ.

О, день для сердца незабвенный:
Господь сподобилъ посѣтить
Насъ уголокъ благословенный
И радость чистую вкусить.
Насъ принялъ храмъ подъ сѣнь святую,
Молитвой духъ животворя,
Зовя, забывши жизнь земную,
На пиръ небеснаго Царя;
Уютна церковь небольшая,
Все тихимъ миромъ здѣсь полно,
Тепло и свѣтъ, храмъ наполняя,
Лились въ открытое окно;
Объятый чувствомъ умиленья
Я удивлялся простотѣ
Архіерейскаго служенья,
При всей духовной красотѣ;
Мы были здѣсь какъ будто дома,
И вызывалъ въ умѣ моемъ
Владыки голосъ столь знакомый
Воспоминанья о родномъ.
Выходимъ въ рощу. Воздухъ чудный,
Все тотъ же миръ кругомъ царить,
И шумный городъ многолюдный
Хотя на время позабыть.

Въ даль бѣлой лентой убѣгая,
На фонѣ зелени видна
Дорожка ровная, прямая,—
Невольно манить въ глубь она...

Небесный сводъ синѣлъ надъ нами,
Чуть вѣялъ теплый вѣтерокъ,
Порхалъ надъ пестрыми цвѣтами.
Кружась бѣлый мотылекъ;

Съ любовью кротко улыбаясь,
Ведя насъ слѣдомъ за собой,
На легкій посохъ опираясь,
Шелъ нашъ Владыка Чудовской...

Всего сказать я не сумѣю:
Такъ хорошо намъ было съ нимъ,
Онъ грѣлъ насъ ласкою своею,
Привѣтомъ насъ дарилъ своимъ.

И жаль намъ было разставаться
Съ тѣмъ благодатнымъ уголкомъ,
Хотѣлось дольше тамъ остаться—
Такъ чудно было все кругомъ.

Я сохраню воспоминанье
Объ этомъ свѣтломъ лѣтнемъ днѣ—
И отдыхъ далъ, и назиданье,
И радость чистую онъ мнѣ.

* *
*

Московскій Митрополитъ Макарій въ Теосимахскомъ Скиту.

Тихая обитель Геосиманскаго Скита сряду два года, на первой недѣлѣ Великаго поста, въ стѣнахъ своихъ имѣла счастье видѣть Московскаго Владыку Митрополита Макарія, избравшаго скитъ для говѣнія и молитвенныхъ своихъ подвиговъ.

Въ послѣдній разъ во вторникъ, въ 10-мъ часу утра, безъ звона и официальной встрѣчи, тихо подъѣхала карета Митрополита къ древнему Успенскому храму. Въ бѣломъ съ брилліантовымъ крестомъ клобукъ, съ свѣтлымъ, радостнымъ и улыбающимся лицомъ Владыка благословилъ собравшуюся на паперти братію и послѣдовалъ въ свои покои, гдѣ жилъ основатель скита, приснопамятный великій митрополитъ Филаретъ.

Съ пріѣздомъ Владыки все оживилось и братія поздравляли другъ друга съ пріѣздомъ дорогого гостя.

Въ половинѣ 5-го часа удары монастырскаго била возвѣстили, что настаетъ время великаго повечерія. Иноки, одѣтые въ свои рясы и мантии, сѣли въ древній храмъ Успенія Богоматери. Храмъ этотъ находится въ скитѣ съ 1842 г., но основанъ въ первой половинѣ 17-го вѣка въ селѣ Подсосѣнни, Московской губ., откуда и перенесенъ въ скитъ и освященъ архим. Діонисіемъ, сподвижникомъ св. Ермогена, Патріарха Московскаго. Внутри храма всюду

старинная простота; въ немъ находится множество частицъ св. мощей, капли крови Господней и часть животворящаго древа Его.

Въ правой сторонѣ отъ входа замѣчательный портретъ преп. Серафима, написанный во весь ростъ еще при жизни преподобнаго. Въ мантии, согнувшись, опираясь на сучковатую палку, преп. Серафимъ какъ живой смотритъ съ улыбкой, какъ бы говорить свои любимыя слова: „радость моя, стяжи духъ миренъ“... Эта небесная радость освѣщаетъ все лицо его. Тамъ-же виситъ его мантия. По направлению въ покои митрополита виденъ замѣчательный портретъ митрополита Филатета, сидящаго въ креслѣ.

Во время службы Владыка Митрополитъ Макарій молился въ покояхъ, а канонъ св. Андрею Критскому выходилъ читать самъ. Слова канона трогательно прочитанныя передавались молящимся и возбуждали ихъ усердiе молиться Богу. Въ высшей степени умилительно было смотрѣть, какъ старецъ - митрополитъ, словно отецъ своихъ дѣтей, благословлялъ изъ окна своихъ покоевъ братiю и богомольцевъ. Всѣ молящiеся благодарили Бога, что сподобилъ получить благословенiе Владыки-митрополита. Въ слѣдующiе дни владыка также читалъ канонъ Андрею Критскому и благословлялъ молящихся.

Въ среду утрени въ 2 ч. утра въ Успенскомъ храмѣ. Поученiя читали изъ сочиненiй Владыки. Архипастырь молился въ покояхъ. Въ этотъ-же день и пятницу въ 8-мъ час. утра въ Успенскомъ храмѣ Владыка Митрополитъ съ ректоромъ Виѳанской семинарiи архим. Германомъ, строителемъ скита iеромонахомъ Меодiемъ и старшею братiею совершалъ преждеосвященныя обѣдни. Изъ Лавры пр. Сергiя прiѣзжали для служенiя архидiаконъ и три мальчика-исполатчика, которые замѣчательно пѣли предъ открытыми

царскими вратами: „да исправится молитва моя“... Казалось, сами небожители слетѣли съ небесъ и пѣли, такъ были пріятны и звонки ихъ голоса. На клиросахъ гремѣли столповымъ напѣвомъ пѣвчіе скита.

Въ пятницу-же на молебнѣ св. мученику Θεодору Тирону канонъ читалъ и благословилъ коливо (кутью) тоже самъ Владыка. Послѣ раздачи антидора и колива молящимся, Владыка вышелъ на амвонъ и велѣлъ всѣмъ пѣть: „Вѣрую во Единаго Бога Отца“...—потомъ сталъ задавать вопросы по Символу Вѣры и объяснять, и за нимъ молящіеся громко повторяли отвѣты. Все было просто, сердечно, словно была одна семья, жаждущая напиться живой воды-ученія Спасителя изъ устъ любвеобильнаго Владыки. Нѣсколько разъ пропѣли молитву „Богородице, Дѣво радуйся“... Затѣмъ Митрополитъ благословилъ богомольцевъ общимъ благословеніемъ, говоря: такъ св. апостолы, приходя въ домъ говорили: „миръ дому сему“, и я вамъ говорю: „миръ вамъ“, а вы наклоните головы и отвѣчайте мнѣ—„аминь“.

Невольнo я перенесся мыслию въ первыя вѣка христіанства, когда св. апостолы проповѣдовали Христа, а теперь апостолъ Алтая также проповѣдуетъ ученіе Спасителя.

Повечеріе началось въ 3^{1/2} часа, кончилось около 5-ти час. Служили въ обоихъ храмахъ.

Всенощная съ 6 час. совершалась въ трапезномъ храмѣ, потому что Успенскій храмъ невмѣщалъ всѣхъ богомольцевъ.

Ко времени службы прибылъ намѣстникъ Троице-Сергіевской лавры архим. Товія, съ строителемъ скита іеромонахомъ Меодіемъ, старшей братьею скита и архидіакономъ, чтобы встрѣтить Архипастыря у входа. По прибытіи Владыки началась всенощная, во время которой онъ на-

ходилъ въ алтарѣ, а на величаніе Божіей Матери выходилъ на середину церкви. Послѣ первой кафизмы было прочитано воззваніе Православнаго Миссіонерскаго Общества, а послѣ второй кафизмы и пѣсни канона—поученіе Владыки. Когда молящіеся прикладывались къ иконѣ, имъ раздавались брошюры Митрополита: „Наставленіе говѣющимъ“ и „Наставленіе о молитвѣ и молитвенныхъ поклонахъ“.

Въ субботу Владыка, встрѣченный архим. Товіемъ, строителемъ скита іером. Меѳодіемъ, старшей братьею и архидіакономъ торжественно совершалъ литургію; по прочтеніи Евангелія, предъ сборомъ на Правосл. Миссіон. Общество Владыко произнесъ приблизительно такое слово: „Иисусъ Христосъ Сынъ Божій приходилъ на землю, чтобы спасти всѣхъ людей, и для этого Онъ пострадалъ за грѣхи прародителей нашихъ и за всѣхъ людей, даже до крестной смерти; а для продолженія спасенія учредилъ Церковь въ лицѣ св. апостоловъ, а потомъ преемниковъ ихъ—насъ,—и сказалъ: „что Церковь врата адовы не одолѣютъ“. Господь питаетъ насъ Своимъ Тѣломъ и Кровью, подъ видомъ хлѣба и вина. Питаетъ-ли мать свое дитя тѣломъ и кровью? а не только-ли млеко? Вотъ какая сильная любовь Спасителя къ намъ! Христосъ основалъ Церковь Свою не только для вѣрующихъ въ Него, но и язычниковъ. И теперь еще много есть язычниковъ въ Японіи, Китаѣ, и у насъ въ Россіи: на Алтаѣ и другихъ мѣстахъ, Христосъ сказалъ: „кто со Мною не собираетъ, тотъ расточаетъ“. Сейчасъ вы будете принимать Тѣло и Кровь Его, такъ дайте-же Ему по возможности на Его великое дѣло спасенія язычниковъ. Эта жертва будетъ для Него самая пріятная, такъ какъ Онъ для этого съ неба сходилъ. Миссіонерамъ проповѣдникамъ ученія Христа средства очень

нужны, такъ какъ они помогаютъ перекрещенцамъ: ихъ обучаютъ, кормятъ, одѣваютъ, лѣчатъ, даже въ хозяйствѣ помогаютъ; потому что родные нерѣдко отказываются отъ нихъ“.

Слово, сказанное просто, искренно отъ сердца, произвело умиляющее дѣйствіе: у многихъ показались на глазахъ слезы и слышались сокрушенные вздохи, и всѣ охотно стали доставать деньги и подавать бумажки и серебро на блюдо. Предпричастныя молитвы: „Вѣрую, Господи и исповѣдую... и Вечери Твоя“... Владыка велѣлъ читать всѣмъ вслухъ и затѣмъ самъ пріобщилъ братію, а богомольцевъ пріобщалъ архим. Товія. По окончаніи причащенія исповѣдниковъ, Владыка поздравилъ ихъ съ принятіемъ св. Таинъ и сказалъ: „вы, вотъ теперь приняли дорогого Гостя-Христа, старайтесь-же удержать Его у себя добрыми дѣлами и хорошей жизнію, а то бываетъ, что Гость въ домъ, а хозяинъ изъ дома вонъ“... Преподавъ общее благословеніе, Владыка отправился въ покои, а всѣ стали поздравлять другъ друга съ принятіемъ святыхъ Таинъ. Духовная радость и подъемъ вѣры у всѣхъ замѣтны были на лицахъ. Смотря на причастниковъ, мнѣ казалось, что они словно переродились, какъ бы Владыка вложилъ въ нихъ свою сильную вѣру въ Бога. Вотъ также говорилъ къ народу и почившій великій праведникъ земли русской о. Іоаннъ Кронштадтскій; такъ много у него казалось общаго съ Митрополитомъ Макаріемъ, таже живая вѣра слышалась въ истину проповѣдуемаго слова и благоговѣйное богослуженіе.

Богомольцы разѣзжались и расходились по городамъ, селамъ и деревушкамъ, гдѣ и рассказывали про подвижника-митрополита и въ душахъ ихъ огонь зажженный владыкой передавался всѣмъ роднымъ и знакомымъ, и всюду

разгоралось пламя вѣры во Христа и Церковь. Вотъ если бы было болѣе такихъ подвижниковъ вѣры, то какое ученіе противъ Христа не имѣло бы своихъ послѣдователей и не было бы никакихъ смуть и раздоровъ въ нашемъ отечествѣ.

Въ 1-мъ часу владыка-митрополитъ отъѣзжалъ. Братія спѣшила къ Успенскому храму, чтобы проводить Владыку. Вотъ онъ вышелъ изъ покоевъ съ строителемъ Скита и старшей братьею, съ улыбкой спустился по лѣстницѣ. Подъѣхала карета и увезла его на вокзалъ. И долго еще слышались слова о Владыкѣ,---о его подвигахъ, молитвѣ и строгомъ постѣ, несмотря на его уже преклонныя лѣта (79 л.). И Владыка всегда веселъ, ласковъ, бодръ и жизнедѣятеленъ.

Богомолецъ.

Всехощая въ лазаретѣ.

„Дѣва днесъ предстоитъ въ церкви
и съ лики святыхъ невидимо за ны мо-
лится Богу“ (Кондакъ на день Покрова).

Рядъ строгихъ сосредоточенныхъ лицъ. Взоры всѣхъ устремлены къ аналою, гдѣ положена икона Покрова Пресвятыя Богородицы. На лицахъ всѣхъ изображенъ умиленный молитвенный восторгъ. Звучать слова молитвы и сердцу такъ отрадно, легко. Предъ взоромъ проносятся битвы, гдѣ пришлось за вѣру родную, за Царя дорогого, за Родину-мать свою кровь проливать.

Плывутъ въ сознаніи ужасныя картины битвъ народовъ, крики войскъ, свистъ проносящихся шрапнелей и пуль, громъ пушекъ, ярость озлобленныхъ лицъ врага... Вдругъ,—что-то такъ больно „рѣзнуло“ въ колѣно... Упалъ и не помню...

А тутъ—такъ тихо и умильно несутся звуки: „Свѣте тихій“.

Приходитъ въ сознаніе солдатикъ и начинаетъ усердно и часто креститься.

А вотъ и другой бой. Было жаркое дѣло. Второй ужъ день врагъ отдохнуть не давалъ. Кухни солдатскія были вдали и давно ужъ солдаты не ѣли горячей пищи. Да и до того-ли тутъ, когда смерть непрерывно ходитъ среди плотныхъ рядовъ сѣрыхъ героевъ и ежечасно то заразы нѣсколько, то по одиночкѣ такъ и уноситъ съ собой. Настало новое утро

и непріятель еще до разсвѣта началъ посылать свои „чемоданы“ на наши позиціи. Прилетитъ такой „чемоданъ“ съ шумомъ, разорвется надъ головой съ трескомъ и—смотришь, санитары уже человѣка два-три подобрали... Вотъ и мой товарищъ съ утра былъ веселъ, все шутилъ и другихъ подбодрялъ. Вдругъ пришелъ приказъ занять слѣдующую позицію. Вышли мы изъ окоповъ и бѣгомъ направились впередъ. Не успѣли и сотни шаговъ отбѣжать, какъ вдругъ что-то освѣтило, что-то на воздухъ приподняло, оглушило и отбросило въ сторону... Опомнися тотчасъ. Гляжу, а мой товарищъ лежитъ рядомъ и руки раскинулъ. Подошелъ къ нему и спрашиваю (улыбочка такъ на его лицѣ играетъ): „ты раненъ?“—„Нѣтъ,—говоритъ,—я убитъ. Пресвятая Богоро...“—и духъ вонъ... Такъ сердцу больно стало, что смерть похитила друга моего...

Но слова: „Нынѣ отпускаеши раба Твоего, Владыко“, возвращаютъ мечтателя къ дѣйствительности и примиряютъ его съ ней, такъ благотворно дѣйствуя на душу.

Запѣли „Богородице, Дѣво, радуйся“... и всѣ опустились на колѣни. Такъ стало радостно, что вотъ опять здѣсь всѣ объединились, но не съ оружіемъ въ рукахъ, а съ крестнымъ знаменіемъ на челѣ, съ горячей молитвой на устахъ, съ примиреннымъ сердцемъ, съ любовію въ душѣ. Всѣ стремятся найти утѣшеніе въ тяжкихъ страданіяхъ, излить тоску сердца, печаль по роднымъ вознести къ Богу своему. И все это въ великихъ и радостнотворныхъ словахъ: „Слава въ вышнихъ Богу“...—сливается въ одну всепримиряющую радость, сходящую съ небесъ, несущую миръ вселенной, покой душѣ изстрадавшейся.

И вновь, во время чтенія шестопсалмія, мечты о прошломъ пролетаютъ въ головѣ, вызывая на лицахъ то горь-

кія воспоминанія объ ушедшихъ на вѣчный покой, то радость отъ сознанія святоисполненаго долга.

Шли мы цѣлый день и ночь. Все впередъ мы шли. Ушелъ куда-то врагъ и не видно его. Думали,—ужъ не отрѣзаны-ли мы отъ своихъ. Но нѣтъ. Неожиданно посыпался на насъ цѣлый дождь пуль. Оказалось невдалекѣ на горѣ онъ поставилъ свои пулеметы и началъ насъ обсыпать своимъ горохомъ. Что же дѣлать. Не отдыхать же подъ этимъ горячимъ палящимъ дождемъ.

„Впередъ ребята“,—крикнулъ командиръ; у самого и сумку походную пулями изорвало и портупею сорвало и, чудно какъ-то,—цѣль и невредимъ остался. Ну, конечно, насъ было много, зѣвать мы не стали и черезъ полчаса эти самые пулеметы уже замолчали, а мы около ихъ и отдохнуть расположились...

„Господи помилуй“... Да, ужъ ектенія опять. „О царствующемъ домѣ“... и всѣ учащенно крестятся. Тропарь праздника. Молитва горячѣй, „Пресвятая Богородице,—шепчуть уста,—покрой Своимъ Покровомъ всю Россію, защити ее отъ враговъ“... Запѣли „Спаси Господи“... И всѣ упали на колѣни, дружно подхватили слова молитвы и понеслось въ высь, къ престолу Царя царей стройное пѣніе воодушевленныхъ горячихъ сердець; молитвенно взывая, каждый просилъ о побѣдѣ.

Да, вотъ скоро ужъ, недѣльки черезъ двѣ, раны заживутъ и пойдемъ опять мы въ битву. Били австрійца, а теперь ужъ пойдемъ на германца...

Сердобольная сестрица предлагаетъ раненому въ ногу стулъ посидѣть.

— Нѣтъ ужъ, сестрица, тамъ на позиціяхъ не сидѣли, а здѣсь и подавно постоимъ.

— Вотъ товарищъ-то во второй ужъ компаніи былъ.

За хитраго-то японца вишь Георгія получилъ. А теперь и радъ, что австрійца побилъ. Да, что, слабый онъ народъ-то, австріецъ-то. Хуже далеко японца-то. Придешь къ нему въ траншею-то, а онъ весь трясется, да въ воздухъ-то и палить. Ну вотъ германецъ, тотъ народъ куда серьезнѣе. Тотъ и японца лучше, стойкій народъ.

Только вотъ штыка боится. Ну, конечно, штыкомъ-то мы ужъ на смерть бьемъ, а они и боятся этого...

— Ужъ „Хвалите“... запѣли. Ахъ, какъ это хорошо. Послѣ грома-то пушекъ, какъ пріятно слышать это стройное пѣніе...

И бѣлые ряды въ халатахъ въ восторгѣ сердца свои мольбы хваленія возносятъ ко Творцу Вселенной. Посмотришь на нихъ и подумаешь: да вѣдь они людей убивали, а между тѣмъ,—краткая улыбка сіяетъ на устахъ.

Люди, побывавшіе въ сраженіяхъ,—говорятъ,—звѣрвуютъ.

Нисколько. Вы только посмотрите на эти добродушныя широкія и открытыя русскія лица. Такъ ясно видна въ этихъ добрыхъ глазахъ чистая и любвеобильная душа, свѣтящаяся радостію отъ сознанія исполненнаго долга. Стоять 120 раненыхъ и всѣ они такъ усердно молятся.

Вотъ зачитали канонъ. Часто слышится припѣвъ „Пресвятая Богородице спаси насъ!“ И каждый разъ руки всѣхъ поднимаются и истово кладутъ на себѣ крестное знаменіе.

Подходятъ и прикладываются къ праздничной иконѣ и съ большою радостію получаютъ отъ батюшки помазаніе елеемъ освященнымъ, цѣлящимъ и тѣлесныя и душевныя ихъ раны.

Запѣли „Слава въ вышнихъ Богу“...—и всѣ, какъ одинъ

человѣкъ, опустились на колѣни, вознося молитву Царю небесъ.

Тихо струятся слезы у раненаго въ животъ. Тяжело ему. Доживетъ-ли, дождется-ли того радостнаго дня, когда онъ вновь увидитъ своихъ родныхъ, дорогихъ... Горяча его молитва и въ ней онъ находитъ подкрѣпленіе въ слабыхъ силахъ своихъ.

А тамъ, позади, въ палатахъ, на чистенькихъ койкахъ лежатъ тѣ, кои не могли уже и съ мѣста сдвинуться. Ихъ ноги стали подобны большимъ сверткамъ бѣлой матеріи—такъ тщательно забинтованы онѣ, что и не двинутся. О, какъ выразительны ихъ взгляды. Какъ хочется имъ присутствовать вмѣстѣ со всѣми и помолиться, попѣть.

Но—Богъ вездѣ. Имъ слышны долетающіе звуки молитвъ и такъ набожно крестятся въ эти моменты они, такъ умиленно шепчутъ уста... Но что это? Какъ будто кто-то пришелъ. Да это ихъ добрый батюшка, не забылъ ихъ и сюда пришелъ вмѣстѣ съ праздникомъ. Онъ принесъ икону праздничную, приложилъ къ ихъ устамъ и помазалъ ихъ елеемъ. О, какая радость въ сердцѣ, какая тихая и умиляющая радость! Стало такъ легко, легко. Стало празднично на сердцѣ, радостно кругомъ. Великая благодарность къ Подателю всѣхъ благъ, большое спасибо и батюшкѣ дорогому, вспомнившему насъ.

Кончилась служба. Батюшка благодаритъ воиновъ за горячія молитвы. Благодарятъ и они его.

— Не помолились мы лишь за тѣхъ,—говоритъ батюшка,—кои животъ свой на полѣ брани положили за Вѣру, Царя и Отечество. Вспомянемъ и ихъ въ своей молитвѣ, пропоемъ имъ вѣчную память.

И всѣ съ глубокимъ смиреніемъ, съ полной покорностію волѣ Божіей стали на колѣни. Торжественно несутся слова

молитвы, горячи и искренни глубокиа воздыханія воиновъ о товарищахъ своихъ...

Ушелъ батюшка. Ушли и всѣ служащіе. А въ воздухѣ еще долго носился кадильный аромать, напоминающій о пережитыхъ чувствахъ, о молитвенныхъ восторгахъ души.

Отлетѣла эта молитва въ высь небесную и вѣрить душа:— ей сопутствуетъ Сама Царица неба. Дойдетъ до Бога она и незримо Всевышній ниспошлетъ свою благодать на молящихся.

Мірянинъ.

На освященіе соборнаго храма въ Марео-Маріин-
ской обители Милосердія 1911 г. 8 апрѣля.

Какъ чувства выразить святыя,
Найти для нихъ довольно словъ—
Въ родной обители впервые
Мы слышимъ звонъ колоколовъ.

Какую радость возбуждаетъ
Въ душѣ торжественный тотъ звонъ,
Какъ чудно слухъ нашъ услаждаетъ,
Какъ говоритъ о многомъ онъ.

О, кто изъ насъ тотъ день забудетъ!..
Не оживилъ онъ духа въ комъ,
Кому не вѣчно свято будетъ
Воспоминаніе о немъ?

О, день, для сердца незабвенный!
Войдемъ ликуя въ новый храмъ,
Поя хвалу Творцу вселенной
За милость явленную намъ.

Прими отъ насъ благодаренье
О, Боже, мира и любви,
Услышь сердечныя моленья
На трудъ святой благослови.

Благослови обитель нашу
Дай волѣ слѣдовать Твоей,

Хотя испить страданій чашу
За то не разъ пришлось бы ей.
Святымъ училищемъ терпѣнья
Для насъ да будетъ этотъ храмъ,
И силъ духовныхъ обновленье
Всегда пусть чувствуется тамъ.
Пускай въ таинственномъ общеньи,
Въ бесѣдѣ мысленной съ Тобой
Находить каждый утѣшенье
И миръ душѣ своей больной.
Пусть храмъ нашъ жертвенникомъ будетъ,
Объединяетъ всѣхъ пусть Онъ,
И чувства свѣтлыя пусть будить
Въ сердцахъ его призывный звонъ.
Пускай надежду намъ приносить
Тотъ звонъ и силъ даетъ въ борьбѣ,
Пусть отъ земли нашъ умъ возносить
Всегда Спаситель нашъ къ Тебѣ.

* * *

Въ обличеніе сектантовъ.

I.

О Словѣ Божіемъ.

Безъ вѣры невозможно угодить Богу (Евр. 11, 6); вѣра такъ же необходима для нашего спасенія, какъ необходимы для поддержанія временной жизни нашего тѣла здѣсь на землѣ пища, питіе и воздухъ. *Истинная* вѣра зарождается въ нашемъ сердцѣ „отъ слышанія *Слова Божія*“ (Римл. 10, 17), возвѣщающаго всѣмъ людямъ спасительную для нихъ волю Отца ихъ Небеснаго (Мѣ. 7, 21). Эта воля Божія первоначально была открываема людямъ чрезъ особыхъ избранниковъ Божіихъ: патріарховъ и пророковъ, а потомъ—чрезъ Единороднаго Сына Божія, Господа Нашего Иисуса Христа (Евр. 1, 1 ст.). Посему то мы и должны искать источникъ истинной вѣры *въ словахъ* Иисуса Христа, твердо помня, что внѣ слышанія и исполненія ихъ нѣтъ спасенія.

Но, если современники Иисуса Христа могли похвалиться тѣмъ, что они „видѣли Его своими глазами и слышали Его своими ушами“ (1 Іоан. 1, 1—3), такъ что воспринимали „*Слова Божіи*“ (Іоан. 3, 34) изъ устъ Самого Христа, то спрашивается, откуда мы, да и всѣ лично не слышавшіе Христа можемъ почерпнуть Его благовѣстіе? Самъ Христосъ училъ *устно*; Онъ не записалъ „Словъ

Божіихъ“ на бумагѣ, а „*вложили ихъ въ мысль и написали ихъ въ сердцахъ*“ Своихъ учениковъ, которыхъ и послалъ проповѣдывать Евангеліе всей твари (Мр. 16, 15). Слѣдовательно, благовѣстіе Христово мы должны почерпнуть у св. *Апостоловъ Христовыхъ*.

Апостолы также сначала возвѣщали міру „Слова Божіи“ *устно*. Но спустя лѣтъ восемь послѣ вознесенія Господня стали появляться и *письменные* повѣствованія апостоловъ о земной жизни и ученіи Христа; такъ появились: Евангеліе Матѳея и слѣдующія за нимъ Евангелія Марка и Луки. Въ концѣ I вѣка пишетъ Евангеліе и апостоль Іоаннъ. Но, заключая въ письма *устно* переданное имъ Евангеліе Христово, апостолы и въ мысляхъ не имѣли записать его *полностью*, почему послѣдній евангелистъ Іоаннъ такъ оканчиваетъ свое Евангеліе: „*многое и другое сотворилъ Иисусъ; но если бы писать о томъ подробно, то думаю, и самому міру не вмѣститъ бы написанныхъ книгъ*“ (Іоан. 21/25). Еще яснѣе мы видимъ, что апостолы не записали *всего* благовѣстія Христова изъ *посланий св. апостола Павла*. Онъ также благовѣствовалъ ученіе Христа *устно* (1 Кор. 15, 1—3; 2 Кор. 3, 1—3; Гал. 1, 11), и только иногда прибѣгалъ къ записи своей проповѣди въ формѣ посланій, или писемъ къ отдѣльнымъ христіанскимъ общинамъ и лицамъ; но и въ этихъ случаяхъ Апостолъ не имѣлъ въ виду предать письму *все* благовѣстіе Христово (2 Кор. 3, 1—3), а только разрѣшалъ частные вопросы, которыми и вызывались его посланія. Обычно апостолы: Павелъ и другіе, согласно повелѣнію Спасителя, являлись съ проповѣдью объ Иисусѣ Христѣ въ то или другое мѣсто. Тамъ они оставались до тѣхъ поръ, пока устной проповѣдью о Христѣ не пріобрѣтали большаго или меньшаго числа вѣрующихъ. Устроивъ церковь, они съ

проповѣдью шли далѣе. Но въ скоромъ времени узнавали, что среди вѣрующихъ, жившихъ на мѣстахъ ихъ прежней проповѣди, возникали нестроенія, распри, ереси, появлялись пороки, а также нерѣдко вѣрующіе подвергались гоненіямъ со стороны враговъ Церкви Христовой. Въ такихъ случаяхъ апостолы, за невозможностію лично явиться, посылали письма христіанамъ. Въ этихъ письмахъ они разсѣивали ихъ заблужденія (посланія Іоанна, Іуды, Солунянамъ, Ефесянамъ и Колосеянамъ), утѣшали, увѣщали и обличали ихъ (Іакова, ап. Павла 1-е посл. къ Коринѣянамъ), поддерживали ихъ въ борьбѣ съ ересями (къ Тимоѳею), защищали свое апостольское достоинство, попираемое лже-учителями (Коринѣянамъ и Галатамъ), свидѣтельствовали о взаимномъ согласіи въ ученіи (2-е Петра); иногда писали посланія въ благодарность вѣрующимъ за ихъ заботы о нуждахъ апостоловъ, а также и по другимъ случайнымъ обстоятельствамъ, какъ, напр., посланіе къ Филимону и т. д. Посему, въ посланіяхъ св. апостоловъ мы находимъ изложеніе **не полностью всего** благовѣстія Христова, а лишь разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ христіанскаго упованія, сообразно съ вызвавшими ихъ обстоятельствами. Подтвердимъ это примѣромъ. Св. апостоль Павелъ „три года день и ночь непрестанно со слезами училъ каждого пресвитера“ въ Ефесѣ и возвѣстилъ имъ всю волю Божію“ (Дѣян. 20, 27, 31), но посланіе того же апостола къ Ефесянамъ состоитъ всего изъ шести краткихъ главъ! Спрашивается: ужели въ шести главахъ можно изложить трехлѣтнее ученіе, содержащее въ себѣ „всю волю Божію“?! Нѣтъ, этого не можетъ быть, что яено доказывается и содержаниемъ посланія къ Ефесянамъ, въ которомъ ап. Павелъ раскрываетъ мысль лишь о единеніи вѣрующихъ изъ язычниковъ и іудеевъ подъ главою Христомъ и призываетъ ихъ

къ сохраненію единства духа и святости жизни. Такимъ образомъ, апостолы не имѣли намѣренія излагать въ своихъ св. писаніяхъ все благовѣстіе Христово. Они передали записи лишь **часть „Словъ Божіихъ“**, и свое **устное** наученіе предпочитали письменному наставленію въ вѣру (2 Іоан. 1, 12, 2 Коринѣ. 3, 1—6). По этой же причинѣ многіе изъ апостоловъ Христовыхъ *вовсе не оставили послѣ себя писаній*, но подобно Іисусу Христу передали міру Евангеліе Царствія Божія въ устномъ словѣ. Такъ, дѣйствительно, смотрѣли апостолы на свои писанія, какъ на *часть* переданныхъ имъ Іисусомъ Христомъ „Словъ Божіихъ“. Другая же часть Евангелія Христова хранилась въ устномъ словѣ св. апостоловъ (2 Іоан. 12, 3 Іоан. 14; 2 Кор. 3—6).

Посему апостолы, благовѣстивъ вѣрующимъ Евангеліе (1 Кор. 15, 1; Гал. 1, 11), убѣждали ихъ хранить „Слова Божіи“ въ томъ видѣ, какъ они переданы имъ, то-есть въ писаніяхъ и устномъ словѣ апостоловъ: „*стойте братія, писалъ св. ап. Павелъ, и держите преданія, которымъ вы научены или словомъ или посланіемъ нашимъ*“ и „*удаляйтесь отъ всякаго брата, поступающаго безчинно, а не по преданію, которое вы приняли отъ насъ*“ (2 Солун. 2, 15; 3, 6). Отсюда ясно, что еще при св. апостолахъ важно было въ церкви Христовой *не только Св. Писаніе, но и Св. Преданіе*, ибо только въ этихъ двухъ источникахъ въ совокупности хранится *полностію и неповрежденнымъ* возвыщенное міру Христомъ чрезъ св. апостоловъ евангеліе Царства Божія.

По повелѣнію апостоловъ ихъ ученики и *преемники* ихъ пастырскаго служенія въ церкви Христовой въ свою очередь должны были передать то, что слышали отъ апостоловъ, *своимъ преемникамъ*, вѣрнымъ людямъ, которые

также должны были *другихъ* научить сему (2 Тимое. 2, 2) и т. д. Значить, и для будущихъ временъ Церкви Христовой должно быть неизмѣнно свято и къ исполненію обязательно *все* слово апостольское, какъ хранящееся въ Св. Преданіи, такъ равно и записанное въ Св. Писаніи. И извѣстно, что святая церковь временъ *послѣапостольскихъ* принимала и хранила, какъ истинное Слово Божіе, все то, что передали ей *устно* и *письменно* св. апостолы и ихъ ученики. Насколько высоко она цѣнила хранящееся въ Св. Преданіи устное слово апостоловъ, видно изъ того, что имъ она обличала всякія лжеученія. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ учениковъ св. Поликарпа, ученика св. апостола Іоанна—Ириней, епископъ Ліонскій, обличая еретика отвергавшаго Св. Писаніе и искажавшаго Св. Преданіе, въ письмѣ къ послѣднему, между прочимъ, писалъ: „такого ученія *не предали* намъ предшествующіе намъ пресвитеры, которые обращались съ самими апостолами. Я былъ еще отрокомъ, когда видѣлъ тебя въ Малой Азіи у Поликарпа. Что было въ то время, я помню живѣе, чѣмъ недавно случившееся. Что мы слышали въ дѣтствѣ, то укрѣпляется вмѣстѣ съ душою и укореняется въ ней“.

Посему и нынѣ св. церковь Христова хранить переданное ей апостолами благовѣстіе Божіе въ двухъ *равно* важныхъ источникахъ: *Св. Писаніи* и *письменномъ Св. Преданіи*, поучая вѣрующихъ, что: „изъ сохраненныхъ въ церкви догматовъ и проповѣданій нѣкоторые мы имѣемъ отъ *письменнаго* (апостольскаго) наставленія, а нѣкоторые пріяли отъ *апостольскаго преданія*, по преемству въ тайнѣ, и тѣ и другіе имѣютъ едину и ту же силу для благочестія. И сему не воспрекословитъ никто, хотя мало свѣдущій въ установленіяхъ церковныхъ. Ибо аще предпримемъ отвергати неписанные обычаи, аки невеликую

имѣющіе силу, то непримѣтно повредимъ евангелію въ главныхъ предметахъ, или паче сократимъ проповѣдь въ единое имя безъ самыхъ вещей“ (91 правъ св. Вас. Вел.).

Въ этомъ Св. Преданіи, нынѣ хранящемся въ письменныхъ памятникахъ, мы и находимъ все то, чего апостолы или вовсе не записали, или на что лишь кратко указали въ своихъ писаніяхъ. Посему-то *апостолы и повелѣвали вѣрующимъ хранить въ совокупности Св. Писаніе и Св. Преданіе, какъ одинъ неразрывный полный и неповрежденный источникъ христіанской вѣры.*

И наша православная русская церковь, принявъ христіанство, въ то же время приняла и два источника христіанскаго вѣроученія: Св. Писаніе и Св. Преданіе, и какъ они преданы, такъ она и хранить ихъ доселѣ. Такъ что когда появляется въ православной церкви какой-либо еретикъ, или сектантъ, то она обличаетъ его, по примѣру апостоловъ и ихъ преемниковъ, ученіемъ Св. Писанія и Св. Преданія неразрывно.

И еретики-сектанты знаютъ это; знаютъ они всю силу обличенія ихъ заблужденій *Св. Преданіемъ* и потому извращеніе благовѣстія Христова *начинаютъ прежде всего съ отверженія апостольскаго устнаго преданія*, а потомъ уже въ угоду своимъ прихотямъ и вымысламъ извращаютъ смыслъ и Св. Писанія. Таковы, напримѣръ, молокане, штундисты, баптисты, адвентисты, ложные евангелисты и др... Вопреки апостольскому повелѣнію: „*братія, стойте и держите преданія*, которымъ вы научены или словомъ, или посланіемъ нашимъ“ (2 Солун. 2, 15),—всѣ эти сектанты отвергли словесное или устное апостольское преданіе и тѣмъ сократили апостольское благовѣстіе, забывъ, что „слышанное отъ апостоловъ слово есть Божіе, а не человѣческое“ (1 Солун. 2, 13), и что отвергающійся апо-

столовъ, тѣмъ самымъ отвергается Христа и пославшаго Его Отца (Лук. 10, 16). Посему мы и видимъ, что названные сектанты не имѣютъ многихъ изъ содержимыхъ православной апостольской церковью и хранящихся въ апостольскомъ Св. Преданіи догматовъ и правилъ благочестія.

Но не въ томъ *только* погрѣшили молокане, штундисты, баптисты, адвентисты, „евангелисты“ и друг. сектанты, что отвергли Св. Преданіе; вслѣдъ за симъ *они извратили и смыслъ Св. Писанія*. Извѣстно, что истины, изложенныя въ Св. Писаніи, иногда передаются не прямо и не вполнѣ понятно для насъ.—По свидѣтельству ап. Петра, въ посланіяхъ ап. Павла есть „нѣчто неудобовразумительное, что невѣжды и неутвержденные къ собственной гибели превращаютъ, какъ и прочія писанія“ (2 Петра 3, 16). Извращеніе писаній въ данномъ случаѣ произошло вслѣдствіе того, что читатели посланій ап. Павла пытались *истолковать ихъ своимъ умомъ*. А если предоставить *одному* уму объясненіе Св. Писанія, то получится столько же разнообразныхъ толкованій, сколько есть отдѣльныхъ человѣческихъ умовъ. Да и умъ одного измѣняется: что сегодня признаетъ, то потомъ уже отвергаетъ. Поэтому-то ап. Петръ и даетъ заповѣдь: „никакого пророчества въ Св. Писаніи нельзя разрѣшить *самому* собою“ (2 Петр. 1, 20). Но чѣмъ же руководятся молокане, штундисты, баптисты, адвентисты, „евангелисты“ и прочіе сектанты при изъясненіи Св. Писанія, какъ не однимъ только собственнымъ разумомъ?! И не отъ „прекословія ли ихъ лжеименнаго знанія“ происходятъ у нихъ, да и у всѣхъ отвергшихъ устное апостольское Преданіе, *взаимныя противорѣчія*? Впрочемъ, не удивительно, — потому что каждый изъ нихъ говоритъ лишь какъ *ему* кажется и

свое произвольное личное истолкованіе Писанія выдаетъ за истину Божію; такъ что у сектантовъ не человѣкъ судится Словомъ Божіимъ, а Слово Божіе является на судъ человѣка!.. Между тѣмъ истинное пониманіе Св. Писанія сохранилось въ томъ „*наученіи*“ (2 Тим. 3, 14), которое апостолы передали въ *устномъ* словѣ своимъ ученикамъ, а сіи своимъ преемникамъ и т. д., и которое впослѣдствіи было записано и стало извѣстно подъ именемъ *письменнаго Св. Преданія*. Къ нему-то и должно обращаться каждому читающему и желающему разумѣть записанное апостолами Слово Божіе

Безсильными оказываются сектанты дать отвѣтъ вопрошающимъ ихъ и о Св. Писаніи. Откуда они знаютъ, что книги, именуемая Св. Писаніемъ, дѣйствительно написаны пророками и апостолами, что сіи писатели написали именно столько книгъ, сколько хранится ихъ въ Библии, и что, наконецъ, писали ихъ по внушенію Св. Духа?.. Вѣдь были и подложныя апостольскія писанія (2 Сол. 2, 2) и притомъ „повреждающія Слово Божіе“ (2 Кор. 2, 17)! Само Св. Писаніе не даетъ намъ отвѣта на эти вопросы. А между тѣмъ эти вопросы настолько важны, что за послѣднее время многіе сектанты, въ безсиліи оправдать свои заблужденія Св. Писаніемъ, стали подозрѣвать многія книги Св. Писанія въ подлинности, неповрежденности и особенно богодухновенности! И если эти заблудшіе наши братія не обратятся во-время къ Св. Преданію, въ которомъ мы находимъ несомнѣнныя свидѣтельства о томъ, кто были писатели свящ. книгъ, какъ они написали ихъ и сколько,—то, по естественному ходу человѣческой мысли, всѣ они скоро придутъ, какъ уже и пришли нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, толстовцы,—къ отверженію *всего* Св. Писанія и замѣнѣ его „*философіею по стихіямъ міра*“, вымыс-

ломъ или преданіемъ собственно человѣческимъ (Колос. 2, 8).

Таковы-то плоды отверженія Св. Преданія заблудшими сектантами. Посему, братія, твердо *стойте и держите преданія, которыми вы научены или словомъ, или посланіемъ св. апостоловъ*, памятуя, что „ежели, чего не дай Богъ,—отважimsя отвергать неписанные въ Св. Писаніи обычаи, какъ будто невеликую важность имѣющіе, то, по словамъ Василія Великаго, непримѣтно повредимъ Евангелію въ самомъ главномъ, или паче отъ проповѣди апостольской оставимъ пустое имя“ И сами, удаляясь отъ „всякаго брата, поступающаго безчинно, а не по преданію“, (2 Сол. 3, 6), вы въ то же время заботьтесь и о томъ, чтобы и заблудшіе—сектанты возвратились на путь истины и исполнили завѣтъ апостола всѣмъ христіанамъ: „*братія стойте и держите преданія*“ (2 Сол. 2, 15).

Миссіонеръ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

Подписка на 1915 г. на журналъ „**СООБЩЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКАГО ПРАВОСЛАВНАГО ПАЛЕСТИНСКАГО ОБЩЕСТВА**“, — единственный въ Россіи журналъ, посвященный вопросамъ востокѣдѣнія въ обширномъ смыслѣ. Его задача — изученіе Востока Ближняго на протяжении всей его исторіи вплоть до Палестины, Сиріи, Византіи, Египетъ, Аѳонъ, Синай — вотъ страны и мѣстности, подлежащія изученію въ журналѣ; преимущественное вниманіе удѣляется Святой Землѣ. Церковная и гражданская исторія этихъ странъ и мѣстностей, археологія, географія, топографія, богослуженіе, современный бытъ въ самыхъ разнообразныхъ развѣтвленіяхъ, отѣлахъ и вопросахъ — вотъ центральные пункты журнальной программы; въ журналѣ помѣщаются и официальные отчеты и сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества и т. д. Нѣкоторые изъ статей снабжаются иллюстраціями. Въ журналѣ участвуютъ профессора нашихъ духовныхъ академій и университетовъ. Для работъ въ журналѣ приглашены и новые сотрудники изъ среды дѣятелей на православномъ Востокѣ. Въ 1915 г. въ журналѣ будутъ помѣщены: очерки изъ прошлой и современной Иерусалимской и Антиохійской церквей, очерки дѣятельности инославной пропаганды на Востокѣ, изслѣдованія изъ области новѣйшихъ археологическ. розысканій и открытій въ Св. Землѣ и т. д. Въ теченіе 1915 г. „Сообщенія Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества“ будутъ изданы въ четырехъ выпускахъ, по десяти печатныхъ листовъ въ каждомъ. Подписная цѣна на „Сообщенія“ въ 1915 году — три рубля съ пересылк. Подписка принимается въ Канцеляріи Императорскаго Православ. Палестинск. Общества: С.-Петроградъ, Вознесенскій просп., д. № 36. Рукописи, съ обозначеніемъ условій и четко переписанныя, посылаются въ редакцію: С.-Петроградъ, Невскій пр., д. № 173, кв. 1. Редакторъ профессоръ Ив. Ив. Соколовъ.

Подписка на 1915 г. „**НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ**“, еженѣсячный педагогическій журналъ. Изданіе Училищ. Совѣта при Св. Синодѣ. Годъ изданія XX. Въ 1915 г. журн. будетъ издаваться по программѣ: I. Очерки, рассказы, характеристики, воспоминанія изъ школьн. жизни („Уголки школьн. жизни“). II. Статьи по вопросамъ народнаго образованія. III. Статьи по педагогикѣ и дидактикѣ. IV. Обзорѣіе русск. и загранич. литературы по вопросамъ воспитанія и обученія. V. Изъ школьн. практики. VI. Школьное дѣло на мѣстахъ. VII. Извѣстія учебн. музея церковн. школъ. VIII. Изъ переписки съ читателями Почтовыхъ ящиковъ. IX. Библіограф. листокъ. X. Школьное пѣніе. Подписчики получаютъ въ видѣ отдѣльн. приложений: 1) Школьный календарь на 1914—1915 учеб. г. 2) Книжки для учительск. бібліотеки и книжки для ученичesk. бібліотеки. 3) Ноты для класснаго пѣнія. Многія статьи и книжки иллюстрируются рисунками и чертежами. Ученымъ Комитет. Министер. Народ. Просвѣщенія журналъ допущенъ въ народныя бібліотеки и читальни, — равно въ учительскія бібліотеки низш. учеб. заведеній. На международной Выставкѣ „Дѣтскій Міръ“ 1904 г. журн. „Народное Образование“ удостоенъ золотой медали. Подписка принимается въ книжной лавкѣ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ (Петроградъ, Кабинетская, 13). Иногородніе подписчики благоволятъ адресовать требованія такъ: Птг., Кабинетская ул., д. № 13, въ Редакцію журн. „Народное Образование“. Редакторъ П. Мироносицкій.

Журналъ „**РУКОВОДСТВО ДЛЯ СЕЛЬСКИХЪ ПАСТЫРЕЙ**“ въ 1915 г. вступаетъ въ 56 годъ своего изданія. И въ этомъ году онъ будетъ содѣйствовать православ. духовенству въ разныхъ областяхъ его многотрудной пастырской дѣятельности. Въ 1915 году подписчики получаютъ: 52 еженедѣльн. номера журнала, содержащихъ: а) статьи по пастырск. дѣятельности и

приходской жизни; б) статьи по исторіи Церкви, апостолетикъ, обличенію сектантства, исторіи и изъясненію богослуженія и другимъ богослов. наукамъ; в) обзоръ церковно-обществен. жизни; г) обзоръ епархіальн. жизни; д) обзоръ періодическ. печати; е) общеплез свѣдѣнія по медицинѣ, сельск. хозяйству, садоводству. Въ 1915 г. будетъ продолжаться печатаніе „Бесѣдъ по пчеловодству“, ж) Отвѣты на вопросы подписчиковъ.—12 книжекъ поученій на всѣ воскресные и празднич. дни. 12 выпусковъ „Богословскаго Библиографическаго листка“. Бесплатное приложеніе: „Церковно-пѣвческой сборникъ“. „Руководство для сельскихъ пастырей“ рекомендовано Св. Синодомъ духовенству и начальствующимъ въ духовно-учеб. заведеніяхъ къ выпискѣ въ церков. и семинар. бібліотеки (Синод. опредѣленіе 4 фев.—20 марта 1885 г. за № 280). Цѣна съ пересылк. шесть рублей, за границу 8 руб. Съ требованіями обращаться: Кіевъ, въ редакцію журнала „Руководство для сельскихъ пастырей“.

Подписка на журналъ церковно-обществен. жизни, науки и литературы „ХРИСТИАНИНЪ“. Выходитъ ежемѣсячно книгами, съ иллюстраціями, при участіи извѣстн. научн. и литературн. силъ, выдающих. церковно-обществен. дѣятелей. Въ журналѣ открывается новый отдѣлъ, подъ заглавіемъ: „Изъ американской жизни“. Предполагаются къ печатанію: „Письма о Западѣ“, Архим. Иларіона. Въ теченіе года „Христианинъ“ дастъ своимъ подписчикамъ: I. 12 книжекъ журнала. II. Живое слово. (Проповѣдническіе труды студентовъ Академіи). III. По церковно-общественнымъ вопросамъ. Т. III. Архіепископа Евдокима. IV. Райскіе цвѣты съ Русской земли т. IV. II. Ѳ Новгородскаго. V. 12 книжекъ подъ названіемъ: „Маленькій Христианинъ“. (Отдѣльно отъ журнала 1 руб.). Около 400 стран. VI. 24 листка духовно-нравственнаго содержанія. Условія подписки: На годъ 5 р., на полгода 3 р. съ доставкой и пересылк. въ Россіи; за границу: на годъ 8 руб., на полгода—4 р. Адресъ редакціи: Сергіевъ Посадъ, Московской губерніи. Редакція журнала „Христианинъ“. Редакторъ-издатель Архіепископъ Евдокимъ Пом. редактора профессоръ В. П. Виноградовъ.

Въ 1915 г. духовн. учено-литературн. журналъ „Чтенія въ Обществѣ Любителей Духовнаго Просвѣщенія“ будетъ издаваться въ 4-хъ выпускахъ каждый объемомъ отъ 5—7 лист. Цѣна на годъ съ пересылк.: 1) для членовъ Общества*и его отдѣловъ—3 р. 2) для остальныхъ лицъ—4 р. Адресъ: „Въ Епархіальную Библіотеку, — Москва, Лиховъ пер., Епархіальный домъ. Редакторъ протоіерей Николай Извъковъ.

Православный Собесѣдникъ, изданіе Казанской Духовной Академіи, въ 1915 г. будетъ выходить ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 печат. листовъ и издаваться въ строго-православн. духѣ и ученомъ направленіи „Православн. Собесѣдникъ“ рекомендованъ Св. Синодомъ въ церковн. бібліотеки, „какъ изданіе полезное для пастырск. служенія духовенства“ (Синод. опред. 8 сентября 1874 г. № 2792). Въ качествѣ приложенія къ журналу будетъ дано въ 1915 г. „Инородческое Обзорѣніе“, посвященное описанію современ. быта и религіи инородцевъ Европейск. и Азіат. Россіи, по программѣ: I. Правительствоныя распоряженія. II. Бытъ и нравы инородцевъ Европейск. Россіи и Россіи Азіатской: христіанъ, мусульманъ, ламантовъ и шаманистовъ. III. Религіозныя вѣрованія, законоположенія и установленія означен. инородцевъ. IV. Обзоръ текущей инородчesk. литературы. V. Критика и бібліографія. Подписчики „Православн. Собесѣд.“ получаютъ „Инородческое Обзорѣніе“ бесплатно при журналѣ; желаютія получить „Инородческое Обзорѣніе“ отдѣльно отъ „Православн. Собесѣд.“, присылаютъ: 1) за 4 книги въ годъ 2 рубля, 2) за 1 книгу 50 коп., 3) за 2 книги 1 руб. и 4) за 3 книги 1 р. 50 к. съ доставк. и пересылк. Цѣна за полное годовое изданіе съ пересылк. во всѣ мѣста имперіи—семь рублей. Адресъ: Казань. Редакція Православнаго Собесѣдника. Редакторъ, профессоръ Вл. Никольскій.

Журналъ „Православный Благовѣстникъ“ органъ внѣшней миссіи издается по новой расширенной программѣ и въ расширенномъ объемѣ, ежемѣсячно, книгами по 16—18 листовъ въ каждой. Программа журнала: руководящія статьи; церковно-школьный отдѣлъ (ипородч. школы); современное положеніе отечественныхъ миссій; очерки изъ исторіи миссіи; миссіонерская методика; миссія инославная; миссіон. хроника; библіографія. Приложение: распоряженія по миссіи Св. Синода; дѣят. Совѣта Правосл. Миссіон. Общества. Въ журналѣ будутъ помѣщаться иллюстраціи. При редакціи организуется книгоиздательство по внѣшней миссіи. Цѣна 6 р. въ годъ. Адресъ редакціи: Москва, Пятницкая, 18, кв. 1. Издатель: Совѣтъ Правосл. Миссіон. Общества. Редакторъ: Синодальный Миссіонеръ-Проповѣдникъ Протоіерей Іоаннъ Восторговъ.

Подписка на 1915 г. ежемѣсячный **Проповѣдническій Листокъ** — органъ Проповѣдническаго Кружка духовенства Саратовской епархіи. Программа: 1) Слова, поученія и бесѣды, съ изясненіемъ предметовъ догматическ. и нравствен. Богослуженія и обрядовъ Св. Православ. Церкви, раскрываются вопросы апологетическ. и полемическ. характера въ защиту ученія Св. Православн. Церкви и опроверженія заблужденія старообрядцевъ, сектантовъ, инославныхъ христіанъ и инновѣрцевъ. 2) Статьи по исторіи и теоріи проповѣдничества. 3) Публичныя миссіонерскія бесѣды съ раскольник. и сектантами. 4) Бесѣды для внѣбогослужебн. и школьнаго чтенія. Адресъ: г. Саратовъ, Духосошественская площадь, д. № 142. Редакторъ, Протоіерей В. Воробьевъ.

„**БОГОСЛОВСКІЙ ВѢСТНИКЪ**“ въ 1915 г. изданіе Московской Духовной Академіи. Программа: I. Творенія св. Отцовъ въ русск. переводѣ (св. Максима Исповѣдника). II. Изслѣдованія, статьи и замѣтки по наукамъ богословск., философск., историческ. и обществен. III. Изъ современ. жизни: научно-богословск. обзорные событія изъ церковн. жизни Россіи, правосл. Востока, странъ славянск. и западно-европейск. IV. Хроника академическ. жизни; отчеты о магистерск. диспутахъ, объ учен. юбилеяхъ, о работѣ науч. академич. обществъ и кружковъ и о перемѣнахъ во внѣш. и внутр. жизни Академіи. V. Библіографія, рецензія и критика повиннокъ русской и иностр. богословско-философск. и церковно-историческ. литературы. VI. Приложенія: труды представителей церковн. жизни въ ея недавнемъ прошломъ. Въ 1915 г. будутъ окончены „Изслѣдованія Апокалипсиса“ Архим. Ѳеодора (А. М. Бухарева) и лекціи по Свяш. Писанію Ветх. Зав. А. А. Жданова. VII. Протоколы Совѣта Академіи за 1914 г. Подписная цѣна на „Богосл. вѣстникъ“ безъ приложеній семь руб. съ пересылкой. Въ качествѣ приложенія къ „Богословск. вѣстн.“ въ 1915 г. будетъ предложено, по выбору, одинъ изъ слѣдующихъ трехъ комплектовъ книгъ: I. Подписчики, приплачивающіе 1 руб., получаютъ а) „Творенія св. Кирилла Іерусалимскаго“, въ одномъ томѣ и в) „Творенія преп. Іоанна Лествичника“ (Лѣствица и Слово къ Настырю). II. Подписчики, приплачивающіе 1 руб. 50 к., получаютъ изданный къ юбилею Академіи сборникъ „Памяти почившихъ наставниковъ“. III. Подписчики, приплатившіе 3 р. 50 к., получаютъ Въ память столѣтія Императорской Московской Духовной Академіи. Сборникъ научныхъ статей, принадлежащихъ бывшимъ и настоящимъ членамъ академической корпораціи; въ двухъ частяхъ. Допускается разсрочка на два срока: при подпискѣ 4 р. и къ 1 іюля 3 руб. Стоимость приложеній уплачивать при подпискѣ. Адресъ: Сергіевъ Посадъ, Московской губерніи, въ редакцію „Богословскаго вѣстника“.

Редакторъ священникъ Павелъ Флоренскій.

Открыта подписка на 1915 г. издательство В. М. Скворцова дает за 12 р. три периодических органа и 5 названий отдѣльн. изданій, а именно: I. ежеднѣв. политическ., обществен. и церковная газета „**КОЛОКОЛЬ**“. Подписная цѣна за годъ 6 руб., $\frac{1}{2}$ года 3 руб., 1 мѣс. 50 коп. II. Еженедѣльн. иллюстрирован. апологетическ., проповѣднич. и духовно-беллетристич. журналъ „**ГОЛОСЪ ИСТИНЫ**“, Подписная цѣна: на годъ 3 руб., $\frac{1}{2}$ г. $1\frac{1}{2}$ руб.; Годовые подписчики на „Колоколь“ и „Голосъ Истины“ вносятъ за оба изданія 8 руб. и получаютъ бесплатно: Сочиненіе: „Разоблаченіе тайнъ масонства“, Павла Никола. Въ „Колоколь“ будутъ напечатаны два произведенія: 1) „На зарѣ благодати“, церковно-историческая пов. изъ проповѣди Св. Ап. Павла въ г. Ефесѣ. Попова Пермскаго, 2) „Христіанка“, повѣсть изъ современной жизни Франціи, переводъ Мазуренко, 3) Ежемѣсячный журналъ „**МИССИОНЕРСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ**“. Цѣна за годъ 6 руб., $\frac{1}{2}$ г.—3 руб.; съ 4 безплат. приложен. 1) 150 №№ „Православный Благовѣстникъ“. 2) „Чудеса и знаменія нашего времени“. 3) „Церковные вопросы на Думской канцелярѣ“ и 4) „Исторія и обличеніе новыхъ рacionalesтическихъ сектъ“. Вновь переработанное сочиненіе Н. Гумилевскаго. Подписавшіеся на всѣ изданія и приложенія вмѣсто 20 руб. платятъ только 12 руб. Подписку просимъ адресовать исключительно на редакцію: Петроградъ, Невскій, 153, Редакція „Колоколь“. Издатель-Редакторъ В. М. Скворцовъ, Редакторы: И. И. Высоцкій и В. Ѳ. Смирновъ.

Открыта подписка на 1915 г. „**ЗАКОНОУЧИТЕЛЬ**“, церковно-педагогическій и обществен. журналъ. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Цѣна: на годъ четыре руб.; на полгода два руб. 50 коп. Адресъ редакціи: г. Житомиръ, Пларіоновская 2, кв. 3. Программа: I отдѣль. Статьи по вопросамъ церковно-педагогическ. и общественнымъ. II отдѣль. Правительствен. распоряженія и мнѣнія по школьн. дѣламъ. III отдѣль. Сообщенія о законоучителяхъ въ предѣлахъ русск. государства. IV отдѣль. Положеніе Закона Божія за границей. V отдѣль. Корреспонденціи. VI отдѣль. Печать. VII отдѣль. Изъ области юридическо-законоучительской. Отвѣты редакціи. VIII отдѣль. Библіографія. Объявленія. Журналъ рекомендованъ многими законоучительскими Епархіальными Съѣздами. Примѣчаніе: Лица, подписавшіеся на журналъ „Законоучитель“ на 1915-й годъ до 1-го декабря сего года получать журналъ за 1914 г. бесплатно, со дня полученія редакціей подписной платы. Редакторъ-Издатель, Протоіерей А. А. Голосовъ.

Подписка на 1915 г. на единственный въ Россіи практически-идейный журналъ, обнимающій всѣ стороны дѣятельности пастыря церкви: „**КЪ СВѢТУ**“ съ приложеніемъ 1000 листовъ для раздачи народу. Журналъ выходитъ одинъ разъ въ мѣсяцъ (за два мѣсяца впередъ) въ количествѣ 10—15 печатныхъ листовъ, съ приложеніемъ къ каждому номеру 83 листовъ на разныя современныя темы для раздачи народу. Программа: 1) Религіозно-прав. отдѣль. 2) Что и какъ можетъ сдѣлать идейный пастырь для благосостоянія своего прихода. 3) Дѣло трезвости на Руси. 4) Церковно-общественная жизнь. 5) Жизнь деревни. Нравы и обычаи деревни, статьи по сельскому хозяйству и кооперацій-кредитныя и ссудо-сберегательныя товарищества, потребительныя, сельско-хозяйственныя общества, приходскія попечительства и братства. 6) Популярная гигиена и ветеринарія. 7) Изъ газетъ и журналовъ. 8) Переписка съ читателями. 9) Библіографія и смѣсь. Полезныя свѣдѣнія по всѣмъ отраслямъ знанія. 10) Тверской край и мѣстная жизнь. Подписная цѣна съ приложеніями, достав. и перес.—4 руб. въ годъ, 6-тъ мѣс. 2 руб. 20 коп. Журналъ за прежніе годы—1 руб., для подписчиковъ 75 коп. безъ пересылки. Адресъ: Тверь. Редакція журнала „Къ Свѣту“. Редакторъ-издатель Свящ. Николай В. Лебедевъ.

Подписка на 1915 г. (XLI годъ изданія) на еженедѣльный журналъ „**ЦЕРКОВНЫЙ ВѢСТНИКЪ**“, издаваемый при Императорской Петроградской Духовной Академіи. „Церковный Вѣстникъ“ ставитъ своею задачею давать академическое освѣщеніе церковныхъ вопросовъ, главнымъ образомъ, при участіи профессоровъ и наставниковъ Академіи. Программа изданія: 1) Передѣлы статьи. 2) Статьи и сообщенія церковно-общественнаго характера. Въ этомъ отдѣлѣ редакція даетъ широкое мѣсто и голосу своихъ подписчиковъ и читателей. 3) Въ отдѣлѣ „Мнѣнія и отзывы“ подвергаются оцѣнкѣ наиболѣе заслуживающія вниманія сужденія свѣтской и духов. печати по вопросамъ, составляющимъ злобу дня. 4) Систематическій обзоръ духовной періодической печати. 5) Духовная и церковная школа. 6) По желанію подписчиковъ, „Церк. В.“ даетъ мѣсто ихъ вопросамъ изъ области церковно-приходск. практики. 7) Корреспонденціи изъ епархій и изъ-за границы. 8) Библиографическія замѣтки. 9) Постановленія и распоряженія правительства, 10) Лѣтопись церковной и общественной жизни въ Россіи. 11) Лѣтопись церковной и общественной жизни за границей. 12) Библиографическій листокъ. 13) Объявленія. Для ознакомленія съ журналомъ желающимъ высылаются отдѣльные №№ „Ц. В.“ бесплатно. Условія подписки на 1915 г. въ Россіи на годъ 5 р., на $\frac{1}{2}$ года 3 р., на годъ съ ежемѣсячнымъ журналомъ „Христіанское Чтеніе“ 8 р. За границу: на годъ—7 р., съ ежемѣсячнымъ журналомъ „Христіанское Чтеніе“—10 р. Подписка принимается въ Конторѣ редакціи: Петроградъ, Херсонская ул., д. № 8, кв. 8. За редактора доцентъ Императорск. Петроградской Дух. Академіи *Н. Малаховъ*.

Подписка на 1915 г. на „**ГОЛОСЪ РУССКАГО**“. Подписная цѣна съ доставкой и пересылкою: на годъ—7 р., 9 мѣс.—5 р. 50 к., полгода 4 р., 3 мѣс.—2 р. 50 к., 1 мѣс.—1 р. Газета „Голосъ Русскаго“ рекомендована для выписки въ войсковыя части, начиная съ 1906 г., постепенно по всѣмъ Военнымъ Округамъ. Въ 1908 г. Главное Управленіе Неокладныхъ Сборовъ и Казенной Продажи Питій обратило на „Голосъ Русскаго“ вниманіе Губернскихъ и Особыхъ Комитет. Попечительства о Народной Трезвости. Въ 1911, 1912 и 1913 гг. Управленіе Желѣзныхъ Дорогъ газета „Голосъ Русскаго“ рекомендована къ выпискѣ мѣстными Управленіями желѣзныхъ дорогъ. Годовые подписчики, выславшіе свою подписку непосредственно въ Контору Редакціи не позднѣе 1 января 1915 г., получаютъ безплатно при 1 № книгу „Взятіе Акъ-Мечети въ 1853 г.“ съ портретами, видами, планами, стоимостью въ отдѣльной продажѣ 2 р. 50 к. (Рекомендована Главнымъ Штабомъ и Главнымъ Управленіемъ Военно-Учебныхъ Заведеній). Адресъ Редакціи: Москва, Ворониковскій пер., 12. Редакторъ-издатель *Владиміръ Балашевъ*.

Подписка на журналъ „**ТРУДЫ ИМПЕРАТОРСКОЙ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ**“ на 1915 г. (56-й годъ изданія). Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно книгами въ 10—15 листовъ: въ немъ будутъ помѣщаться слова и рѣчи, изслѣдованія и трактаты по наукамъ, преподаваемымъ въ Академіи, статьи по современнымъ церковно-обществен. вопросамъ, историческіе матеріалы, сообщенія изъ академическ. жизни, критическіе отзывы и библиограф. замѣтки о нов. книгахъ. Въ приложеніяхъ къ журналу будутъ печататься: переводъ твореній Тертуліана, составляющій продолженіе издаваемой Кіев. Академіей „Библіотеки твореній св. отцевъ и учителей церкви западныхъ“, переводъ Арнобія, извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Академіи и отчеты существующихъ при Академіи обществъ. Цѣна годового изданія съ пересылк. 7 руб., за границу 8 руб.

Подписка на 1915 г. (II г. изданія) на ежемѣсяч. миссіонер., церковно-обществен. журналъ „**ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ БЛАГОВѢСТНИКЪ**“. Журналъ „Екатеринославскій Благовѣстникъ“ первую свою задачею ставитъ защиту православія, вѣроученія и борьбу съ лжеученіями сектантовъ; ре-

дакция считает своимъ долгомъ твердо и непоколебимо стоять на стражѣ Христовой истины и высокихъ религіозно-нравствен. началъ христіан. жизни. Большое вниманіе журналъ будетъ уделѣть вопросамъ церковно-приход. жизни, а также пастырско-просвѣтител. и миссіонерск. жизни въ епархіи. Программа журнала: I. Статьи по вопросамъ: богословск., церковно-историческ. и нравственно-практическимъ; проповѣди; статьи противъ неврѣя, безбожія, нравствен. распушенности; статьи и бесѣды по вопросамъ сектантства и раскола старообрядчества; обличеніе сектантовъ на основаніи ихъ литературы. II. Текущая литература и жизнь. III. Хроника миссіонерской жизни въ епархіи. IV. Извѣстія и замѣтки. V. Библиографія и VI. Объявленія. Годовая цѣна журнала 4 руб., на 1/2 года 2 руб. 25 коп. съ доставк. и пересылк. Годовыхъ подписчикамъ будетъ дано безплатное приложеніе: „Примѣчанія къ Апостолу и Апокалипсису въ обличеніе шундистовъ и подобныхъ имъ сектантовъ“ С. В. Кохомскаго. Адресъ редакціи: „Екатеринославъ, Лагерная, № 19“. Редакторъ-издатель Екатеринославскій Епарх. Миссіонеръ А. Афанасьевъ.

Иллюстрированный духовный журналъ „ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ“ и иллюстрированная газета „СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ“. 29-й годъ изданія. Допущенъ въ бібліотеки духовно-учебн. заведеній. Адресъ: Москва, Мясницкая улица, домъ Николаевской церкви. Въ 1915 г. будетъ дано: 50 №№ журнала иллюстрир.; — по программѣ: 1) Церковь Христова въ ея прошломъ. 2) Церковь Христова въ ея настоящемъ. 3) Христіанское богослуженіе. 4) Христіанское искусство. 5) Церковная географія. 6) Евангельская проповѣдь. 7) Христіанская мысль. 8) Религіозно-нравств. оцѣнка произведеній свѣтск. литературы. 9) Церковно-бытовая жизнь. 50 №№ газеты „Современная Лѣтопись“ по программѣ: 1) Статьи по церк.-обществ. вопросамъ. 2) Церк.-обществен. жизнь въ Россіи. 3) Распоряженія епархіальн. начальствъ. 4) Среди газетъ и журнал. 5) Церковно-обществен. жизнь за границей. 6) Корреспонденціи. 7) Полезныя свѣдѣнія. 8) Разныя извѣстія. 9) Смять. 50 №№ Воскресныхъ Листковъ: рассказы изъ житій святыхъ съ нравственнымъ приложеніемъ для простаго народа. 12 книгъ поученій „Жизнь во Христѣ“ на воскресные и праздничные дни. Иллюстрированные стѣнные листы по религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Кроме этого, въ 1915 г. будетъ дано подписчикамъ: 6 выпуск. народн. журнала „Святая Русь“. Подписная цѣна на „Воскресный День“ со всеми приложеніями съ пересылк. и доставк. на годъ 4 р., на полгода 2 р. 50 к. Редакторъ-издатель протоіерей С. Саваровъ.

МОСКОВСКІЯ ВѢДОМОСТИ. Условія подписки на 1915 годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи на: 12 м.—13 р., 11 м.—9 р. 50 к., 10 м.—9 р., 9 м.—8 р. 50 к., 8 м.—7 р. 50 к., 7 м.—6 р. 50 к., 6 м.—5 р. 50 к., 5 м.—5 р., 4 м.—4 р., 3 м.—3 р., 2 м.—2 р., 1 м.—1 р. За границу на 12 м.—20 р., 11 м.—19 р., 10 м.—17 р. 50 к., 9 м.—16 р., 8 м.—14 р. 50 к., 7 м.—13 р., 6 м.—11 р. 50 к., 5 м.—10 р., 4 м.—8 р., 3 м.—6 р., 2 м.—4 р., 1 м.—2 р. Подписка считается съ 1-го числа каждаго мѣсяца. Газета выходитъ ежедневно, кроме дней послѣ воскресеній и двенадцатыхъ праздниковъ. Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа: для служащихъ по третямъ, чрезъ ихъ заначеевъ, для частныхъ лицъ: 5 руб. при подпискѣ, 3 руб. къ 1 мая и 2 руб. къ 1 сентября. Не внесенны въ срокъ денегъ высылка газеты прекращается. О желаніи разсрочки платежа должно быть заявлено при высылкѣ перваго взноса. При высылкѣ денегъ почтовыми переводами должно указать на самомъ переводѣ (а не отдѣльнымъ письмомъ), на что присланы деньги. Народныя школы, недостаточные крестьяне, православное духовенство девяти западныхъ, Привислинскихъ, Балтійскихъ и Финляндскихъ губерній и сельское духовенство остальной Россіи платятъ за годъ 8 руб., за полгода 4 руб. 50 к. За перемѣну адреса взымается каждый разъ 40 коп. Подписка принимается: въ конторѣ Редакціи (Москва, Тверская, Пшениновскій пер., д. Молчанова, кв. 23), въ Петроградѣ—въ конторѣ Торговаго Дома Л. и Э. Метцль и К^о,

Морская, 11, во всѣхъ книжныхъ магазинахъ; въ Парижѣ—Agence Navasse, Place de la Bourse. Розничная продажа №№ „Московскихъ Вѣдомостей“ въ Петроградѣ производится: на вокзалахъ Николаевской, Варшавской и Царскосельской жел. дорогъ. Стоимость отдѣльныхъ №№ „Моск. Вѣд.“ 5 к. Редакторъ-издатель *Б. В. Назаревскій*.

Подписка на 1915 г. на еженедѣльный, иллюстрирован. военно-народный, религіозно-нравствен. и патриотическій журналъ „**ВОИНЪ и ПАХАРЬ**“, рекомендованный многими правительственными учреждениями. Выходить по воскресеньямъ: Программа журнала: 1. Мѣсяцесловъ. 2. Житіе святыхъ. 3. Постановленія и распоряженія правительства. 4. Армія и флотъ. 5. Военно-народная литература. 6. Біографія русскихъ героевъ и выдающихся дѣятелей. 7. Сельскохозяйственныя свѣдѣнія. 8. Народное здравіе и врачеваніе. 9. Скотоводство и скотоврачеваніе. 10. Краткое сообщеніе о засѣданіяхъ Государственнаго Совѣта и Государственной Думы. 11. Хроника. 12. Разныя извѣстія. 13. Выдающіяся иностранныя извѣстія. 14. Разнообразныя полезныя свѣдѣнія. Въ періодъ же военнаго времени преимущественное вниманіе будетъ обращено на отдѣлъ военныхъ событий. Бесплатныя приложенія въ 1915 году: 1) 6 книгъ: „Великая Европейская война“. 2) 6 книгъ: произведенія выдающихся русскихъ писателей. Подписная цѣна на годъ 4 руб., на 10 мѣс. — 3 р. 33¹/₃ к., на 7 мѣс. — 2 р. 33¹/₃ коп., на 6 мѣс. — руб., на 4 мѣс. — 1 р. 33¹/₃ коп., на 3 мѣс. — 1 руб., на 2 мѣс. — 67 коп. и на 1 мѣс. — 33¹/₃ коп. съ доставк. и пересылк. Редакторъ-издатель *И. И. Сивостянкъ*. Адресъ редакціи: Москва, Пречистенская набережная, д. № 213. Телеф. 2-38-29.

Подписка на 1915 г. (XCV годъ изданія) на ежемѣсячный журналъ „**ХРИСТИАНСКОЕ ЧТЕНИЕ**“, издаваемый при Императорской Петроградской Духовной Академіи. „Христіанское чтеніе“, старѣйшій изъ всѣхъ русскихъ духовн. журналовъ, будетъ выходить въ 1915 г. по программѣ: 1) Творенія св. Отцевъ Церкви и памятники древне-христіанск. письменности въ русск. переводѣ по новѣйшемъ науч. изданіямъ ихъ текста. 2) Статьи богословск., философск. и церковно-историческ. содержанія, принадлежащія преимущественно профессорамъ Академіи. 3) Критическіе отзывы и бібліограф. замѣтки и сообщенія о новыхъ произведеніяхъ богословско-философск. и историческ. литературы, русской и иностранной. 4) Годичный отчетъ о состояніи Имп. Петроград. Дух. Академіи и журналы собраній ея Совѣта. 5) Лекціи ꙗ проф. В. В. Болотова по древней церковной исторіи; въ 1915 г. будетъ продолжено печатаніе „Исторіи догматическихъ споровъ въ эпоху вселенскихъ соборовъ“. Условія подписки на 1915 г. Въ Россіи на годъ 5 р., за границу — 7 р. На годъ съ еженедѣльн. журналомъ „Церковный Вѣстникъ“ въ Россіи 8 р., за гран. 10 р. Подписка принимается въ Конторѣ редакціи: Петроградъ, Херсонская ул., д. № 8, кв. 8. Редакторъ-профессоръ Император. Петроград. Дух. Академіи *Н. Сагарда*.

Подписка на 1915 г. на народно-миссіонерскій ежемѣсяч. журналъ „**РЕВНИТЕЛЬ**“. Программа: Миссіонерскія бесѣды, проповѣди, лекціи, извѣстія. Полемика съ сектанта. журналами и изданіями. Отзывы о миссіонерск. книгахъ. Разрѣшен. недоумѣн. вопросовъ. Очерки рассказы, стихотворенія религіозн. содержанія, ноты дух. пѣсенъ. Подписка: на годъ — 1 р. 20 к., на полгода — 60 к., на 3 мѣс. — 30 к. За 1 р. 80 к. 12 №№ журнала и приложеніе: „Проповѣдникъ“ (3 раза въ годъ: мартъ, сентябрь и декабрь). Адресъ: г. Воронежъ, Редакція журн. „Ревнитель“. Редакторъ-Издатель Воронеж. Епарх. Миссіонеръ-Проповѣдникъ *Л. Кунцевичъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915-й ГОДЪ

НА ЖУРНАЛЪ

„ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“.

Съ м. января 1915 года „ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ“, вступивъ въ 56-й годъ своего изданія, благодіною волею Высокопреосвященнаго Митрополита Московскаго *Макарія*, выходитъ подъ **НОВОЮ РЕДАКЦІЕЮ**, при *Московскомъ въ Кремль Камеральномъ Чудовомъ монастырѣ*.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

1) Труды по изученію Св. Писанія, твореній св. отцевъ и Православнаго Богослуженія. 2) Статьи вѣроучительнаго и нравоучительнаго содержанія и на современныя явленія въ общественной и частной жизни. 3) „Публичныя богословскія чтенія“. 4) Слова, поученія и внѣбогослужебныя бесѣды, особенно на основаніи святоотеческихъ твореній и знаменитыхъ пастырей Церкви. 5) Церковно-историческіе разсказы. 6) Воспоминанія о лицахъ, замѣчательныхъ по заслугамъ для Церкви и по духовно-нравственной жизни. 7) Письма и разныя изслѣдованія преосвященнаго *Феофана Затворника*, іеросхимонаха о. *Амвросія Оптинскаго* и другихъ. 8) Общепонятное и духовно-поучительное изложеніе свѣдѣній изъ наукъ естественныхъ. 9) Описаніе путешествій къ св. мѣстамъ. 10) Данныя о русскомъ расколѣ. 11) Свѣдѣнія о западныхъ исповѣданіяхъ: римско-католическомъ, англиканскомъ, лютеранскомъ, реформатскомъ и о *русскихъ сектахъ*, съ разборомъ ихъ ученій и обрядовъ. 12) Литературное обозрѣніе. 13) Современная печать. 14) Критика. 15) Стихотворенія. 16) Повѣсти и разсказы.

Опредѣленіемъ **Училищнаго Совѣта при Святѣйшемъ Синодѣ**, отъ 16—19 іюня 1898 г. за № 477, постановлено: издаваемый въ Москвѣ журналъ *Душеполезное Чтеніе*—*одобрить* для библіотекъ церковно-школъ.

Журналъ выходитъ двухмѣсячными книжками. Годовая цѣна журнала **484 рубля**, за $\frac{1}{2}$ года—1 руб., съ доставкой и пересылкой. За глянцу 4 рубля.

Адресъ: **МОСКВА**. Кремль. Чудовъ монастырь. Въ контору журнала: „**ДУШЕПОЛЕЗНОЕ ЧТЕНІЕ**“.

Можно подписываться и въ конторѣ Печковской (Москва, Петроградскія линіи) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Литературный матеріалъ для „Душеполезнаго Чтенія“ надо направлять и за справками обращаться по адресу: „*Петроградъ, Калашниковская набережная д. 32, кв. 46. Тел. 146-71. Ивану Георгіевичу Айвазову*“.

Редакторы: Намѣстникъ Чудова Монастыря Преосвященный Епископъ *Серпуховскій Арсеній* и и. д. доцента Петроградской Дух. Академіи Петроградскій епарх. миссіонеръ **Иванъ Айвазовъ**.

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Всеподаниѣйшій привѣтъ Митрополита Московскаго Макарія	1— 2
II. „Господи, умножь нашу вѣру!“— Владиміръ, Митрополитъ Петроградскій	3— 8
III. Бесѣды о христіанской жизни и воспитаніи.— Макарій, Митрополитъ Московскій	9— 15
IV. Въ объятіяхъ отчихъ. (Изъ дневника инока). А. І.	16— 21
V. Духовная бесѣда.— Арсеній, Епископъ Серпуховскій	22— 32
VI. Слава Животворящему Кресту.— Иноки Геосиманскаго скита	33— 35
VII. Ангелы.— Архимандритъ Серафимъ (Звѣздинскій) .	36— 44
VIII. Бесѣда о причащеніи.— Іерей	45— 53
IX. Слова старика отъ опыта прожитой имъ жизни. Алексій, игуменъ Донскаго монастыря	54— 58
X. Раскаяніе. А. Дьяконова	59— 61
XI. Письмо матери къ своему сыну, послушнику Зосимовой пустыни.—**	62— 64
XII. Богомольцы.— И. Никоновъ	65— 66
XIII. „Прощеное Воскресеніе“.— И. Дементьевъ	67— 76
XIV. Мірянинъ и монахъ.— Свящ. Н. Орловъ	77— 80
XV. На архіерейской дачѣ въ Черкизовѣ.—**	81— 82
XVI. Московскій Митрополитъ Макарій въ Геосиманскомъ Скиту.— Богомолецъ	83— 88
XVII. Всенощная въ лазаретѣ.— Мірянинъ	89— 94
XVIII. На освященіе соборнаго храма въ Мароо-Маринской обители Милосердія 1911 г. 8 апр.—**	95— 96
XIX. Въ обличеніе сектантовъ. Миссіонеръ .	97—105
XX. Объявленія	106—112

Годовая цѣна журнала 2 руб., за ¹/₂ года 1 руб. съ до-
 ставк. и перес.—Подп. деньги адресовать: „Москва. Кремль.
 Чудовъ Монастырь. Въ контору: „Душеполезн. Чтенія“

Редакторы: Намѣстникъ Чудова Монастыря Преосвященный
Епископъ Серпуховскій Арсеній и и. д. доцента Пе-
 троградской Духовной Академіи Петроградскій
 Епарх. миссіонеръ **Иванъ Айвазовъ**.

ПОСЛАВШИ
ДУХА ТВОЕ-
ГО, И СОЗН-
ЖДЕТСА, И
ОБНОВИ-
ШИ ЛИЦЕ
ЗЕМЛИ. ПС
РГ ЛІХІХІХ
ІХІХІХІХІХ
ІХІХІХІХІХ

НѢШ ХЛѢБЪ
ЕДИНОВА
ЖИВЪ БУ-
ДЕТЪ ЧЕЛО-
ВѢКЪ, НОШ
ВСАКОМЪ
ГЛАГОЛЪ,
ИСХОДИЩЕМЪ
ИЗЪ ОУСТА
ОЖИХЪ МЛС

ДУШЕПОЛЕЗНОЕ

ЧТЕНІЕ

годъ пятьдесятъ шестой.

1915.

Мартъ — Апрель.

ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

Душеполезное Чтеніе

въ 1915 году

продолжается

въ прежнемъ направленіи.

Изданіе Чудова Монастыря.

ПЕЧАТНІЯ А.И. СНЕГИРЕВОЙ МОСКВА.

1915.

Христосъ Воскресе!

Христось Воскресе.

*Сей день, его-же сотвори Господь,
возрадуемся и возвеселимся въ онь!*

Каждый день настоящей Свѣтлой седмицы св. церковь приглашаетъ вѣрующихъ къ радости и веселію. Конечно не къ грубо-чувственному веселію приглашаетъ она, но къ духовному, божественному: *веселимся божественнѣ, яко воскресе Христось*, говоритъ она въ священныхъ пѣснопѣніяхъ своихъ.

Эта радость и веселіе столь чисты и священиы, что церковь, какъ руководительница вѣрующихъ, не дозволяетъ примѣшивать къ нимъ иного какого либо веселія нечистаго, грѣховнаго. Соборными правилами своими она воспрещаетъ всякаго рода грѣховныя зрѣлища, конскія ристалища, смѣхотворныя представленія и т. п.

Впрочемъ, не одни церковныя правила, но и царскіе законы воспрещаютъ это въ теченіи всей свѣтлой седмицы.

Доселѣ у обитателей нашего отечества было одно веселіе—въ храмѣ Божіемъ, и у всѣхъ и утромъ и вечеромъ была какъ-бы одна дорога—къ храму Божію.

Но, вотъ, съ настоящаго дня открываются пути къ мѣстамъ зрѣлищъ и общественныхъ увеселеній. Какъ это произошло, не намъ судить объ этомъ, не въ этомъ святилищѣ и не въ эти священные минуты. Думаемъ только, что разрѣшеніемъ на открытіе зрѣлищъ въ эти святыя дни, при существованіи воспретительныхъ правилъ и законовъ, сдѣлана невольная уступка напору толпы, недовольствующейся обиліемъ хлѣба, разнообразіемъ яствъ и невинныхъ удовольствій, разрѣшаемыхъ церковію, но требующей и соблазнительныхъ зрѣлищъ.

Впрочемъ, получившіе разрѣшеніе въ эти святыя дни Пасхи на открытіе театровъ и общественныхъ увеселеній не желали бы пользоваться дарованнымъ разрѣшеніемъ, какъ уступкой ихъ настоянію, но хотѣли бы имѣть это, какъ законное право. Это потому, что они не смотрятъ на театръ, какъ на мѣсто для празднаго препровожденія времени, но какъ на законное нравственно-воспитательное учрежденіе.

При этомъ нѣкоторые указываютъ, какъ на заслугу, въ театральныхъ представленіяхъ то, что въ нихъ, между прочимъ, наглядно порицаются пороки и восхваляются добродѣтели, а это, якобы, располагаетъ зрителей презирать первые и любить послѣднія. Такъ-ли это? Посмотримъ.

Допустимъ, что въ театрѣ порицается порокъ и восхваляется добродѣтель. Но много-ли даетъ театръ такихъ поучительныхъ представленій? Рядомъ съ ними не показываются-ли такія лицедѣйства, на которыя нельзя смотрѣть, не краснѣя, и на зрѣніе которыхъ добрые родители не отпускаютъ своихъ дѣтей, оберегая ихъ нравственную чистоту. Если даже допустимъ,

что такихъ представленій дается немного, что они общественнымъ мнѣніемъ не одобряются, какъ не нормальныя; тѣмъ не менѣе таковыя представленія существуютъ неизмѣнно. При такомъ положеніи театральнаго дѣла не исполняется ли то, что выражено народнымъ изреченіемъ о медѣ и дегтѣ, т. е. что то добро, которому хотятъ научить посѣтителей театра, если бы даже и много его было, ослабляется или совсѣмъ уничтожается тѣмъ зломъ, какое показывается на соблазнъ зрителямъ, хотя бы то и въ малыхъ размѣрахъ, подобно тому, какъ одна ложка дегтя можетъ испортить большое количество меда. Но предположимъ, хотя и невозможное, что изъ театра будутъ удалены всѣ представленія, могущія служить соблазномъ для зрителей и дѣйствовать развращающимъ образомъ на молодое поколѣніе и вообще на людей, не утвердившихся въ нравственныхъ правилахъ. Допустимъ, при томъ, что театръ приметъ характеръ строго нравственный и поучительный. Что выйдетъ изъ этого? Прежде всего то, что театръ, потерявши свою заманчивость, чрезъ устраненіе представленій, питающихъ чувственность, лишится многихъ, если не большинства посѣтителей, а это неизбѣжно заставитъ распорядителей зрѣлищъ прибѣгать опять къ тѣмъ-же грѣховнымъ приманкамъ, которыя были прежде устранены, какъ нежелательныя. Если-же и при отсутствіи грубочувственныхъ, соблазнительныхъ представленій театръ будетъ наполняемъ неизмѣнными своими посѣтителями, то и тогда для проповѣдниковъ вѣры и нравственности христіанской онъ не будетъ желательнымъ, какъ учрежденіе, только терпимое церковію для нѣкоторыхъ, но воспрещаемое для другихъ. Театраль-

ныя представленія для нѣкоторыхъ становятся тѣмъ-же, чѣмъ служатъ для другихъ страстныя игры. Страстный игрокъ не бываетъ добрымъ домосѣдомъ, семьяниномъ; тѣмъ рѣже онъ бываетъ въ храмѣ Божіемъ. Таковымъ-же можетъ быть и страстный театралъ. Духъ и внѣшняя обстановка храма и театра настолько противоположны, что привыкающій къ театру отвыкаетъ отъ церкви; подвигъ церковнаго стоянія для него кажется отяготительнымъ, умилительныя напѣвы церковныхъ пѣснопѣній для слуха, пріученнаго только къ изысканной музыкѣ театровъ, представляются скучными: богослуженіе—однообразнымъ, оиміамъ кадильный для обонянія непріятенъ. Если постоянный посѣтитель театра чуждается храма Божія, то и постоянный посѣтитель храма также не нуждается въ театрѣ, какъ мѣстѣ для пріятнаго проведенія времени, потому что храмъ вполне удовлетворяетъ его высшимъ стремленіямъ духа. А таковыя стремленія для него гораздо цѣннѣе вождельній чувственности,

Въ наше время находятся и такіе защитники театровъ, которые желали-бы, чтобы и среди сельскаго населенія учреждены были такъ называемые народные театры. Въ защиту своего мнѣнія они выставляютъ, между прочимъ, то, что простой народъ, не зная, чѣмъ наполнить свободное отъ работъ праздничное время, предается въ это время дикому разгулу и пьянству. А когда-де будутъ открыты для сельскихъ жителей особые театры, то эти послѣдніе отвлекутъ народъ отъ питейныхъ домовъ и отучатъ отъ разгула. Что сказать на это? Тоже, что сказано и о винѣ: невинно вино, укоризненно пьянство. Не

вреденъ или почти безвреденъ благоустроенный театръ, но вредно и разорительно пристрастіе къ театральнымъ зрѣлищамъ. Однообразіе назидательныхъ представленій скоро наскучить и вызоветъ потребность разнообразить зрѣлища представленіями, возбуждающими чувственность и вообще сильно дѣйствующими на воображеніе. Удовлетвореніе этому неизбѣжно приведетъ народный театръ къ тѣмъ нежелательнымъ и гибельнымъ послѣдствіямъ, къ какимъ приводятъ и городскіе театры. Театръ будетъ посѣщаемъ только тогда, когда въ немъ будетъ даваемо представленіе, возбуждающее чувственность. Таковыми театрами не трудно будетъ угодить толпѣ народной. Но послѣдствія этого будутъ весьма печальныя. Теперь добрый селянинъ въ праздничный день идетъ въ храмъ Божій, неся съ собой даръ Богу отъ праведныхъ трудовъ; винопійца же направляется къ питейному дому, унося туда также трудовую копѣйку. А при совмѣстномъ существованіи въ селеніяхъ театровъ и питейныхъ домовъ, всѣ избытки селянъ пойдутъ въ эти послѣднія учрежденія безъ остатка или съ малымъ остаткомъ для храма Божія и школы. Винопійца, быть можетъ, побываетъ въ театрѣ, но зайдетъ всетаки и въ корчемницу; или, побывавши сперва въ питейномъ домѣ, поидетъ оттуда въ театръ, а храмъ Божій будетъ для него еще дальше, чѣмъ прежде, до существованія театра. Такимъ образомъ, театры и питейные дома будутъ наполняться посѣтителеми, но опустѣютъ храмы Божіи. Внѣбogosлужебныя чтенія и бесѣды, которыя въ послѣднее время стали повсюду вводиться и привлекать къ себѣ народъ, при существованіи театральныхъ приманокъ.

потеряють для народа свою привлекательность и могут закрыться, особенно тамъ, гдѣ онѣ не успѣли еще укорениться. При томъ нужно бояться, чтобы приучая народъ къ разнаго рода удовольствіямъ и, между прочимъ, къ зрѣлищамъ, не довести-бы его до того состоянія нравственнаго упадка, въ какой приведена была римская чернь, требовавшая себѣ „хлѣба и зрѣлищъ“. А нашъ народъ не потребовалъ-бы еще худшаго: „вина и зрѣлищъ“.

Нѣкоторые защитники театра такъ высоко цѣнятъ его, что не затрудняются назвать театръ пособникомъ церкви. Посмотримъ, такъ-ли это. Въ чемъ театръ можетъ пособить церкви? Задача церкви — научить вѣрныхъ благочестію въ вѣрѣ и жизни. Научаетъ-ли театръ благочестію? Напротивъ, не испаряется-ли у постоянныхъ посѣтителей театра всякій духъ благочестія?! Задача церкви—привести вѣрныхъ къ нравственному совершенству, доколѣ достигнутъ они въ мѣру возраста Христова (Еф. 4, ₁₃). Можетъ-ли театръ пособить въ этомъ церкви? Нѣтъ. Потому, прежде всего, что театръ, въ лучшемъ своемъ смыслѣ, нагляднымъ изображеніемъ красоты добродѣтели и безобразія порока можетъ только возбудить въ зрителяхъ отвращеніе отъ порочныхъ людей и любовь къ тѣмъ героямъ добродѣтели, которые изображаются въ представленіи. Можетъ даже расположить къ великодушному пожертвованію, только не въ пользу добродѣтельныхъ и безпомощно бѣдныхъ людей, а для доставленія удовольствій тѣмъ же лицедѣямъ, которые олицетворяли въ себѣ добродѣтель или порокъ. Театръ можетъ научить осуждать и презирать тѣхъ лицъ и тѣхъ сословія, которымъ болѣе свойственъ тотъ или

другой порокъ, но едва-ли научить зрителя видѣть свой собственный порокъ, себя осудить. Тѣмъ болѣе не научить его ненавидѣть порокъ и жалѣть порочныхъ людей, жалѣть, но не презирать сихъ послѣднихъ, какъ того требуетъ христіанская любовь. А еще болѣе театръ безсиленъ сдѣлать порочныхъ добродѣтельными, а добродѣтельныхъ вести къ высшему совершенству. Для этого нужна челоѣку особенная помощь Божія. А таковая подается только въ церкви, чрезъ святыя таинства. Церковь родила и воспитала множество подвижниковъ, исповѣдниковъ и мучениковъ; она исправила многихъ грѣшниковъ. А театръ—кого онъ научилъ благочестію?! Не онъ-ли порождаетъ пресыщенность удовольствіями, недовольство жизнію, презрѣніе къ людямъ и въ заключеніе, онъ же часто приводитъ и къ самоубійству. Врата церкви приводятъ къ вратамъ рая; а двери театра—туда-ли приводятъ? Не отводятъ-ли они отъ дверей церкви? Постоянные посѣтители театровъ не въ большинствѣ-ли случаевъ бываютъ постоянно отсутствующими въ храмѣ?! Не для нихъ-ли церковь становится чуждою, какъ бы неласковою мачихою, а не родною матерью. Но не потому, чтобы церковь чуждалась ихъ, а потому, что они чуждаются церкви. А кому церковь не мать, тому и Богъ не отецъ.

Итакъ, будемъ пребывать въ церкви, будемъ въ ней искать удовлетворенія высшимъ стремленіямъ духа, стремленіямъ къ истинѣ, красотѣ и добру. Удовлетвореніе только этимъ потребностямъ дѣлаетъ челоѣка истинно счастливымъ, а не поблажка до пресыщенія чувственности и не удовлетвореніе похотямъ очесъ, съ забвеніемъ о потребностяхъ духа. Да бу-

детъ и въ настоящіе дни, какъ и всегда, нашей руководительницей къ добру и счастію святая церковь съ ея высокими священнодѣйствіями, а не дома лицедѣйныхъ и увеселительныхъ зрѣлищъ.

Имѣющимъ право и обязанность охранять народную нравственность не нужно-ли имѣть опасеніе, чтобы не дать ввѣреннымъ ихъ попеченію вмѣсто хлѣба камень, вмѣсто яйца—скорпіона.

Будемъ, христоименитые люди, въ сіи свѣтлые дни Воскресенія Христова праздновать пасху не съ за-кваскою порока и лукавства, но съ опрѣснками чистоты и истины; да радуется душа наша не о чемъ другомъ, но только о Господѣ, какъ научаетъ насъ тому св. церковь: веселимся божественнѣ, *яко воскресъ Христосъ, яко всесиленъ.*

Макарій, Митрополитъ Московскій.

Пастырскія бесѣды съ дѣтьми.

I.

Предъ причащеніемъ Св. Таинъ.

Милыя дѣти! Итакъ, наступилъ тотъ счастливый часъ, къ которому вы такъ старательно приготовлялись и которому такъ сердечно радовались,—тотъ часъ, въ который Иисусъ, вашъ любвеобильный Спаситель, хочетъ войти въ ваше сердце и исполнить его миромъ и благословеніемъ. И вы, безъ сомнѣнія, нынѣ утромъ уже сказали вмѣстѣ съ Давидомъ: *„возвеселихся о рекшихъ мнѣ: въ домъ Господень пойдѣмъ“* (Псал. 12, 1); *сей день, его же сотвори Господь,—возрадуемся и возвеселимся въ оныя“* (Псал. 117, 24). Да, вы имѣете всѣ причины радоваться сегодня, ибо Спаситель, Сынъ Божій, приходитъ сегодня къ вамъ, какъ Онъ нѣкогда приходилъ къ Закхею: Онъ приходитъ не въ домъ только вашъ, но въ ваше сердце. Господь. Который далъ вамъ жизнь, Который возлюбилъ и отечески заботился о васъ, съ первой минуты вашей жизни, Онъ хочетъ теперь войти въ ваше дѣтское сердце и устроить тамъ свое жилище. Онъ уже очистилъ васъ отъ скверны грѣха, въ таинствѣ покаянія, а теперь хочетъ преподать вамъ еще большую благодать, — Онъ хочетъ соединиться съ вами въ святѣйшемъ таинствѣ прича-

щенія и чрезъ то напитать и укрѣпить ваши души для вѣчной жизни. Какъ же должны вы принять Его? И что Онъ принесетъ вамъ? Думаю, что этому вы можете поучиться у Закхея, о которомъ вы знаете, вѣроятно, изъ библейской исторіи. Разсмотримъ это поближе. А Ты, о Господи, Всеблагій и Всемиловитый, даруй мнѣ такую благодать, чтобы мои слова пали на плодоносную и воспримчивую почву.

О Закхеѣ св. писаніе рассказываетъ, что *онъ имѣлъ великое желаніе видѣть Іисуса*. Онъ былъ начальникомъ мытарей и богатый человѣкъ, но все его богатство, какъ оно ни было велико, не могло утолить жажды его сердца. Онъ не имѣлъ душевнаго мира, его мучило сознаніе грѣховъ своихъ. Вотъ слышитъ онъ, что близко Іисусъ, и употребляетъ все усилія, чтобы увидать Его, надѣясь, что Онъ успокоитъ его сердце и дастъ миръ душѣ его. Эта жажда, это желаніе видѣть Іисуса должны сегодня наполнять и ваши сердца. Ибо Онъ хочетъ не только пройти близъ васъ, но войти въ самое ваше сердце, чтобы устроить въ немъ для себя постоянное жилище. Правда, мы не можемъ уже видѣть Его, какъ Закхей, тѣлесными глазами, ибо Онъ уже вошелъ въ свою славу; но мы созерцаемъ присутствіе Его очами вѣры подъ образомъ хлѣба и вина, вмѣстѣ съ Его божествомъ и человечествомъ, съ тѣломъ и душою. Подъ видомъ хлѣба и вина хочетъ Онъ сегодня притти къ вамъ. О, какъ велико должно быть сейчасъ ваше желаніе видѣть и принять въ свое сердце Того, Который нѣкогда изъ безконечной любви своей пришелъ взыскать грѣшниковъ и сдѣлать ихъ блаженными, Который пролилъ на крестѣ кровь Свою за грѣхи міра и въ святѣйшемъ

таинствѣ причащенія поставилъ незыблемый и вѣчный памятникъ Своей любви, Который хочетъ и васъ сдѣлать счастливыми, и вамъ преподавать Свой миръ и Свое спасеніе! При видѣ того великаго счастья, которое предстоить вамъ, вы имѣете всѣ причины присоединиться къ голосу Давида и сказать: *Имъ же образомъ елень жселаеъ на источники водные, аще и душа моя жселаеъ къ тебѣ, Боже!*—(Псал. 41, 2). Какъ велико ваше желаніе, также велико должно быть и ваше смиреніе. Вы должны въ чувствѣ самоуниженія признавать себя недостойными той великой милости, которую Господь хочетъ оказать вамъ. Вы должны помнить о своихъ грѣхахъ и о святости Того, Который хочетъ войти въ ваше грѣховное сердце; вы должны вмѣстѣ съ сотникомъ евангельскимъ сказать: *Господи, я недостойнъ, чтобы Ты вошелъ подъ кровъ мой*, ибо я грѣшное дитя! И въ самомъ дѣлѣ, милыя дѣти, не оскорбляли ли вы иногда Господа и не загрязняли ли чистой одежды невинности, которая дана вамъ въ таинствѣ крещенія? Вы оскорбляли Его непослушаніемъ своимъ родителямъ и учителямъ, ложью и обманомъ, ненавистью и завистью, недоброжелательствомъ и грубымъ обращеніемъ съ вашими товарищами, съ вашими братьями и сестрами, и другими грѣхами. А если вы это дѣлали, то вы имѣете всѣ причины въ смиреніи исповѣдать, что вы недостойны принять въ свои сердца всесвятаго Господа. Правда, вы очистили свое сердце отъ грѣховъ въ таинствѣ покаянія; но если Господь даже въ своихъ ангелахъ находить (нѣчто стропотное) недостатки, то какимъ образомъ будетъ тогда ваше сердце настолько чистымъ, чтобы достойно принять столь высокаго гостя?—Но не

отчаивайтесь: Тотъ, Который идетъ къ вамъ, есть другъ грѣшниковъ и милосердный Богъ; Онъ очиститъ васъ отъ всѣхъ, даже отъ скрытыхъ, грѣховъ, если только вы со смиреннымъ и сокрушеннымъ сердцемъ исповѣдуете предъ Нимъ ваше недостойнство и ваши грѣхи и помолитесь: омый мя, Господи, отъ беззаконія моего и отъ грѣха моего очисти; сердце чисто созижди во мнѣ, Боже, и духъ правъ обнови во утробѣ моей (Псал. 50). И Закхей былъ грѣшникъ, и, однако, Господь вошелъ въ домъ его, потому что увидѣлъ его смиреніе и раскаяніе.

Когда Спаситель сказалъ: „Закхей, слѣзь, ибо мнѣ нужно быть въ твоёмъ домѣ“,—какъ принялъ Его тогда Закхей? Онъ принялъ Его съ радостію. Чтобы Господь, Котораго онъ хотѣлъ только видѣть, зашелъ въ домъ его, онъ этого не ожидалъ. Вотъ почему необычайная радость овладѣла имъ, его сердцемъ, когда онъ услышалъ слова Господа: днесь подобаетъ мнѣ быть въ твоёмъ домѣ. Милыя дѣти! Я не сомнѣваюсь что сегодня и ваше сердце исполнено святой радости, такъ какъ Иисусъ, Сынъ Божій, хочетъ войти въ него, не сомнѣваясь, что и вы примите Его съ радостію. И какъ не принять? На вашу долю выпадаетъ самое большое счастье, какого только можетъ достигать бѣдный человѣкъ, счастье, (внутренно) таинственно соединиться со Христомъ, Сыномъ Божиимъ. Если бы царь или какой нибудь высокопоставленный человѣкъ вошелъ въ домъ вашъ, то вы, конечно, приняли бы его съ великою радостію, но не болѣе ли того должны вы радоваться, когда царь царствующихъ и Господь господствующихъ удостоиваетъ васъ не только посѣщенія вашего дома, но и хочетъ устроить въ вашихъ

сердцахъ постоянное жилище? *Да, радуйтесь*, скажу я съ апостоломъ, и *наки реку: радуйтесь* (Фил. 4, 4)! Но ваша радость будетъ еще болѣе, если вы представите себѣ, какое благословеніе, какую великую милость приносить съ собою этотъ Гость, Котораго вы сегодня примете.

Когда Спаситель вошелъ въ домъ Закхея, *тогда принесъ Онъ ему отпущеніе его грѣховъ и усыновленіе Богу*. Почему сказалъ онъ: днесъ спасеніе дому сему бысть, зане и сей есть сынъ Араамовъ; ибо сынъ человѣческій пришелъ взыскать и спасти погибшихъ. Что же принесетъ Спаситель вамъ, дѣти? Онъ уже очистилъ васъ отъ грѣховъ, въ таинствѣ покаянія, но Онъ хочетъ еще болѣе очистить: Онъ хочетъ сообщить вамъ благодать свою, предохранить васъ отъ зла, дать вамъ силу въ борьбѣ съ искушеніемъ, помочь вамъ исполнять Его заповѣди и итти впередъ, по пути добродѣтели; Онъ хочетъ утѣшить васъ въ скорби, сообщить вамъ свой миръ и указать путь къ вѣчной жизни. О, вы уже изъ собственнаго опыта знаете, что сердце человѣка съ юности склонно къ злу, и охотнѣе дѣлаетъ злое, чѣмъ доброе. Вы знаете, что вы живете среди многихъ опасностей и искушеній, въ которыя очень легко можете впадать по своей слабости и безпечности, а потому нуждаетесь въ высшей помощи, чтобы преодолѣть всѣ опасности и препятствія на пути ко спасенію. Вотъ эту то помощь и хочетъ вамъ подать нынѣ любвеобильный Спаситель. Онъ хочетъ Самъ соединиться съ вами, чрезъ это даровать вамъ Свою силу такъ, чтобы вы въ состояніи были сохранять ваше сердце отъ соблазна и совершать добродѣтель. Вотъ почему Онъ говоритъ: Я лоза, вы

же вѣтки, кто пребываетъ во Мнѣ и Я въ немъ, тотъ многъ плодъ принесетъ, ибо безъ Мене не можете творити ничесоже (Іоан. 15, 5). Да, соединившись съ Нимъ, вы будете препобѣждать всѣ искушенія, и восходить отъ добродѣтели къ добродѣтели; ибо, говоритъ апостолъ, если Богъ съ нами, то кто противъ насъ? „Вся могу о укрѣпляющемъ меня“.

Теперь видите вы, милыя дѣти, съ какою жаждою, вѣрою, смиреніемъ и покаяніемъ должны вы встрѣтить Спасителя, Который сегодня хочетъ войти въ ваше сердце, съ какою радостію должны вы принять Его, и какой даръ Онъ хочетъ принести вамъ. О, такъ приготовьте же ваши сердца, чтобы такъ принять Его, и просите Его, чтобы Онъ даровалъ вамъ свою благодать, свой миръ и Свое спасеніе! О, такъ войди же въ эти души, Ты, вѣчный Пастырь и Спаситель нашъ, и останься тамъ, куда войдешь Ты! Ахъ, останься у нихъ, когда наступитъ онъ, часъ искушеній, и сотвори побѣду! Ахъ, пребудь съ ними, когда придутъ они,—тѣ дни креста и испытаній, и открой Себя въ Твоей славѣ! Ахъ, пребудь съ ними, не отступи отъ нихъ и тогда, когда настанетъ ночь смерти и пробьетъ послѣдній часъ, и дай имъ тогда блаженную кончину! Ахъ, приди, о Іисусе, приди. Сжался надъ всѣми, сжался надъ нами! Аминь.

II.

Послѣ причащенія Св. Таинъ.

Милыя дѣти! Когда Господь повелѣлъ Закхею: „Закхей, слѣзи: днесъ бо подобаетъ Мнѣ въ дому твоємъ быти“—тогда Закхей слѣвъ поспѣшно, съ великою ра-

достію принялъ Господа въ домъ свой и сказалъ: „теперь вотъ я половину имѣнія своего отдамъ нищимъ, и если кого чѣмъ обидѣлъ, возвращу, заплачу вчетверо“. Такимъ образомъ, Закхей не нашелъ лучшаго средства для выраженія своей благодарности за ту честь и милость, которую оказалъ ему Господь, какъ изъявить готовность загладить грѣхи свои соотвѣтствующими добродѣтелями. Что же теперь должны сдѣлать вы, дорогія дѣти, удостоившіяся большаго счастья и несравненно большей милости отъ Господа, чѣмъ Закхей? Послѣдній принялъ Господа только въ домъ свой, но вы, причастившись Тѣла и Крови Христовой, приняли Его не только въ домъ, но и въ свою душу, въ свое сердце, и Онъ теперь тѣснѣйшимъ образомъ, внутренно соединился съ вами. Чѣмъ же вы должны отплатить теперь Ему и выразить за это свою благодарность? О, если благодарность ваша должна быть равна благодѣянію, то вамъ необходимо при этомъ придется съ грустью сказать: чѣмъ же я воздамъ Господу за все то, что Онъ сдѣлалъ для меня? Денегъ, драгоценностей богатства у меня нѣтъ, что же я могу дать Господу? Но успокойтесь: Господь не желаетъ отъ васъ ни богатства, ни денегъ; Онъ желаетъ и требуетъ отъ всѣхъ васъ только одного, чтобы вы любили, боялись и слушались Его, чтобы вы отдали Ему ваше сердце. Сыне мой, говоритъ Онъ въ священ. писаніи, даждь ми сердце твое! Да, вашего сердца требуетъ Онъ; въ чистомъ, невинномъ, дѣтскомъ сердцѣ находитъ Онъ особенное для Себя удовольствіе; оно драгоценнѣе для Него и дороже всего, что вы, помимо сего, могли бы предложить ему; въ чистомъ, незапятнанномъ никакимъ тяжкимъ грѣхомъ сердцѣ Онъ желалъ бы всегда имѣть свое жилище. И *придемъ*,—

говорить Онъ въ священ. писаніи, къ такому человѣку и *обитель у него сотворимъ*; и въ другомъ мѣстѣ говорить: *блаженн чистѣи сердцемъ яко тѣи Бога узрятъ*. Отдайте же Ему то, что для него особенно дорого, отдайте ваше сердце, обѣщайте отселѣ любить Его и исполнять заповѣди Его во всѣ дни вашей жизни. Скажите сейчасъ Ему: „О, Иисусе Господи, да будетъ во всемъ Твоя святая воля! Тебѣ отдаю я себя точно также, какъ и Ты отдалъ мнѣ Себя въ таинствѣ св. причащенія. Прими благосклонно эту приносимую мною Тебѣ жертву. Все, что у меня есть и что я—есть, я отдаю Тебѣ: мое тѣло, которое теперь съ принятіемъ св. таинъ, сдѣлалось Твоимъ храмомъ; мой языкъ, данный мнѣ для прославленія Твоего имени; мои глаза, мои уши, всѣ мои чувства,—все это я буду теперь употреблять для твоей славы и чести. Отдаю я Тебѣ и мой умъ, и мою память и мою волю, чтобы Тебя болѣе и болѣе познавать, искреннѣе и глубже любить и ревностнѣе служить Тебѣ. Отселѣ я буду любить Тебя и исполнять Твои заповѣди; я буду сохранять мою невинность и чистоту моего сердца и возрастать по Твоему примѣру какъ въ лѣтахъ, такъ и въ мудрости и благоволеніи у Бога и людей! Благо вамъ, если вы дадите и соблюдете такое обѣщаніе; тогда ваше говѣніе и причастіе, дѣйствительно, было бы истиннымъ счастьемъ, несравненно большимъ, чѣмъ посѣщеніе Господомъ Закхей.

Многія изъ дѣтей, подобныхъ вамъ, давали такое обѣщаніе во дни говѣнія и причащенія Тѣла и Крови Христовыхъ, они обѣщали также быть вѣрными Богу и послушными Его заповѣдямъ. Увы, они не сдержали своего обѣщанія и давно уже нарушили свою вѣрность, оставивъ пути заповѣдей Господнихъ. Ихъ

сердце уже не представляет теперь чистаго храма Божія; ихъ уже не украшаетъ теперь бѣлая одежда невинности; они давно потеряли ее и теперь въ ихъ сердцахъ господствуютъ нечистыя страсти и грѣховныя вожделѣнія. Они уже не имѣютъ единенія съ Иисусомъ, источникомъ мира и всякаго счастія; грѣхъ отдалилъ ихъ отъ Него,—и вотъ они блуждаютъ теперь съ чадами міра по широкому пути гибели. И, такъ какъ они отлучили себя отъ Иисуса, такъ какъ Его ученіе не служитъ для нихъ руководствомъ въ ихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ, такъ какъ они уже не слѣдуютъ Его примѣру,—то изъ сердца ихъ исчезъ всякій миръ и спокойствіе, и они напрасно ищутъ этого покоя въ радостяхъ и удовольствіяхъ этого міра, который, не имѣя его самъ, не можетъ дать его и другимъ. О, какъ печально было бы, какъ жалко, если бы подобное несчастье постигло и васъ! О, не лишайте себя, дѣти, этого мира. Блюдайте свою дѣтскую чистоту, дабы никто не похитилъ у васъ вашихъ радостей и вашихъ вѣнцовъ. Не забывайте дома Господа и молитесь въ Немъ о томъ, чтобы Господь помогъ вамъ исполнить ваше доброе намѣреніе ходить по путямъ заповѣдей Господнихъ вся дни живота вашего. Просите Его, чтобы Онъ сохранилъ одежду невинности, молитесь Ему, чтобы Онъ своею отеческою рукою водилъ васъ во всѣхъ положеніяхъ и судьбахъ вашей жизни. Молитесь за вашихъ родителей, дабы Господь продолжалъ сохранять ихъ для васъ на многіе годы. Молитесь за вашихъ воспитателей, учителей и учительницъ, дабы Богъ укрѣплялъ ихъ силы въ нелегкомъ ихъ служеніи. Молитесь за вѣру, за царя и отечество, дабы милосердый Богъ излилъ на нихъ всю полноту своего благословенія. Аминь.

Владиміръ, Митрополитъ Петроградскій.

Въ объятіяхъ отчихъ.

(Изъ дневника инока).

Какъ медленно дѣйствуетъ ядъ, изо дня въ день принимаемый хотя бы и въ малыхъ дозахъ, такъ и малые грѣхи, малыя поблажки сладострастію и грѣховнымъ навыкамъ въ концѣ концовъ могутъ возрости въ неодолимую, разрушительную для души и тѣла нашего силу.

* * *

Едва прошло 40 дней съ тѣхъ поръ какъ Св. Дѣва стала Матерью Сына Божія, а уже выяснилось, сколько скорби, а не радости и покоя несло Ей это высокое званіе. Какъ жертва, постоянно закалаемая то одною, то другою такою скорбію, предается Она Божіимъ промышленіемъ въ руки человѣческой неправды, жестокости, безсердечія, страдая молча, безропотно, покорно волѣ Отца Небеснаго. Какъ обреченная на казнь, всегда готова Она принять оружіе въ сердце, а это оружіе не вонзается Ей сразу, а какъ въ мучительнѣйшей пыткѣ—исподволь, наслаждается Ея ужасомъ и болью, помалу и почаству бередитъ все болѣе и глубже путь къ Ея сердцу, медля нанести окончательный ударъ, чтобы дольше и больше, со смакованіемъ истаго палача, насладиться Ея острѣйшею Материнскою скорбію. О, Владычице! Какъ до-

рога Ты намъ за этотъ Крестъ Твой, почти не находившій утѣшенія на землѣ—въ то самое время, когда такъ близко—казалось—было къ Тебѣ наше и Твое единственное утѣшеніе—Христосъ Господь.

* * *

Изъ устъ старца приличнѣе всего было исторгнуться пророчеству объ оружіи, имѣющемъ пронзить душу Дѣвы Маріи. Какъ отецъ попечительный и страдающій, при этомъ предсказаніи онъ и согрѣваетъ сердце Ея теперь же своимъ старческимъ сочувствіемъ, какъ бы давая почувствовать, что весь свѣтъ, весь дряхлѣющій родъ человѣческій готовъ объять Ее своею любовію и благодарнымъ сочувствіемъ за эти страданія, какъ жертву за свое спасеніе, влекомую на закланіе волею Отца Небеснаго. О, Благодатная! Не бойся страданій. Посмотри на то, сколько душъ обновишь Ты и спасешь Твоею священою мукою. Сколько чадъ породишь Себѣ въ утѣшеніе. О, Благодатная! Потерпи ради насъ все оставленіе Твое Отцемъ Небеснымъ, которое хотя не вызвало въ Тебѣ отчаяннаго вопля: „*Боже Мой, Боже Мой! вскую Мя еси оставилъ?*“—но за то не разъ и не краткое только время, а во всю Твою жизнь сверлило Твою душу, ломая въ ней всякое помышленіе о величіи Тебя Самой, всякое возношеніе Твоего—истинно Твоего смиренія.

* *

Большія груды песку требуется промыть водою, чтобы получились изъ нихъ малыя крупицы золота. Такъ въ нашей душѣ приходится терпѣть многія груды духовнаго мусора, изъ коего терпѣливыя и кропотливыя души умѣютъ извлекать драгоцѣнныя

крупницы духовныхъ сокровищъ мудрости, опыта, Богомыслия и Боголюбія.

* * *

Господь даетъ намъ съ одной стороны отрадную надежду на спасеніе наше Его безпредѣльнымъ милосердіемъ. Но съ другой — не отнимаетъ у насъ и страха гибели и осужденія, дабы мы не утратили безпечностію того, что стяжаваемъ Его благодатію.

* * *

Вѣшать какъ говорится голову, т. е. малодушно отчаиваться, безутѣшно унывать въ какой-нибудь скорби, неудачѣ или разочарованіи, огорченіи и страданіи — значитъ — добровольно, съ жалкою покорностію безсловеснаго животнаго отдавать себя въ *рабство* этой скорби и страданію. Но этого не должно быть въ вѣрующемъ человѣкѣ. Мы должны быть господами какъ радостей своихъ, такъ и скорбей, каковы-бы они ни были. Въ радости — умѣрять ее и радоваться съ мыслию о непрочности всякихъ радостей земныхъ, о временномъ ихъ значеніи и полной зависимости отъ Бога. Въ скорби надо помнить тоже временное ихъ значеніе и такъ сказать внѣшнее, не порабащающее нашу душу, идеаломъ которой должно быть *безстрастіе* — спокойное стояніе и хожденіе предъ Богомъ — выше всякихъ земныхъ случайныхъ условій жизни и переживаній.

* * *

Рѣшимость идти за Христомъ ни въ какомъ случаѣ не должна быть мрачнымъ трауромъ по любви земной и утраченныхъ благахъ міра сего (какъ бываетъ у многихъ), а самодовлѣюще-свѣтлымъ, радостнымъ, ликующимъ тріумфомъ любви ко Христу и жажды

единенія съ Нимъ. Радостно, а не въздыхая, надо намъ начинать новую жизнь, надорванную увлеченіями и привязанностями земными, находя въ этой новой жизни полное самодовлѣющее удовольствіе и цѣль. Тоскуя и унывая при столь возвышенномъ порывѣ нашего сердца, мы обезцѣниваемъ не только избранный нами путь, но обезцѣниваемъ и Христа, Его радость, Его любовь. Будемъ любить Христа съ радостію и веселіемъ—не какъ результатъ разочарованій и скорбей нашихъ земныхъ, а какъ священнѣйшую и отраднѣйшую цѣль, которая привлекла и направила насъ къ Себѣ помимо всякихъ другихъ цѣлей и условій временной жизни нашей.

* * *

„Мужайся, Христова Церковь, и державствуйъ всеу борющимися: Христовы бо друзи и предстоящїи о тебѣ пекутся... (кан. Субб. I нед. Поста)“. Никто изъ земныхъ не могъ раскрыть злого умысла язычниковъ, приготовившихся осквернить вѣрующихъ чадъ Церкви языческою пищею. И только Св. Великомученикъ Ѳеодоръ Тиронъ, Божіимъ велѣніемъ, предупредилъ тогдашняго епископа объ угрожавшей бѣдѣ и указалъ, что надо дѣлать для избѣжанія ея. Конечно, и въ дальнѣйшемъ Господь не оставитъ Своей Св. Церкви въ подобныхъ обстоятельствахъ, что и заставляетъ вдохновеннаго пѣснописца зывать къ ней: „мужайся, Христова Церковь, и державствуй (имѣй въ своей власти) всеу борющимися“.

* * *

„Симонъ! Да вѣдь это—Господь!“ — подсказалъ нѣкогда Іоаннъ Богословъ своему товарищу. Тогда тотъ моментально бросился въ море и поплылъ ко Господу,

не убоился утонуть и ослабѣть. Забудемъ и мы глубокое море недостойнства нашего, отдѣляющее насъ отъ Господа. Поспѣшимъ къ Нему, въ чемъ есть: у Него все, въ чемъ мы нуждаемся, у Его ногъ получимъ все, что необходимо для жизни нашей.

* * *

Чего ужъ было хуже, когда Самъ Глава и Основатель Церкви былъ убитъ и сокрытъ подъ землю во гробѣ. И однако, Онъ воскресъ, и не погибла Церковь святая Его. Такъ и всегда будетъ, сколь бы тяжелыми ни были судьбы ея.

* * *

Скорби—молоть любви Божіей, сокрушающій нашу гордыню, нашу самонадѣянность, пристрастіе къ временнымъ благамъ, и выковыывающій изъ насъ сосуды честныя благодати Духа Божія, подвижниковъ вѣры и благочестія.

* * *

Кто будетъ нашимъ Судіею на послѣднемъ судѣ? Не столько Господь, сколько *мы сами*. Если мы оставляемъ должникамъ нашимъ, то и Онъ обѣщалъ оставить намъ. Этимъ Онъ какъ бы отказался отъ Своихъ судейскихъ правъ и всю полноту и силу ихъ отдалъ самимъ намъ.

* * *

Можетъ ли стать снова цѣльною сломанная человѣческая жизнь? Можетъ. Бросьте ее въ раскаленное горнило Христовой любви и изъ образовавшагося сплава слейте новую гораздо лучшую и драгоценнѣйшую. Если и еще она сломается, опять и опять повторите это средство, хотя бы безъ конца пришлось повторять его. Чтобы добыть ничтожную крупицу

чистаго радія, говорятъ — нѣсколько лѣтъ каждый день по нѣсколько разъ продѣлываютъ надъ нимъ крайне кропотливыя операціи. Совершенно тоже приходится дѣлать нашей душѣ съ нашею жизнію. И будемъ дѣлать. Результатъ же сего у Бога. И никто и ничто Его отъ насъ не отниметъ.

* * *

Безъ Библіи, безъ живыхъ представленій ветхозавѣтныхъ, безъ псалтири и другихъ воздыханій ветхаго человѣка—невозможно полно переживать и новозавѣтныя чувства радости о Господѣ, избавившемъ насъ отъ древнія клятвы, отъ древнихъ чувствъ, и даровавшемъ намъ новую жизнь, высота и блаженство которой непрерывно познается нами по сравненію съ переживаніями и, такъ сказать, съ психологіею ветхаго человѣка, постоянно оживляемаго въ насъ ветхозавѣтными книгами, молитвами и изреченіями.

* * *

А. І.

Духовная бесѣда.

Храмъ Божій.—Храмъ, домъ Божій, церковь, какъ много съ этими названіями соединяется у каждаго истиннаго христіанина святыхъ воспоминаній и добрыхъ пережитыхъ чувствъ! Перенесемся мыслию къ своему дѣтству. Вспомнимъ, какую духовную радость наша юная душа переживала въ торжественные моменты рождественской или пасхальной заутрени? Какой духовный восторгъ и трепеть охватывалъ тогда наше сердце! И замѣтите—дѣтя, не смотря на то, что еще почти ничего въ это время не понимаетъ, что поютъ и читаютъ въ храмѣ, такъ какъ умъ его еще мало вникаетъ въ смыслъ, воспоминаемыхъ церковью, событій, однако, и оно въ эти высоко-торжественные моменты также радуется, и это потому, что его чистое сердце всецѣло открыто для дѣйствія на него спасительной благодати Божіей. Но, къ сожалѣнію—многіе изъ насъ, по мѣрѣ того, какъ они приходятъ въ возрастъ, а вмѣстѣ съ этимъ теряютъ и дѣтское чистосердечіе, уже не тѣ святые чувства переживаютъ и они сами въ храмъ Божіемъ. Придетъ

праздникъ. Мы, правда, хотя и въ церкви, но не легко у насъ на душѣ. Даже какъ будто бы болѣе, чѣмъ когда-либо, наше сердце именно въ это время испытываетъ тоску и затаенную грусть. Отчего же это, спросите вы, отчего въ столь великіе моменты болитъ наша душа? Чтобы отвѣтить на такой вопросъ, надо знать, что сколько бы человѣкъ не грѣшилъ, какъ бы и чѣмъ бы не загрязнена была у него совѣсть, возженная въ человѣка искра добра въ душѣ его никогда не потухаетъ. Эта искра можетъ иной разъ теплиться, какъ едва-едва примѣтный вдали огонекъ, но совѣсть она не гаснетъ. Напротивъ, при лучшихъ условіяхъ жизни, при другой обстановкѣ—эта искра можетъ разгорѣться въ цѣлый огонь, распространиться и освѣтить омраченную грѣхомъ нашу душу. Вотъ, и въ дни великихъ праздниковъ, присутствуя въ храмѣ, наша грѣшная душа какъ бы особенно пробуждается отъ грѣховнаго сна и начинаетъ болѣе и болѣе тосковать по потерянной благодати. И, естественно, что при этой боли душевной мы вспоминаемъ не что-либо другое, а наше дѣтство, какъ самую лучшую пору нашей жизни, вспоминаемъ съ восторгомъ тѣ счастливыя минуты духовной радости, какія пришлось намъ тогда переживать. Но, возлюбленные, — вы теперь видите, что внѣшнія впечатлѣнія, получаемыя отъ храма, стоятъ въ самой тѣсной связи съ внутреннимъ состояніемъ нашей души. Добрая душа христіанская всегда найдетъ себѣ въ храмѣ Божіемъ отраду и утѣшеніе. Спросите истинныхъ христіанъ, какія чувства они переживаютъ, напр., послѣ достойнаго причащенія св. Тайнъ Христовыхъ, или послѣ усердной молитвы въ храмѣ и они вамъ скажутъ, что радость ихъ тогда бываетъ

превыше всякой радости. Состояніе души ихъ въ тѣ моменты неописуемо. Спросите ихъ, что они тогда созерцаютъ? И они отвѣтятъ вамъ,—красоту, которая превосходитъ всякую красоту земную. Спросите ихъ, что вкушаютъ они тогда, и они скажутъ вамъ,—благодарить—превыше всякой благодати. То, что тогда переживаетъ и чувствуетъ душа истиннаго христіанина, не поддается описанію,—это блаженное неизглаголанное состояніе духа. И намъ—всѣмъ христіанамъ стоитъ только вникнуть, углубиться въ самихъ себя, подумать хорошенько, вызвать наружу, скрытыя гдѣ-то тамъ, въ тайникѣ нашей души, добрыя начала, и мы поймемъ все значеніе храма Божія, оцѣнимъ его по достоинству. Въ самомъ дѣлѣ,—смотрите—внѣ храма житейскій шумъ, заботы, суета, тревоженія. Въ храмѣ же царитъ спокойствіе и тишина. Внѣ храма обуреваютъ насъ страсти—зависть, гнѣвъ, злоба, обманъ,—въ храмѣ же всему этому нѣтъ мѣста. Внѣ храма—одинъ притѣсняетъ другого, сильный угнетаетъ слабого, бѣдный рабѣлѣствуетъ богатому, въ храмѣ же—мы всѣ братья, всѣ дѣти одного Отца Небеснаго. Здѣсь рядомъ могутъ стоять: царь и воины, и нищій и богатый, знатный и простой, слуга и свободный. Внѣ храма—обнаруживается во всемъ безобразіи наша испорченная природа,—тамъ и бранныя слова, безобразныя игры, въ храмѣ же—все свято и чинно. Храмъ—это тихая пристань для всѣхъ христіанъ, наипаче же—скорбящихъ и обремененныхъ. Больны ли мы, страслась бѣда надъ нами—въ храмѣ мы найдемъ подкрѣпленіе и успокоеніе. Храмъ—духовная лечебница наша. Согрѣшимъ ли мы, произошелъ ли разладъ у насъ съ совѣстію, — опять, если мы поспѣшимъ въ

храмъ, обойдемъ здѣсь подножіе Креста Господня, помолимся въ сокрушеніи сердечномъ, — мы всегда успокоимся духомъ. Въ храмъ мы получаемъ прощеніе грѣховъ въ таинствѣ покаянія и сподобляемся принятія Тѣла и Крови Господа Іисуса Христа, которыя ведутъ насъ въ жизнь вѣчную. Храмъ,—мѣсто, гдѣ проходятъ и освящаются всѣ важнѣйшіе моменты въ жизни христіанина; здѣсь начинается первая и новая во Христѣ жизнь, когда его еще младенцемъ приносятъ въ храмъ для крещенія и воцерковленія; здѣсь его благословляютъ для семейной жизни въ таинствѣ брака, здѣсь онъ и оканчиваетъ свое земное существованіе, когда его, уже умершаго, приносятъ въ храмъ для совершенія надъ тѣломъ его погребенія и когда св. Церковь, любвеобильная мать наша, напутствуетъ усопшаго христіанина послѣднимъ своимъ благословеніемъ. А если такое значеніе для насъ—христіанъ имѣетъ храмъ Божій, то какъ же намъ его не почитать, братіе, и не любить?! Спѣшите же въ этотъ домъ Божій, когда вы свободны, не мѣняйте его легкомысленно на мірскія развлеченія и удовольствія, ибо въ храмъ отдыхаетъ наша богоподобная душа, предназначенная для вѣчной, блаженной жизни!

Два въ мірѣ начала.—Есть два начала въ мірѣ,—земное и небесное, матеріальное и духовное, злое и доброе. Всѣ предметы и существа въ мірѣ причастны, какому-либо одному изъ этихъ началъ. Такъ, напр., дерево, камень, такъ какъ въ себѣ не имѣютъ духа, то они — матеріальны и, наоборотъ, ангелы—которые не имѣютъ матеріи. тѣла,—духовны и, среди всѣхъ

существъ, только одинъ человѣкъ—одинаково причастенъ какъ матеріи, такъ и духу. Онъ, поэтому, можетъ слиться и съ матеріей, всецѣло подчиниться ей и, по апостолу, быть плотянымъ; онъ можетъ уподобиться бессмысленнымъ скотамъ, сдѣлаться звѣроподобнымъ человѣкомъ, потерять всѣ духовныя качества и стремленія, забыть Бога, добро, огрубѣть, очерствѣть. Но тотъ же самый человѣкъ можетъ и удалить отъ себя стѣсняющую его матеріальную оболочку, высвободиться изъ оковъ мертвеннаго тѣла, подчинить всю свою матеріальную природу высшему духовному началу, изъ плотяного человѣка, по тому же апостолу, стать духовною, новою тварію во Христѣ Іисусѣ, сдѣлаться во плоти ангеломъ. Но это возможно лишь при помощи свѣта благодати Христовой, которымъ въ божественной полнотѣ былъ осіянь Христосъ и которымъ исполняются и всѣ угодники Божіи. Они сподобляются этого благодатнаго свѣта сами, а затѣмъ сей благодатный свѣтъ разливаютъ и вокругъ себя всѣмъ съ ними соприкасающимся. Возьмемъ, напр., пр. Серафима, чудотворца Саровскаго. Благодатный свѣтъ Христовъ осіялъ еще при жизни его. Онъ сдѣлался во плоти ангеломъ. Онъ подавилъ въ себѣ грубую собственную плотяную природу, которая потомъ не смѣла уже заявлять ему о земныхъ наслажденіяхъ, пресыщеніи ѣдой и т. п. Такъ какъ всѣ чувства его одухотворились, то онъ и самъ весь преобразился и сталъ сіять свѣтомъ Христовымъ, онъ сталъ душою свѣтелъ, какъ солнце, чистъ, какъ снѣгъ. И такой, въ немъ живущій, благодатный свѣтъ, при жизни его, распространялся, распространяется и теперь на всѣхъ, кто входитъ съ нимъ въ соприкосновеніе.

Сегодня память открытія его честныхъ мощей и мнѣ хочется вспомнить это событіе, свидѣтелемъ коего и я удостоился быть. Православный народъ, узнавъ объ открытіи мощей преподобнаго, тысячами устремился къ его гробницѣ и мы были свидѣтелями того, какъ благодатный свѣтъ Христовъ, тотъ свѣтъ, которымъ преисполненъ былъ преп. Серафимъ, распространялся на всѣхъ, кто къ нему шель, кто жилъ имъ въ это время. Вотъ, одинъ за другимъ движутся къ Сарову богомольческіе поѣзда. Въ обыкновенное время, если вы войдете въ вагонъ поѣзда, то здѣсь встрѣтите самое безобразное времяпрепровожденіе. Одни, забывъ среду или пятокъ, нарушаютъ св. постъ; другіе играютъ въ карты; а тамъ собралась кампанія людей, которые кошунственно смѣются надъ вѣрою, Церковью, духовенствомъ... Не то въ богомольческомъ поѣздѣ. Здѣсь всѣ воодушевлены религіозными чувствами. Вотъ, сидитъ человѣкъ съ добрымъ лицомъ, окруженный калѣками, разслабленными... Что это—братья, родственники его?—Нѣтъ. Бдучи къ угоднику, онъ встрѣчалъ этихъ несчастныхъ на различныхъ станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, и, полный сочувствія къ ихъ горю и болѣзнямъ, бралъ ихъ съ собою довести до Сарова и, вотъ, теперь на пути кормитъ ихъ, ухаживаетъ за ними... А, вотъ, нѣсколько человѣкъ внимаютъ словамъ душеспасительной книги, чтеніе которой совершается, какъ видно, какой-то вѣрующей душой. Слышно и тихое, умилительное пѣніе... Это любители собрались и поютъ духовныя пѣснопѣнія: „Заступнице усердная“... „Не имамы иныя помощи“... И если въ обычное время, въ вагонѣ, преимуществуетъ право сильного, господствуетъ грубость, невѣжество, вслѣдствіе

чего одинъ не хочетъ, напр., ни за что уступить мѣсто другому, то теперь царить привѣтливость и какая-то тихость. Что это? Откуда такое доброе настроеніе во всѣхъ?—Это благодатный свѣтъ Христовъ, осіявающій пр. Серафима, распространился и на тѣхъ, кто жилъ имъ въ это время. А, вотъ, и Саровъ. Вокругъ монастыря на большое пространство расположились богомольцы... Здѣсь видны шалаши, бараки, подводы, между которыми снуетъ народъ. Съ перваго взгляда можно подумать, что здѣсь ярмарка,—рынокъ... Но какая глубокая разниа между ярмарочнымъ народнымъ торжищемъ и этимъ благочестивымъ, Саровскимъ собраніемъ народа! Тамъ крикъ и ругательства оглашаютъ воздухъ, здѣсь слышится лишь сдержанный благочестивый разговоръ и молитвенные вздохи... Тамъ обманъ и страсть волнуютъ каждого, здѣсь исполнены всѣ смиренія и покаяннаго сокрушенія духа... Идетъ всенощная подъ 19-е іюля, во время которой должно совершиться открытіе св. мощей. Монастырскій дворъ вмѣщаетъ въ себѣ лишь небольшое число собравшихся со всѣхъ концовъ необъятной Россіи богомольцевъ. Большая часть остаются внѣ монастыря. До нихъ не доносится звуковъ церковной службы, они не видятъ гробницы съ дорогими останками преподобнаго. Но посмотрите: они рады, хотя и издали смотрѣть на тотъ куполь храма, гдѣ происходитъ великое церковное торжество; стоятъ они съ лицами, обращенными къ обители, и горячо, горячо молятся. Здѣсь слышно громогласное чтеніе акаѳиста. Это группа людей выбрала изъ своей среды благоговѣйнаго чтеца и вмѣстѣ съ нимъ возноситъ хвалу Господу. А тамъ оглашается воздухъ пѣніемъ... Поютъ „воскресеніе

Христово видѣвъше“... „Хвалите имя Господне“... Вездѣ народъ молится... Представьте себѣ, при этомъ, тихую лѣтнюю погоду, вообразите, что каждый старался съ горящей свѣчей простоять всюнощную, и вы поймете, сколь умилительна и поразительна была картина все-народнаго Саровскаго моленія... Но что же это? Откуда такой подъемъ религіознаго чувства, откуда такое святое настроеніе? — Вѣдь, мы привыкли видѣть, что гдѣ собирается народъ толпой, тамъ—беспорядочный шумъ, тамъ — ссоры, тамъ обиды наносятъ другъ другу.— Это благодатный свѣтъ преп. Серафима воодушевилъ этихъ людей, онъ заставилъ ихъ молиться, пробудилъ въ нихъ вѣру, надежду и любовь къ Богу... Пойдемте дальше въ монастырскую ограду. Сюда, во время служенія всюнощной, было позволено войти больнымъ. Пронесся слухъ, что такъ Царь-Батюшка распорядился—молившійся въ это время въ соборѣ. Открылась трогательнѣйшая картина. Въ главныя монастырскія ворота повалилъ народъ, сопровождавшій больныхъ. И какихъ только больныхъ не видно было здѣсь! Иныхъ несли на носилкахъ, другихъ на рукахъ; тутъ были и слѣпые, и хромые, и бѣсноватые; кто кричалъ, кто стоналъ, а кто и плакалъ. Больные расположились вокругъ собора. Не мало больныхъ и несчастныхъ мы встрѣчаемъ и въ обыкновенной нашей жизни. Войдите, напр., въ любую больницу, пріютъ и вы увидите здѣсь разнаго рода несчастныхъ. Но какая, опять скажемъ, разница между этими послѣдними и больными, которые удостоились находиться близъ многоцѣлебныхъ мощей пр. Серафима въ моментъ ихъ открытія. Обыкновенно больные ищутъ помощи у врачей, на которыхъ только и надѣются, оста-

вляя въ сторонѣ всемогущаго Господа, въ рукахъ Котораго дыханіе и жизнь наша... Обыкновенно больные, не получая помощи, приходятъ въ уныніе, отчаяніе, дѣлаются раздражительными, не сносными для лицъ ихъ окружающихъ. Не то было въ Саровѣ. Здѣсь больные, хромые, слѣпые, разслабленные, бѣсноватые, расположившись вокругъ церкви, на этотъ разъ возложили всю свою надежду лишь на одного Господа, дивнаго во святыхъ Своихъ. Они съ надеждою и вѣрою, со слезами взывали къ преподобному, молили его утѣшить, исцѣлить, укрѣпить ихъ и надежда на Господа многихъ изъ нихъ не посрамила..! Вотъ, кто-то изъ больныхъ сильно вскрикнулъ... Узнаютъ причину этого и что же оказывается?—Слѣпой, не видавшій свѣта Божія, прозрѣлъ и испугался, увидѣвъ предъ собою величіе природы... Въ разныхъ мѣстахъ неистовствуютъ бѣсноватые,—окружающіе ихъ люди молятся за нихъ, и, о, чудо!—многіе изъ нихъ успокаиваются, приходятъ въ себя и начинаютъ молиться преподобному, котораго предъ этимъ въ неистовствѣ проклинали... Тамъ проталкивается женщина, пропуская предъ собою мальчика, опирающагося на двѣ палочки... Этотъ мальчикъ, объявляетъ радостно женщина,—мой сынъ. Онъ 6 лѣтъ не вставалъ, и, вотъ, сегодня, по молитвамъ преподобнаго, попросилъ палочки и самъ бодро пошелъ. Дивится народъ всему этому, бросается то въ ту, то въ другую сторону, гдѣ объявляютъ о чудотвореніяхъ, и, видя исцѣленія, горячо, горячо проливаетъ слезы умиленія и благодарности къ Господу, столь милосердному къ страждущимъ... Но почему такъ? Отчего здѣсь такъ утѣшаются больные и страждущіе! Благодатный духъ преп. Серафима, скажемъ еще разъ, передался

всѣмъ пришедшимъ почтить его память, возбудилъ во многихъ изъ больныхъ вѣру въ Бога и, по вѣрѣ ихъ, Господь сотворилъ многія чудеса. Видите ли, коль спасительно для насъ входить въ соприкосновеніе со святыней. Наше сердце, наша природа удобопреклонна ко грѣху. Грѣхъ, всякое зло легко развиваются и укрѣпляются въ насъ. И какъ помѣщеніе нуждается въ томъ, чтобы его провѣтривать, иначе въ немъ можетъ испортиться воздухъ, или какъ мясо, если его не посолить, скоро портится, такъ и наше сердце безъ освѣженія его святыней, благодатію Божіей грубѣетъ, все болѣе и болѣе исполняется грѣхомъ. Нужно намъ, непременно нужно, освѣжать свое сердце благодатными средствами, къ которымъ принадлежатъ — посѣщеніе храма Божія, принятіе Святыхъ Таинъ, молитва и общеніе съ благочестивыми людьми. И какъ только замѣтите вы, что на сердцѣ у васъ не хорошо, лишь только почувствуете, что зараза грѣховная въ васъ распространяется, — спѣшите скорѣе освѣжить себя указанными средствами. А иначе будетъ плохо. Мясо не осоленное, сплошь покрывается червями, загниваетъ, — и наше сердце — также можетъ безъ святыни обратиться въ сплошной грѣховный сгустъ, покрытъя неисцѣльной раной, когда уже не въ состояніи оно будетъ воспринимать никакія спасительныя средства. И, наоборотъ, если мы чаще будемъ заглядывать въ себя, будемъ поддерживать и укрѣплять свой духъ благодатію Божіею, то мы приобрѣтемъ чистоту души, сдѣлаемся сонаслѣдниками и друзьями святыхъ и Самого Господа, Которому подобаетъ слава и держава во вѣки вѣковъ.

Арсеній, Епископъ Серпуховскій.

Молитва предъ наступленіемъ страстной седмицы и праздника Пасхи.

Господи Іисусе Христе, Боже нашъ! Благодаримъ Тя, яко даруеши намъ скончати теченіе поста святыхъ Четырдесятницы; сподоби насъ во умиленіи и чистотѣ сердца поклонитися Твоимъ спасительнымъ страstemъ и воспѣти Твое славное, живоносное воскресеніе. Господи! Ты „язвенъ бысть за грѣхи наша и мученъ бысть за беззаконія наша“ (Ис. 53, 6); Ты искупилъ еси насъ отъ клятвы законныя честною Твоею Кровію и, яко Побѣдитель ада и смерти, воскресъ изъ мертвыхъ, даровавъ намъ животъ вѣчный. По силѣ Твоихъ страстей, и воскресенія мы получаемъ отъ Тебе великія духовныя блага во спасеніе: Ты возраждаеши насъ водою и Духомъ во святѣмъ Крещеніи, даруеши намъ освящающую благодать Святаго Духа во святѣмъ Мѣропомазаніи; Ты прощаеши намъ грѣхи и беззаконія милостію Твоею; питаеши насъ Животворящими Тайнами Тѣла и Крови Твоея, и симъ непостижимымъ таинствомъ соединяеши насъ съ Тобою—Источникомъ жизни и спасенія. Что же воздадимъ Тебѣ—Господу, Искупителю и Спасителю нашему! По Слову Твоему—жертва Тебѣ угодная есть „духъ сокрушенъ и сердце сокрушенное и смиренное“ (Псал. 50). Прими убо, Господи, сердца наша, яко жертву, приносимую Тебѣ; Самъ Твоею благодатію утверди въ насъ истинное смиреніе и твори съ нами святую и благую волю Твою. Господи Милостивый! Ты еси безмѣрная, непостижимая Полнота совершенствъ; отъ Тебе исхо-

дять всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ; въ Тебѣ—истинная, высочайшая радость духовная; въ Тебѣ—неизреченное блаженство вѣчное, къ нему же призываеши всѣхъ людей Твоихъ. Сего ради, мы, недостойніи, припадающе молимъ Тя: призри милостивымъ Твоимъ окомъ на ны—грѣшныя рабы Твоя, въ покаяніи къ Тебѣ прибѣгающіе; пріими обычнымъ Твоимъ человѣколюбіемъ наше колѣнное поклоненіе и постъ; прости намъ вся согрѣшенія, вольная и невольная; отжени отъ сердець нашихъ всякую мірскую скорбь и печаль, да срѣтимъ грядущій великій праздникъ Пасхи Твоея очищенніи отъ грѣховъ и страстей, въ мирѣ и любви другъ ко другу, въ радости духовной и веселіи Божественномъ. Господи! Твоими спасительными страданьями и живоноснымъ воскресеніемъ исцѣли и обнови души наша: просвѣти нашъ умъ Твоимъ Божественнымъ евангельскимъ ученіемъ, да вси уразумѣемъ, яко Ты еси „путь, истина и животъ“ (Іоан. 14, 6); воспламени наша сердца Твоею святою любовію, да будемъ „другъ ко другу блази, милосерди, прощающе другъ друга“ (Ефес. 4, 32); укрѣпи немощную волю нашу на дѣла благая, да Твоею благодатною помощію свято исполняемъ вся заповѣди Твоя, да непрестанно печемся о Твоемъ благоугожденіи и тщимся пребывать въ чистотѣ и непорочности. „Готово сердце мое, Боже, готово сердце мое“ (Псал. 56, 8); пріими е въ святую волю Твою и отверзи наша уста къ Твоему пѣснопѣнію, да восторженною радостію принесемъ Тебѣ, Воскресшему изъ мертвыхъ, благодарственныя молитвы и славословія,—и да не точію въ вѣцѣ семъ, но и въ Горнемъ Іерусалимѣ сподобимся воспѣвати и славить Тя, купно со Отцомъ и Святымъ Духомъ, во вѣки вѣковъ. Аминь.

Мнѣ страшно, мнѣ тяжело подумать, Спаситель:—
Ужели затворишь Ты дверь предо мной?
Ужели отвергнешь меня, Искупитель?

И я разлучуся навѣки съ Тобой?!

Ужъ близится полночь... и я призываю
Въ минуты послѣднія благодѣя Твою,
И въ часъ полуднѣчный Тебя умоляю:
Услыши, Владыка, молитву мою!

Смотри!—мой свѣтильникъ слезами наполненъ!

Ты Самъ мои слезы въ елей претвори!

Любви, состраданія къ намъ преисполненъ,

Ты свѣтомъ небеснымъ меня озари!

И въ мигъ просвѣтитсѣ души одѣянье,

И ярко возжѣтся свѣтильникъ златой,

О, Господи Боже! Твое я—созданье

Мнѣ ада страшнѣе разлука съ Тобой!

Софія Кольчугина.

А н г е л ы ¹⁾.

Какъ духи безплотные, ангелы не знаютъ ни нашего пространства, ни времени; наши способы передвиженія, сопряженные со многими усилями и трудностями, имъ невѣдомы. Ангелы быстролетны, быстро-движны: ангелъ сейчасъ въ одномъ мѣстѣ, въ мгновеніе ока въ другомъ; ни стѣнъ, ни дверей, ни запоровъ для ангеловъ нѣтъ. „Они, учитъ Григорій Богословъ, свободно ходятъ окрестъ великаго престола, потому что суть умы быстродвижные, пламень и божественные духи. скоропереносящіеся по воздуху“. И дверемъ затворѣннымъ проходятъ они, и видятъ сквозь стѣны, и никакая крѣпость, самая твердая, высокая и неприступная не въ силахъ сдержать ихъ полета. На крыльяхъ своихъ быстролетныхъ неудержимо, свободно носятся ангелы, предъ „шумомъ духа“ ихъ (Дан. 14, 36), какъ дымъ исчезаетъ всякое пространство.

И не только сами легко такъ носятся ангелы; ангелъ, если приблизится къ человѣку, возьметъ, подниметъ его на крылья свои, то и для человѣка тогда перестаетъ существовать ужъ пространство, покрытый кровомъ крылъ ангельскихъ, переносится онъ чрезъ самыя отдаленныя разстоянія въ мгновеніе ока. Такъ, повѣствуется въ книгѣ „Дѣяній Апостольскихъ“ про

1) Продолженіе См. „Душеполезное чтеніе“ январь—февраль, 1915 г.

св. ап. Филиппа: „Филиппу Ангелъ Господень сказалъ: встань и иди на полдень, на дорогу, идущую изъ Іерусалима въ Газу... Онъ всталъ и пошелъ“. На дорогѣ встрѣтилъ мужа Еѳіоплянина, евнуха, вельможу Кандакии, царицы Еѳіопской, вступилъ съ этимъ вельможей въ бесѣду, обратилъ его ко Христу и крестилъ его. И, вотъ, „когда они вышли изъ воды, Духъ Святый сошелъ на Евнуха, Филиппа же восхитилъ Ангелъ Господень, и Евнухъ уже не видѣлъ его. А Филиппъ сразу оказался въ Азотѣ“. (Дѣян. VIII, 27—40). Еще болѣе дивное повѣствуется въ Словѣ Божіемъ о пророкахъ Даніилѣ и Аввакумѣ. Пророкъ Даніилъ находился въ плѣну Вавилонскомъ, по проищамъ и злобѣ язычниковъ-вавилонянъ былъ онъ брошенъ царемъ въ ровъ львиный. Шесть дней томился безъ пищи онъ тамъ, львы не трогали праведника, но голодъ давалъ себя чувствовать. Въ то время былъ въ Іудеѣ пророкъ Аввакумъ, который, сваривъ похлебку и накрошивъ хлѣба въ блюдо, шелъ на поле, чтобы отнести это жнецамъ. Но ангелъ Господень сказалъ Аввакуму: „отнеси этотъ обѣдъ, который у тебя, въ Вавилонъ къ Даніилу, въ ровъ львиный. Въ удивленіи воскликнулъ Аввакумъ: „Господинъ! Вавилона я никогда не видалъ и рва я не знаю“. „И взялъ его тогда ангелъ Господень за темя и, держа за власы главы его, поставилъ его въ Вавилонѣ надъ рвомъ силою духа своего. И воззвалъ Аввакумъ и сказалъ: „Даніилъ! Даніилъ! возьми обѣдъ, который Богъ послалъ тебѣ. Даніилъ, полный восторженныхъ чувствъ, возблагодарилъ Господа: „вспомнилъ Ты обо мнѣ, Боже, и не оставилъ любящихъ Тебя!“ И всталъ Даніилъ и ѣлъ; ангелъ же Божій мгновенно поста-

вилъ Аввакума на его мѣсто, опять въ Іудею (Дан. 14, 31—39).

Чудно, дивно это, други!

Намъ, плотью связаннымъ, странно, намъ, отовсюду пространствомъ скованнымъ, непонятно, какъ это можно, сейчасъ находится здѣсь, и въ какую-либо секунду перенестись чрезъ сотни, тысячи, десятки тысячъ, милліоны верстъ и очутиться сразу въ другомъ мѣстѣ, въ иной странѣ, среди другихъ людей, слышать чужой языкъ, увидѣть другую природу. Странно, но не настолько, чтобы мы совершенно не могли вмѣстить такой быстродвижности въ умъ свое-емъ; непонятно, но не настолько, чтобы быстродвижность такая стояла въ прямомъ противорѣчій нашему уму. Человѣкъ, умаленный, по Слову Божію, „малымъ чимъ отъ ангелъ“ (Пс. VIII, 6), въ себѣ самомъ носить возможность ангельской быстродвижности. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ, скажите, не быстродвиженъ духъ нашъ, развѣ не бысролетна мысль наша? Для мысли, для духа нашего также, вѣдь, нѣтъ никакихъ преградъ и препятствій. Въ мгновеніе ока мыслию можемъ мы перенестись чрезъ самыя громадныя разстоянія, въ мгновеніе ока духомъ можемъ побывать въ различныхъ мѣстахъ. А это, все болѣе и болѣе усиливающееся теперь стремленіе покорить, препобѣдить пространство, прорѣзать его всевозможными, самыми скороходными машинами, эта все болѣе и болѣе возрастающая жажда оторваться отъ земли и на вновь изобрѣтенныхъ воздушныхъ корабляхъ, какъ на крыльяхъ, унести туда... высоко-высоко... гдѣ небо голубое — о чемъ все это говорить, какъ не о томъ, что человѣкъ воистину „малымъ чимъ умаленъ отъ ан-

гель“, что его духъ быстродвиженъ, его мысль быстролетна, что по духу, по мысли человѣкъ—ангелъ, и также не связанъ пространствомъ.

Увы, грѣхъ, живущій въ насъ, и на это стремленіе человѣка къ ангельской быстролетности налагаетъ свою тяжелую печать! Ангельскую быстролетность нашей мысли грѣхъ отравляетъ своимъ смертоноснымъ и губительнымъ ядомъ: человѣкъ съ быстротою молніи пробѣгаетъ цѣлыя пространства, переплываетъ моря съ тѣмъ, чтобы, какъ можно скорѣе, нести съ собою пагубу и гибель; человѣкъ, какъ птица, взвивается въ высь, и съ этой высоты бросаетъ внизъ ужасные разрушительные снаряды.

О, братья дорогіе, будемъ молиться, чтобы, заложенная въ нашемъ духѣ, въ нашей мысли, ангельская быстролетность все глубже и глубже прорѣзывала бы и разсѣкала окружающее насъ пространство грѣха, станемъ работать надъ собою, чтобы нашъ духъ быстродвижный, какъ ангелъ, воспарялъ къ Богу, уносился бы чаще къ горнему, ангельскому міру!

Какъ духи безплотные, ангелы, видѣли мы, не знаютъ пространства, не вѣдаютъ они и времени нашего. На небѣ нѣтъ ни нашего вчера, ни сегодня, ни завтра, или, лучше, тамъ есть только сегодня, днесъ, приснобытіе; не знаютъ ангелы ни нашихъ дней, ни ночей, ни минутъ, ни часовъ, нѣтъ въ ихъ царствѣ ни зимы, ни весны, ни лѣта, ни осени, или, лучше, есть тамъ только одна весна, свѣтлая, радостная; среди ангеловъ всегдашняя Пасха, непрестанный праздникъ, веселіе вѣчное,—Ангелы, по слову Спасителя, „умереть уже не могутъ“. (Лук. 20, 36). Разверстая, мрачная могила, могильныя плиты и памят-

ники не смущаютъ взора ангельскаго, надгробныя скорбныя пѣсни не тревожатъ ихъ слуха, наше послѣднее, душу раздирающее „прости“ не знакомо имъ, горечь разлуки не снѣдаетъ ихъ сердца, смерть тлѣтворнымъ дыханіемъ своимъ не искажаетъ, не обезображиваетъ красоты ангельской.

Жизнь, други, одна только жизнь жительствоуетъ на небѣ, вѣчная, блаженная жизнь съ Богомъ и въ Богѣ.— „Въ Немъ жизнь“ (Іоан. I, 4). Видали вы море широкое, безбрежное... глядишь, и конца нѣтъ ему, мысль теряется, какъ песчинка, какъ пылинка какая въ необъятности его. Такъ, вотъ, и жизнь ангельская: безбрежна она, конца ей нѣтъ и мѣры нѣтъ. Мы съ каждымъ днемъ все слабѣемъ, старѣемъ, дряхлѣемъ, ангелы же съ каждымъ приближеніемъ къ Богу все болѣе и болѣе юнѣютъ, восходятъ отъ силы въ силу, отъ совершенства къ совершенству.

О, Ангелы Божьи, какая тихость благодатная, какая услада въ душѣ отъ одного лишь созерцанія вашей жизни блаженной! Съ горнихъ высотъ дайте, уканьте, хоть каплю одну этой жизни въ сердца наши!

А сердце наше, дорогіе братья, такъ устроено, что имѣетъ способность воспринимать, ощущать, на землѣ еще предвкушать жизнь ангельскую. Вы знаете: ангелы потому не вѣдаютъ времени и всего соединеннаго съ временемъ: постепеннаго увяданія, старости, смерти, потому, что они живутъ въ Богѣ. И человѣкъ, когда живетъ въ Богѣ, входя съ Нимъ въ тѣснѣйшее общеніе чрезъ молитву, также перестаетъ считаться съ временемъ, переходитъ часто за грань его, приближается къ порогу вѣчности. Время становится для

Письма въ Возвѣ почившаго Архіепископа Николая Японскаго.

Россійская Духовная
Миссія въ Японіи.
Токіо.
18 января 1908.

Досточтимый и достолюбезный отецъ

Архимандритъ Павелъ!

На Вашъ вопросъ о способѣ крещенія Корейянокъ ¹⁾ отвѣчаю слѣдующее. У насъ всѣ женщины, дворянки и простыя, старыя и молодыя, входятъ въ купель въ бѣлыхъ передникахъ, предварительно приготовленныхъ ими. Передники эти широкіе, покрывающіе все тѣло кругомъ, начиная отъ груди до пятокъ. Предъ временемъ входа въ купель, крестныя матери или другія христіанки, служащія при этомъ, уводятъ крещаемыхъ за ширмы, нарочно ставящіяся для этого въ церкви, помогаютъ имъ раздѣться и подвязаться передниками; послѣ чего крещаемыя выходятъ, благоговѣнно входятъ въ купель, имѣя крестообразно сложенныя на груди руки, преклоняютъ колѣна; іерей, касаясь рукою верха главы ихъ, произноситъ крещальныя слова, при чемъ крещаемыя троекратно, наклоняя голову, окунаются въ воду, и выходятъ, принимаемыя діакониссами съ полотенцами въ рукахъ для осушенія тѣла. Крестившаяся на секунду останавливается, чтобы принять отъ іерея бѣлую

рубашку и крестъ, и идетъ за ширмы, гдѣ діакониссы снявъ съ нея передникъ, одѣваютъ и выводятъ предъ купель. Все это совершенно прилично и по чину. Мнѣ кажется и у Васъ то же самое можетъ быть. Если же этого мало, то совсѣмъ въ сорочкахъ могутъ входить въ купель — отдайте это на ихъ волю. — А обливаніемъ какъ же? ²⁾ За платье вода потечетъ, станутъ корчиться, — и смѣшно, и неприлично. Или Вы разумѣете протестантское обливаніе, — брызнуть нѣсколько капелъ съ пальцевъ? Но эта пародія на крещеніе совсѣмъ ужъ грѣхъ. У насъ случается протестантъ, переходя въ православіе, просить крестить его, жалуется: „не знаю, попала ли на меня капля, когда миссіонеръ брызнулъ“. Больше объ этомъ предметъ и сказать нечего.

Что до другого вопроса, то некрещеннымъ совершенное крещеніе развѣ можетъ назваться низводящимъ благодать таинствомъ крещенія? ³⁾ Не будучи самъ еще въ оградѣ церковной, какъ же можетъ некрещенный отворить дверь Церкви другому? „Како проповѣдать, еще не послани будутъ?“ (Рим. 10, 15). Также можно сказать: „Како крестятъ, еще не послани будутъ?“. Не скажите, что простой христіанинъ можетъ крестить, хотя онъ не посланъ для того. Христіанинъ уже самъ въ домѣ Божіемъ. Не одинъ хозяинъ дома, а всякій въ домѣ, по долгу любви и состраданія, въ правѣ отворить дверь и впустить челоуѣка, за которымъ гонится волкъ. Итакъ, Ваши крещенные некрещенымъ ученикомъ, по моему, еще не христіане, и выздоровѣвшую женщину слѣдовало бы крестить. А объ умершемъ молитесь съ Богомъ, и пусть другіе молятся, но частною любовью; предъ Церковью же онъ и имени даже не имѣетъ, хотя въ небесную Церковь, быть можетъ, придетъ по вѣрѣ своей и по милости Божіей.

Конецъ перваго Вашего письма вводитъ меня въ большое сомнѣніе: останетесь ли Вы вѣрны Корей? Не похитятъ ли Васъ? Крѣпитесь, отче, елико силы есть. Дѣло то въ Корей какое любезное! По всѣмъ отзывамъ, которыхъ не мало печатается, Корея несравненно надежнѣе для христіанства, чѣмъ Китай и Японія. Протестанты тамъ большими шагами шагаютъ; католики, вѣроятно, еще большими. Мы-то чтоже? Ей, отче, съ Божіею помощію, зрите впередъ и идите твердою стопою, не озираясь вспять!

Божіе благословеніе и глубокій поклонъ мой Вамъ и всей братіи Вашей.

Братски любящій Васъ и душевно уважающій,
покорный слуга и богомолецъ Вашъ
Архіепископъ Николай.

Прим. 1) Вопросъ о крещеніи корейнокъ представлялся немаловажнымъ не только въ силу естественной стыдливости взрослыхъ женщинъ, но и потому, что по понятіямъ корейцевъ, благовоспитанная женщина не должна даже обнажать свое лицо по выходѣ изъ дому и обязана носить на лицѣ на подобіе турчанокъ особое покрывало, такъ что и простое прикосновеніе къ ней посторонняго мужчины считается неприличнымъ и оскорбительнымъ. Впрочемъ, послѣ аннексіи Кореи взгляды и обычаи корейцевъ стали сильно измѣняться въ сторону европейцевъ.

2) Въ силу указанныхъ причинъ въ прим. 1-мъ во Владивостокской Миссіи практиковалось обливательное крещеніе для корейцевъ и было запрещено распоряженіемъ Начальника Миссіи Епископа Павла.

3) Въ Корей произошелъ интересный въ Церковной практикѣ случай, когда оглашенный за отдаленностью миссіонера и отсутствіемъ христіанъ въ селеніи крестилъ на смертномъ одрѣ по просьбѣ умирающихъ — мужчину и женщину, мужчина вскорѣ умеръ, а женщина выздоровѣла.

Стихотвореніє † Оптинскаго старца схи-архимандрита Варсонофія.

„Святитель Θεодосій“.

„Преудобрень во архіереяхъ, святителю Θεодосіе, былъ еси свѣтило своему стаду“...

Тропарь св. Θεодосію, Черниговскому чудотворцу.

Въ часы тревожнаго и смутнаго волненья
Встаетъ въ душѣ моей по временамъ.
Какъ дивный звукъ святого пѣснопѣнья,
Блаженное и чудное видѣнье.

Я вижу городъ и старинный храмъ,
И тополи вокругъ него густые,
Сіяющій алтарь, лампы золотыя,
Ряды святыхъ иконъ, молящійся народъ,
Святителя, съ слезами умиленья,
Свершающаго дивное служенье,
И купола надъ ними звѣздный сводъ,
Глубокихъ думъ исполненныя лица...
Торжественно тамъ высится гробница;
Духовный исполинъ и воинъ Божьей рати,
Почіеть Θεодосій въ ней святой —

Безмездный врачъ и немощныхъ цѣлитель,
Скорбящихъ, плачущихъ духовный утѣшитель,
Могучій стражъ страны своей родной,—
И хоръ пѣвцовъ гремитъ ему хвалою!..

* * *

Страна чудесь, о Русь моя святая!
Иноплеменниковъ тѣснять тебя толпы
И силятся занять твои стопы..
Но ты идешь, страна моя родная,
Впередъ съ надеждою на Господа Христа,
Смиренно преклонясь подъ тяжестью креста,
Храня Его святые повелѣнья,—
Изъ рода въ родъ пребуди имъ вѣрна.
Въ тебѣ таится сила возрожденья
Народовъ міра. Къ свѣту воскресенья
И въ царство жизни, радости полна,
Ты поведешь ихъ мощною десницей,
И плодъ духовный возрастишь сторицей,
Блаженная, счастливая страна!..

Письмо къ духовной дочери.

Ваше Преподобіе, матушка N.

Миръ вамъ и благословеніе Божіе!

Вы спрашиваете меня: какъ жить и какъ молиться?—Этотъ гласъ, вопіющаго въ пустыни, во мнѣ и вездѣ раздается, но гласомъ вопіющаго въ пустынь и остается... Самъ-то я не научился,—могу-ли кого научить?.. Но попытаюсь исполнить послушаніе.

Господи, благослови!

Вы говорите, что тяжелое несете послушаніе — и слава Богу! Что налагають на насъ,—это крестъ; велятъ—это гвозди приколачивають ко кресту!.. Неси иго Христово, этотъ крестъ Христовъ! „Раздай имѣніе твое, возьми крестъ и слѣдуй за Мной, и будешь имѣть сокровище на небеси“ (Мѡ. 19, 21).

„Раздай имѣніе“ -- отсѣки волю свою и послужи въ самоотреченіи и послушаніи; что наложить на тебя нести,—неси безропотно и сознавай при этомъ, что ты—грѣшница, подобно какъ на крестѣ сознавалъ свои грѣхи благоразумный разбойникъ, и съ креста взывалъ: „Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствіи Своемъ“! Будемъ и мы такъ взывать ко Господу Богу, какъ онъ взывалъ на крестѣ.—И ты на послушаніи взывай: „Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшницѣ“! „Помяни мя, Господи, егда приидеши во Царствіи Своемъ!“—И ты скоро, скоро будешь въ раю.

Вотъ, предъ нами Іисусъ Христосъ: Онъ—безгрѣшенъ, а страдаетъ за насъ на крестѣ!.. Эти лучи Его милосердія падаютъ на насъ и зажигаютъ въ насъ надежду и пламенную вѣру въ Него, что Онъ, милосердный, облегчитъ наши страданія, когда мы несемъ эти послушанія ради Христа и ради спасенія нашего. Съ Нимъ состраждемъ,—съ Нимъ и прославимся.

Молитвы мы не умѣемъ читать, но пусть жертвой нашей будутъ труды, и послушаніе—вмѣсто устной молитвы. И пусть будетъ сердце чисто, сокрушенно и смиренно, и Богъ его не уничтожитъ, а ублажитъ,—прійдетъ и обитель Свою сотворить въ насъ. Только смиренныя сердца могутъ быть престолами и жертвою, и мы—небомъ—тогда, когда Богъ благодатію Своею вселится въ сердцахъ нашихъ.

Вотъ, тогда-то мы и заживемъ небесною радостью, ибо окружать насъ св. Ангелы, и пророки, и апостолы, мученики, преподобные, праведные и всѣ святыя просіявшіе...

У,—какъ хорошо, весело будетъ и умирать при такихъ пособникахъ!.. Смиряющіе себя такъ — вознесутся торжественно предъ Царя славы.

Томи томящаго тя, смирай себя и умягчай сердце твое, и оно само тебя научить.

Вашъ усердный богомолецъ **С. А. Гавріиль.**

Чертогъ Твой вижду, Спасе мой!

Вотъ, дверь предо мною въ Чертогъ Твой открыта,
Ее мнѣ отверзла десница Твоя;
Но рубищемъ ветхимъ едва я прикрыта,
И гаснетъ безъ масла лампада моя!..

Я плачу; рыдаю; къ печали же вящей
Съ собой не взяла я священный елей,
Тебя я не встрѣчу съ лампадой горящей,

Не вниду въ Чертогъ Твой въ одеждѣ моей!..
Какъ полночь приблизится, я не замѣчу,
Но въ полночь раздастся торжественный гласъ:
Женихъ, вотъ, идетъ! выходите навстрѣчу!—
И мудрыя дѣвы воспрянуть тотчасъ.

Поправивъ свѣтильники, легкой стопою
Встрѣчать Тебя дѣвы святыя пойдутъ,
И, славой сіяя тогда неземною,

Въ Чертогъ Твой прекрасный, ликуя войдутъ.
И буду я слышать тѣхъ дѣвъ ликованье,
И сердце заноситъ тоскливо въ груди:
Съ лампадой угасшей, въ плохомъ одѣяньѣ
Я въ брачный Чертогъ не посмѣю войти.

него незамѣтнымъ, онъ, какъ говорится, не примѣчаетъ времени. Пройдетъ много часовъ, а ему кажется, что едва-едва успѣло пройти нѣсколько минутъ. Такъ сладко бесѣдовать съ Богомъ! „Богъ, говорить св. Іоаннъ Дамаскинъ, въ Себѣ Самомъ заключаетъ всецѣлое бытіе, какъ бы нѣкоторое безпредѣльное и безграничное море сущности“. И кто входитъ въ это море, кто погружается въ неизслѣдимыя глубины его—для того въ глубинахъ этихъ исчезаютъ минуты, часы—все время, и остается одна только вѣчность, и въ вѣчности—вѣчный Богъ.

Недалеко отъ Троице-Сергіевой Лавры есть скитъ Геосиманскій. Въ этомъ скиту подвизался въ затворѣ старецъ, іеросхимонахъ Александръ († 9 февр. 1878 г.), неустанный дѣлатель умносердечной молитвы Иисусовой. Рассказываетъ про этого старца бывший ученикъ и келейникъ его, теперь маститый игуменъ, самъ мудрый старецъ и испытанный учитель въ духовной жизни—рассказываетъ: „бывало, пойдешь ко всенощной и зайдешь къ старцу, о. Александру, — оутъ сядетъ при мнѣ на стулъ; уйдешь ко всенощной и по окончаніи службы опять зайдешь къ старцу, а старецъ все сидитъ на томъ же мѣстѣ съ молитвою. Услыша шумъ, онъ подниметъ голову и, увидя меня, какъ бы удивится и спроситъ: „неужели всенощная отошла? Мнѣ думалось, что я только-что сѣлъ, а времени прошло уже четыре часа, за молитвой Иисусовой времени не вижу, оно течетъ, такъ скоро, какъ будто бы летитъ“.

Если здѣсь, на землѣ, въ царствѣ смерти и времени, человѣкъ, въ бесѣдѣ съ Богомъ, совершенно забываетъ время, выходитъ изъ его каскаднаго водо-

ворота, то понятно вамъ, возлюбленные, почему на небѣ, въ царствѣ жизни вѣчной, нѣтъ, и совсѣмъ не можетъ быть времени. Тамъ, у ангеловъ, одно только въ мысли, одно въ сердцѣ — Богъ вѣчный. А „вѣчность, любомудрствуетъ св. Григорій Богословъ, есть такое продолженіе, которое простирается наравнѣ съ вѣчнымъ, не дѣлится на части, не измѣряется какимъ-либо движеніемъ, ни теченіемъ солнца... вѣчность не есть ни время, ни часть времени,— она неизмѣрима“.

Неизмѣримая, безграничная заповѣдь дана и намъ съ вами, други: „будьте вы совершенны, какъ совершенъ Отецъ вашъ Небесный“ (Мѡ. V, 48).

Поддерживаемые десницею Божіей, встаньте твердо, неуклонно на этотъ путь духовнаго возрастанія и совершенствованія во Христѣ Іисусѣ, и вы уподобитесь ангеламъ: всею душою почувствуете, какъ предъ вами начнетъ исчезать время, дни, недѣли, мѣсяцы, годы, и предъ взоромъ вашимъ во всемъ величіи своемъ и необъятности, какъ предъ ангелами, будетъ развертываться вѣчность... вѣчность... вѣчность...

Архимандритъ Серафимъ (Звѣздинскій).

Бесѣда о воскресеніи мертвыхъ.

*Всѣ мертвецы и малые и великіе
воскреснутъ, и море и смерть и адъ
отдадутъ мертвецы своя. Апок. 20,
12—13.*

Послѣ совершеннаго ниспроверженія царства антихриста и рѣшительной побѣды Іисуса Христа надъ диаволомъ, настанетъ неизмѣнное состояніе церкви торжествующей или царства славы. Сіе состояніе начнетъ всеобщимъ воскресеніемъ мертвыхъ. Воскресеніе мертвыхъ есть такое дѣйствіе всемогущества Божія, по которому въ опредѣленный судьбами Божиими день тѣла всѣхъ умершихъ отъ начала міра людей встанутъ изъ персти земной и паки соединятся съ душами своими, нѣкогда оживлявшими ихъ. Оживленіе тѣлъ человѣческихъ и соединеніе ихъ паки съ душами ихъ есть истина несомнѣнная и утѣшительная. Побесѣдуемъ пространнѣе о воскресеніи мертвыхъ по ученію Св. писанія и святыхъ отцевъ Церкви.

Воскресеніе мертвыхъ возможно по всемогуществу Божію. Всемогущій Богъ, создавшій міръ сей изъ ничего однимъ всесильнымъ словомъ Своимъ, имѣетъ, безъ сомнѣнія, полную возможность воскресить и тѣло, согнившее и истлѣвшее. Въ сей непреложной истинѣ убѣждаетъ насъ созерцаемая нами природа со всѣми ея произведеніями. Какъ по окончаніи зимы и при

наступленіи весны, ежегодно при возвращеніи и приближеніи великаго небеснаго свѣтила—солнца къ нашему земному шару бываетъ великая переменѣна,—вся видимая природа воскресаетъ,—всѣ земныя растенія и даже нѣкоторыя животныя какъ бы вновь оживаютъ: такъ точно по прошествіи жестокой зимы послѣднихъ антихристовыхъ скорбей,—по очищеніи всѣхъ вещей міра сего силою огня, и при наступленіи духовныя вѣчныя весны и при появленіи духовнаго свѣтила—Солнца правды—Господа нашего Іисуса Христа истиннаго Богочеловѣка, въ полномъ сіяніи и свѣтѣ, въ неописанномъ великолѣпії и славѣ, тѣла всѣхъ разумныхъ видимыхъ тварей оживутъ, востанутъ, воскреснутъ и получатъ новый видъ, новую жизнь и новыя дѣйствія, соединившись съ своими душами. Видите братія, что и самая природа для внимательнаго ума есть громогласнѣйшій проповѣдникъ всеобщаго воскресенія. Но кромѣ и сего внѣшняго проповѣданія объ общемъ воскресеніи, непреложно удостовѣряютъ насъ въ сей истинѣ Боговдохновенные писатели ветхаго и новаго Завѣта и Самъ Господь нашъ І. Христосъ Воскресшій и Воскресившій другихъ человѣковъ. Такъ Авраамъ, рѣшившійся принести въ жертву сына своего, показалъ на себѣ твердую вѣру въ воскресеніе, сказавъ: *силенъ есть Богъ изъ мертвыхъ воскресити его.* Іовъ во всѣхъ злключеніяхъ жизни также утѣшалъ себя надеждою воскресенія, когда говорилъ: *вѣмъ, яко присносущенъ есть, иже имать искупити ми: и на земли воскресити кожу мою, терпящую сія.* Въ сей святой истинѣ весьма сильно удостовѣряли пророки: такъ Исаія пишетъ: *воскреснутъ мертвіи, и востанутъ, иже во гробѣхъ, и возрадуются иже на земли.* Про-

рокъ Даниилъ тоже предвозвѣщалъ, глаголя: *мнози отъ спящихъ въ земный персти востанутъ*. Апостолъ Павелъ пишетъ: не говорите, како востанутъ мертвіи; или коимъ тѣломъ приидутъ; безумне, обрати взоръ твой на все окружающее тебя, и посмотри, ты, еже сѣши, не оживетъ, аще не умретъ: и еже сѣши, не тѣло будущее сѣши, не голѡ зѣрно. Богъ же даетъ ему тѣло, якоже восхошетъ, и коемуждо сѣмени свое тѣло. Ты бросаешь въ землю простое зѣрно, но оно, согнивая, не уничтожается, а къ новому рожденію приуготовляется; оно, согнивъ, принимаетъ на себя тѣло и приноситъ многій плодъ. Подобно и наши тѣла для того умираютъ, да пока живутъ; для того погребаются въ землѣ, да воспріимутъ новую сущность—воспріимутъ съ большимъ плодомъ. *Самъ Господь, пишетъ Апостолъ, въ повелѣніи, во гласъ Архангеловъ и въ трубѣ Божіи снидетъ съ небесе, и мертвіи о Христѣ воскреснутъ*. И Самъ Господь нашъ говоритъ: *Грядетъ часъ и нынѣ есть, егда мертвіи услышатъ гласъ Сына Божія, и услышавше оживутъ: Грядетъ часъ, въ онъже вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія, и изыдутъ. Ябый Мою плоть и пїяй Мою кровь, имать животъ вѣчный, и Азъ воскрешу его въ послѣдній день*.

Сїя святая истина о воскресеніи мертвыхъ, какъ необходимая по правосудію Божію, дабы всякой на послѣднемъ судѣ получилъ праведное воздаяніе, подтверждается многими опытами уже совершившимися и сомнѣнію не подлежащими. Такъ во образъ общаго всѣхъ человѣковъ воскресенія Боговдохновенный Пророкъ Илія воскресилъ въ Сарептѣ Сидонской сына вдовицы,—воскресилъ, дунувъ на отрочища трижды,

и, призвавъ Господа, сказалъ: *Господи Боже мой! да возвратится душа отрочища сего въ оны, бысть тако.* Пророкъ Елисей воскресилъ въ Соманѣ сына жены Соманитянины, благотворившей сему Человѣку Божію. Самъ Господь нашъ, во образъ общаго всѣхъ чело-вѣковъ воскресенія, и въ достовѣрное свидѣтельство, воскресилъ въ Виѳаніи умершаго друга своего Лазаря,—воскресилъ уже возмердѣвшаго и загнившаго. Во образъ общаго всѣхъ чело-вѣковъ воскресенія и Господь Самъ воскресъ, — воскресъ, бывъ во гробѣ тѣломъ положенъ, а душею во адъ сошедши, и изведши изъ онаго всѣхъ плѣнныхъ вѣрующихъ въ Него. Во образъ всѣхъ чело-вѣковъ воскресенія, при самомъ распятіи и смерти Господа Іисуса, воскресло великое множество умершихъ: тогда, какъ Богочело-вѣкъ, на крестѣ будучи, испустилъ духъ, *завѣса цер-ковная раздрася, земля потрясется, солнце померче, и гроби отверзошася, и многа тѣлеса усопшихъ святыхъ восташа. И изшедше изъ гробъ, по воскресеніи Его, внидоша во святыи градъ, и явишася многымъ.* Всѣ же сіи вышеприведенныя свидѣтельства и примѣры не ясно ли вразумляютъ насъ, христіане, что *Воздвигій Христа изъ мертвыхъ, оживотворитъ и наша мерт-венная тѣлеса, что какъ вси о Адамъ умираютъ, такъ и вси о Христѣ оживутъ.*

Но какъ Господь нашъ — истинный Богочеловѣкъ возставилъ плоть Свою изъ гроба не такую, какова она была до воскресенія Его, а гораздо благороднѣй-шею. Плоть Его прежде была подвержена, подобно нашей, чувственности и земнымъ склонностямъ (хотя не имѣлъ первой и не послѣдовалъ послѣднимъ, но владѣлъ ими), послѣ же смерти и воскресенія чув-

ственность сія отпала и земныя склонности въ ней совершенно уничтожились. Плоть Его прежде была видима и осязаема: по воскресеніи же учинилась тончайшею—изъ земной небеснымъ Тѣломъ, изъ плотской духовнымъ—учинилась такою, что могла быть видима и осязаема отъ учениковъ Его, и невидима и неосязаема—всюду проходна; Она имѣла видъ плоти и костей, когда Чума осязавъ, имѣла видъ и духа, когда пришелъ къ нимъ Христосъ дверемъ затвореннымъ. Плоть Его была немощна, душевна, страданіямъ и смерти подвержена: въ воскресеніи же востала сильною, безсмертною, славною, духовною, прославленною, облеченною въ Божественный Свѣтъ, словомъ такою, которая способна была вознестись съ Божествомъ Сына Божія на небо, вступить въ мѣста, приличныя Ангеламъ, — духамъ безплотнымъ и сѣсти одесную Отца Небеснаго. Подобно сему востанутъ тѣла всѣхъ умершихъ человѣкъ, но востанутъ не въ такомъ видѣ, въ какомъ они находятся нынѣ отъ паденія. Нынѣ они грубы, тверды, тягостны, тлѣнны, немощны, видимы, земны, смертны, но востанутъ въ общее всѣхъ воскресеніе совсѣмъ въ другомъ видѣ: они тогда вмѣсто грубыхъ будутъ утонченными, вмѣсто темныхъ и твердыхъ просвѣтленными и всюду проходными, вмѣсто тяжелыхъ легкими, скоро парящими, такъ что въ одно мгновеніе ока они отъ всѣхъ странъ вселенныя, якоже орли, соберутся предъ престолъ Божиимъ; они будутъ вмѣсто тлѣнныхъ нетлѣнными, вмѣсто немощныхъ сильными, вмѣсто видимыхъ невидимыми для тѣлесныхъ очей, вмѣсто земныхъ духовными, вмѣсто смертныхъ безсмертными. И при всей такой перемѣнѣ своей они будутъ не привидѣніями какими

или зракомъ, и не духами, а истинными тѣлами только духовными, имѣющими видъ тѣхъ же чело-вѣковъ, такъ что въ то время каждый изъ насъ можетъ узнать другъ друга, какъ и Апостолы узнали Христа по воскресеніи Его. Ибо Апостолъ Павелъ, свидѣтельствуя о воскресеніи мертвыхъ, говоритъ: *смется теперь тѣло въ тлѣніе, востаетъ въ нетлѣніи: смется въ немощи, востаетъ въ силѣ: смется тѣло душевное - плотское, воспрянетъ тѣло духовное. Есть тѣло душевное, и есть ~~тѣло~~ духовное.* Вотъ какое будетъ наше воскресеніе! И въ сей-то перемѣнѣ будутъ участвовать не только умершіе отъ начала міра, но и живые. Ибо и живые, имѣющіе дожидаться второго славнаго пришествія Христова, не умрутъ въ то время, ибо тогда не будетъ наружной смерти. Но такъ какъ невозможно будетъ имъ вступить съ грубою плотію своею въ духовное царство; то, вмѣсто наружной смерти, когда живые, подобно какъ и мертвые, услышатъ трубный гласъ Ангельскій, воспрянувъ какъ бы отъ сна, увидятъ тогда себя совершенно въ другомъ образѣ, въ другихъ чувствованіяхъ. Ибо живые, хотя въ то время не умрутъ, однако измѣнятся: *все не успнемъ*, говоритъ Апостолъ, *все же измѣнимся.* Сіе грубое тѣло, какъ толстая одежда, спадетъ тогда и сдѣлается утонченнымъ, чувственность вся исчезнетъ, плотскія похоти уничтожатся, страстныя склонности перестанутъ дѣйствовать, и живые безъ смерти увидятъ на себѣ смерть, и не умерши увидятъ себя новыми чело-вѣками, то есть духовными. Ибо тѣла, отложивъ плотскія склонности, скинувъ съ себя чувственность и тлѣніе, учинятся духовными, всюду проходными и способными къ вѣчному пребыванію въ духовномъ

царствѣ. Всѣ мертвые въ такомъ видѣ—въ видѣ духовномъ воскреснуть. Всѣ воскреснуть, по увѣренію блаженнаго Августина, въ своемъ полѣ — мужи въ мужескомъ, жены въ женскомъ, только безъ всякихъ плотскихъ вожделѣній; посему Іисусъ Христосъ и сказалъ невѣрующимъ Іудеямъ и Саддукеямъ, что *въ воскресеніи ни женятся, ни посягають, но якоже Ангели Божіи суть на небесѣхъ*. Всѣ воскреснуть и малые и великіе, въ полномъ возрастѣ: ибо въ духовномъ тѣлѣ, такъ какъ и въ первобытномъ, не будетъ никакого недостатка—не будетъ ни слабости младенческой, ни дряхлости старческой, ни поврежденій болѣзненныхъ. Всѣ воскреснуть, говоритъ Августинъ, съ таковымъ тѣломъ, съ каковымъ должны были бы въ совершенномъ возрастѣ быть, хотя бъ прежде тѣло было или младенческое, или отъ старости одряхлѣвшее: ибо тогда какъ въ разумѣ, такъ и въ тѣлѣ не останется немощи. Всѣхъ человѣковъ тѣла въ воскресеніи и по возрасту и по цѣлости будутъ совершенныя, только или въ свѣтъ Божій, или въ адскую тьму облаченныя, то есть опредѣленныя или къ вѣчному блаженству или къ вѣчному мученію, смотря потому, какія свойства онѣ могутъ принять на себя: *да приметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага или зла*, говоритъ Апостолъ Павелъ. Для продолженія же бытія ихъ тогда не будутъ нужны тѣ средства, которыя теперь потребны для поддержанія тѣла нашего: *Брашна чреву, а чрево брашномъ: Богъ же и сіе и сія упряднитъ*.

Братія! видѣли вы изъ сказанной бесѣды, что непременно будетъ воскресеніе мертвыхъ, котораго все мы чаемъ или ожидаемъ, — будетъ возстаніе тѣлъ

нашихъ. Воздвигій Христа отъ мертвыхъ воздвигнетъ и наше мертвенное тѣло живущимъ духомъ Его въ насъ. Посему, христіанинъ, тѣло твое, которое паки нѣкогда должно востать изъ праха, представляй жертву живу, святу, благоугодну Господеви, да преобразитъ Онъ нѣкогда оное, яко быти ему сообразну тѣлу славы Его. Храни его въ чистотѣ и святыни, какъ жилище Духа Святаго въ настоящей жизни и имѣющее озариться славою въ будущей. Да не скорбимъ, братія, о умершихъ друзьяхъ и кровныхъ нашихъ, — смерть есть только краткая разлука, но настанетъ часъ, егда Богъ умершія во Іисусѣ приведетъ съ Нимъ, настанетъ часъ всеобщаго воскресенія, которое паки соединитъ всѣхъ, разлученныхъ смертію временною.

Іерей.

Предъ Плащаницею.

„Совершилось“... Таковъ былъ послѣдній глаголъ Христовъ съ высоты голгоѣскаго креста.

Совершилось величайшее дѣяніе правды и милости Божіей; совершилось величайшее дѣло неправды и немилосердія человѣческаго. Тотъ, Кто никому не сдѣлалъ ни малѣйшаго зла; Тотъ, чья жизнь и въ словѣ и въ дѣлѣ была только добромъ для всѣхъ,— преданъ, поруганъ, избитъ, осужденъ, распятъ на крестѣ и умеръ. Вотъ что совершила злоба человѣческая. И это преступленіе было столь ужасно, что даже бездушная природа предъ нимъ содрогнулась: солнце померкло, земля потряслась, камни разсѣлись... (Мтѣ. XXVII, 45, 51).

Но премудры пути Господни: въ этомъ величайшемъ проявленіи злобы человѣческой открылась величайшая любовь Божія къ человѣку. Не напрасно Христосъ умеръ: Онъ на сіе и пришелъ, чтобы всѣхъ привлечь къ Себѣ, всѣхъ спасти (Іоан. XII, 27, 32). Праведникъ пострадалъ за грѣшниковъ, чтобы и ихъ сдѣлать сынами Божіими, чтобы и имъ отверзаты врата рая, загражденныя грѣхомъ Адама. Онъ душу свою положилъ за всѣхъ людей, Онъ разрушилъ царство діавола, Онъ примирилъ человѣка съ Богомъ. Своею

смертію Онъ совершилъ все то, что требовалось правосудіемъ Божиимъ.

Поэтому и бессильно было надъ Нимъ владычество смерти. Сошедъ во адъ и разрушивъ его силу, Онъ воскресъ со славою, Онъ далъ вѣрующимъ въ Него право радостно восклицать: смерть, гдѣ твое жало? адъ, гдѣ твоя побѣда? Погложена смерть побѣдою. (1 Кор. XV, 55. 54).

Совершилось... Побѣждена смерть... Воскресъ Христосъ, ея Побѣдитель...

Зачѣмъ же нынѣ Онъ снова лежитъ бездыханный предъ нами? Зачѣмъ наши взоры туманятъ печалью эти погребальныя пелены? Зачѣмъ наше сердце терзаютъ эти язвы? Зачѣмъ Святая Церковь омрачаетъ нашъ духъ напоминаніемъ смерти, завершившейся славнымъ воскресеніемъ?

Не излишне, братіе, сіе напоминаніе и не безъ великой премудрости оно совершается. Воскресъ Христосъ, открылъ человѣку входъ въ царство небесное, свободилъ его отъ грѣха, проклятія и смерти. Но человѣкъ забываетъ объ этомъ, ему жаль разстаться со грѣхомъ, онъ не рвется изъ объятій смерти и ада, онъ снова и снова, безпрестанно творить то, за что его ожидаетъ проклятіе Божіе. И то, что творилось ХІХ вѣковъ тому назадъ тамъ, въ Іерусалимѣ и на Голгоѣѣ, творилось и во всѣхъ послѣдующіхъ вѣкахъ, творится и въ наши дни, если еще не хуже. Правда, нѣтъ уже того Іуды, который предалъ Христа; но не подражаемъ ли мы этому несчастному, когда, нося имя Христова, заповѣди Его не соблюдаемъ? Нѣтъ Каіафы, жестокосердо назначающаго смерть одному за другихъ; но чѣмъ лучше его мы, когда готовы несчастія и мученія на-

шихъ ближнихъ использовать для своего благополучія? Нѣтъ Пилата, умывающаго руки при осужденіи невиннаго: но не его ли единомышленниками являемся мы, когда безмолвно и равнодушно взираемъ на угнетенія невинныхъ и слабыхъ, коихъ мы могли бы защитить? Нѣтъ толпы, яростно требующей распятія; нѣтъ воиновъ, біющихъ тростію, возлагающихъ терніе, пригвождающихъ ко кресту: но не распинаемъ ли мы сами Христа, не наносимъ ли мы Ему еще тягчайшія язвы своими безчисленными беззаконіями и преступленіями, своею неблагодарностію Тому, Кто язвенъ былъ за грѣхи наши, умеръ для нашего спасенія?

Вотъ о чемъ, братіе, хочеть напомнить намъ нынѣ Святая Церковь. Вотъ для чего она полагаетъ предъ нашими взорами сіе пречистое тѣло. Вотъ о чемъ поразмыслить призываетъ она насъ въ преддверіи праздника Свѣтлаго Христова Воскресенія.

Пусть же, братіе, нынѣ, предъ этимъ образомъ тѣла Христова, совершится съ нами то, что было въ часъ смерти Христовой. Пусть померкнетъ ослѣпляющее насъ солнце нашего себялюбія и гордости; пусть потрясется раскаяніемъ душа наша отъ множества содѣянныхъ ею беззаконій; пусть распадется наше каменное сердце и замѣнится сердцемъ, полнымъ любви къ Богу и ближнимъ. Пусть изъ глубины души нашей раздастся вопль разбойника покаявшагося: помяни мя, Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ! Аминь.

Профессоръ свящ. В. Зыковъ.

„Власть ключей“.

Церковно-историческій очеркъ.

Движимый Божественной силой любви Апостолъ Іоаннъ приходитъ съ евангельскимъ благовѣстіемъ въ Смирну. Проведя немного времени въ этомъ городѣ, онъ особенно отличилъ своимъ вниманіемъ одного юношу. Отправляясь изъ Смирны, апостолъ говорить епископу смирнскому:

— этого я ввѣряю тебѣ съ особенною заботливостью, свидѣтельствуясь предъ церковью и Христомъ.

Прошли годы. Епископу не удалось сохранить въ правой вѣрѣ и христіанской жизни этого юношу: послѣдній, омрачившись злыми удовольствіями обыденной жизни, съ ступени на ступень дошелъ до низинъ грѣха—сталъ разбойникомъ...

Іоаннъ опять въ Смирнѣ. Прежде всего онъ вспомнилъ объ юношѣ, оставленномъ на попеченіи епископа: гдѣ онъ, что онъ?

Епископъ, глубоко вздохнувъ, говорить:

— онъ умеръ.

— Какъ и какою смертью?

— Умеръ для Бога, сдѣлался грѣшникомъ; разбойникомъ.

Старецъ, апостолъ Іоаннъ, беретъ коня и мчится

въ горы искать заблудшаго. Добрался до него: въ станъ разбойниковъ.

Тотъ юноша, теперь предводитель разбойниковъ, все потерялъ въ своей душѣ: одно сохранилось—ему стыдно апостола. И онъ бѣжитъ прочь.

— Зачѣмъ, сынъ мой, бѣжишь отъ меня, твоего отца и старца? Есть еще надежда жизни; я берусь отвѣчать за тебя предъ Христомъ: остановись. Вѣруй. Покайся. Христосъ пріемлетъ кающагося.

Дрогнуло сердце юноши: слезами раскаянія онъ примиряется съ Церковью, и утѣшенный апостоломъ, идетъ подвигами заглаждать грѣховный налетъ паденій...

Это трогательное, всеобдержанное преданіе Церкви указываетъ, что весь процессъ духовной жизни по смыслу Новаго Завѣта есть *покаяніе*: „если говоримъ, что не имѣемъ грѣха,—обманываемъ самихъ себя, и истины нѣтъ въ насъ. Если исповѣдуемъ грѣхи наши, то Онъ, будучи вѣренъ и праведенъ, проститъ намъ грѣхи наши и очиститъ насъ отъ всякой неправды“.

Покаяніе ведетъ къ святости.

Это совершенно понятно православному христіанину, который знаетъ, что человѣческая природа склонна къ грѣхопаденіямъ, но благодатью Святого Духа эта же природа способна къ возстаніямъ, которыя и совершаются въ таинствѣ покаянія: отсюда необходимость таинства покаянія и, какъ фонъ его, покаянное чувство на всю жизнь.

Подобное, единственно истинное міропониманіе не пріемлется и даже отвергается протестантизмомъ и раціоналистическими сектами.

Почему? Церковь—святая. Не вдумавшись и не по-

нявши въ чемъ святость церкви, протестанты и протестантствующіе (а таковы сектанты) пытаются учить, что покаяніе, какъ таинство, многократно дарующее прощеніе кающимся, не должно быть въ церкви, ибо послѣ крещенія, а у сектантовъ послѣ духовнаго возрожденія, человѣкъ не можетъ грѣшить. Свое заблужденіе они пытаются обосновать указаніемъ на жизнь Церкви II и III вв., когда по ихъ мнѣнію всѣ члены Церкви были святые, а согрѣшившіе извергались вонъ.

Подобныя мысли—во-первыхъ—ложь, во-вторыхъ—ложь, въ третьихъ—ложь.

Обращаясь къ историческимъ церковнымъ памятникамъ той эпохи, мы можемъ представить, сущность святости Церкви.

Церковь, какъ организмъ, въ своемъ видимомъ проявленіи зиждется на законахъ нормальнаго общечеловѣческаго развитія.

Каждое, чисто человѣческое общество на первыхъ порахъ своего существованія, всегда не великое по количеству членовъ, обладаетъ наибольшимъ воодушевленіемъ ихъ и наименьшимъ, точнымъ формулированіемъ своихъ основъ, которыя ясно выступаютъ только у выдающихся умовъ того времени.

Подобно этому и Церковь первые шаги своего бытія на землѣ ознаменовала наибольшою святостію своихъ сыновъ; но тѣ, кто являлись выразителями и проводниками ученія и благодатной силы Христа,—пастыри зовутъ къ покаянію: „всѣмъ кающимся Господь прощаетъ, если они возвращаются къ единенію Божію и къ собору епископа. Вѣрую благодати Іисуса Христа, который разрѣшитъ отъ васъ всякія узы“. (Св. Игнатій Богон.).

Земная жизнь—время покаянія, ибо послѣ смерти нѣтъ уже возможности покаяться; „тогда люди уже горшки, поставленные въ печь, которыхъ поздно поправлять“.

Такимъ образомъ, идея покаянія, а не неподвижной святости, была и въ первенствующей Церкви.

Только тогда болѣе строго было отношеніе къ грѣхамъ, потому что, особенно во времена гоненій, близко было сердцу каждаго христіанина второе пришествіе Христа. Но при всемъ томъ святость отдѣльнаго чело-вѣка не была равносильна святости Церкви, что можно видѣть изъ сочиненія „Пастырь“ Святого Ерма. У него есть характерная фраза, что благодать Христова дается совершенствующимся, которыхъ онъ именуетъ: „святимъ согрѣшившимъ“. Да и самый греческій терминъ *agios* (свѣтой, безпорочный) прилагается къ Церкви, а свѣтой, какъ означеніе вѣрующаго во Христа, начертывается какъ *catharos* (свѣтой, очищенный). Святость каждаго христіанина разумѣется, какъ стремленіе къ святости чрезъ покаяніе...

Но и въ жизнь первенствующихъ христіанъ вросло сѣмя сатаны, ложное пониманіе святости. Ядъ этой лжи на порогѣ III вѣка внесли монтанисты. Самъ Монтанъ, Прискилла и Максимилла стали учить, что Церковь вселенская заблуждается, допуская покаяніе, ибо ему, Монтану, открыто Параклетомъ (Божій Духъ, по ученію монтанистовъ) больше Христа и лучше. Монтанисты учили, что Параклетъ отмѣняетъ Христа, начиная новое царство духовное, а Церковь—есть царство душевное. Эти люди находятся въ прельщеніи отъ духа злобы: „кто лжець если не тотъ, кто отвергаетъ, что Іисусъ есть Христосъ? Это—антихристъ, отвергающій Отца и Сына“. (Іоан. Богосл.).

Монтанизмъ былъ осужденъ.

„Вѣрующіе начали часто и во многихъ мѣстахъ Азіи собираться, и, изслѣдовавъ новое ученіе, объявили его нечестивымъ и отвергли, какъ еретическое: тогда,—преданные ему—отлучены были отъ Церкви“. (Евсевій).

Такъ было поступлено съ новоявленнымъ сектантскимъ явленіемъ, потому что Церковь экстаза не признаетъ, какъ не совмѣстимаго съ благодатью Святаго Духа. Но гибельность монтанизма была не только въ экстастическомъ, одержимомъ состояніи его послѣдователей, а и въ томъ, что они выдѣляли изъ своей среды ложныхъ пророковъ, такъ называемыхъ „духовныхъ епископовъ“, которые не только замѣняли Богомъ учрежденную іерархію, но и властвовали надъ нею, уча, что власть прощать грѣхи принадлежитъ имъ, монтанистическимъ пророкамъ, какъ непосредственнымъ пріемникамъ силы Параклета. Здѣсь Церковь вступила съ ними въ борьбу, ибо ихъ лжеученіе подрывало самую основу жизни христіанской—покаянія чрезъ таинства, совершаемыя епископами и пресвитерами. Одно время на сторону монтанистовъ сталъ даже самъ Тертулліанъ, хотя въ лучшемъ своемъ сочиненіи „De pudicitia“ онъ опровергаетъ свои же собственныя мысли, когда называетъ ученіе Параклета новой вѣрой. И Тертулліанъ, и тѣ, кто были склонны къ Монтанизму, указывали на мучениковъ, имѣющихъ власть отпускать грѣхи. До чего беззастѣнчиво было это „киваніе“ на мучениковъ въ такомъ святомъ дѣлѣ, что одинъ церковный писатель съ сарказмомъ спрашиваетъ монтанистовъ: „кто кому отпускаетъ грѣхи? Пророкъ мученику прощаетъ грабежи? Или мученикъ пророку корыстолюбіе?“ (Аммоній).

Роль мучениковъ въ Церкви была только иная: они ходатайствовали за грѣшниковъ о прощеніи послѣднихъ.

Самое же отпущеніе грѣховъ совершалось въ таинствѣ покаянія отъ руки епископа или пресвитера, которымъ, и имъ только, дана Христомъ власть врачевать грѣхи. „Цѣль жизни человѣка поставляется въ очищеніи отъ грѣховныхъ склонностей, въ совершенствованіи нравственномъ и даже физическомъ“. (Климентъ Александрійскій).

„Обратившіеся изъ язычества и прежней жизни къ вѣрѣ однажды получаютъ прощеніе. Согреѣшившій же послѣ того, каясь, долженъ стыдиться, хотя бы и получалъ прощеніе. Истинное покаяніе, духовное возрожденіе бываетъ тогда, когда человѣкъ не возвращается къ прежнимъ грѣхамъ“. (Онъ же).

Другой, знаменитый учитель Церкви, Оригенъ, также признаетъ необходимость покаянія. Въ притчѣ о неводѣ, онъ говоритъ: „въ настоящемъ вѣкѣ, т. е. неводѣ, и добрые и злые находятся вмѣстѣ“.

Знаменательны его слова, роднящіе его съ ученіемъ Св. Ермы, которыя ясно указываютъ на одинаковость міровоззрѣнія церковнаго и во II в. и въ III в.: „которые не святы, умираютъ во грѣхахъ своихъ, а которые святы, тѣ приносятъ раскаяніе во грѣхахъ; знаютъ о своихъ ранахъ и о своихъ паденіяхъ, ищутъ священника, просятъ врачества и очищенія чрезъ первосвященниковъ (епископа); *ибо святъ тотъ, кто при помощи первосвященника заботится о грѣхѣхъ*“. При условіи раскаянія всякій грѣхъ прощается, потому что Церковь не есть общество экстатическихъ людей, а лечебница для больного грѣхомъ человѣчества.

Власть примѣнить это врачество, покаяніе, имѣютъ епископы и пресвитеры. „Прощеніе грѣховъ людямъ дается чрезъ людей же и только въ Церкви“. (Оригенъ). Власть ключей у епископовъ.

Давая комментарий на евангельскій текстъ, гдѣ говорится о врученіи Христомъ апостолу Петру власти ключей, Оригенъ говоритъ: „смотри, какую власть имѣетъ скала, на которой основана Христомъ Церковь. И всякій говорящій: „Ты—Христосъ, Сынъ Бога Живаго“,— имѣетъ твердое значеніе, какъ бы въ немъ Богъ судилъ, чтобы врата адовы не преодолѣли его при осужденіи. Поэтому, занимающіе мѣсто епископа переносятъ на себя это изреченіе Господа и, получивши отъ Спасителя ключи царства небснаго, учатъ, что все осужденное ими на землѣ, связано на небесахъ и получившее отъ нихъ прощеніе на землѣ, разрѣшается въ небѣ“...

Такъ III в. жизни Церкви твердымъ словомъ учителя Церкви утверждаетъ власть ключей у Православной іерархіи.

Покаяніе, какъ таинство, является жизненнымъ нервомъ христіанъ, для которыхъ Церковь есть путь къ Святости, даруемой не экстатическимъ самооткровеніемъ, а возрожденіемъ многократнымъ въ благодатныхъ струяхъ Святого таинства покаянія.

Любовь Христа Спасителя, главы Церкви Вселенской, Православной подвигла нѣкогда апостола Іоанна привести къ покаянію заблуждающагося, эта же любовь двигаетъ души православныхъ тоже къ покаянію предъ лицомъ свидѣтеля Христова, смиреннаго священника или епископа, которому отъ Христа дана власть ключей; и этой власти врата ада не одолѣютъ!

Священникъ **Василій Тарасовъ.**

Море житейское.

Что иное есть жизнь наша, какъ не бурное широкое море, волнуемое силою различныхъ вѣтровъ, гдѣ кораблець души моея каждый день подверженъ волненію и я, убогій пловецъ, испытываю отъ сего безпокойства, страхи и скорби. Нѣтъ въ моей жизни ничего постояннаго, какъ и на морѣ бурливомъ не бываетъ постоянства. То переживаю скорби, то радости, то надежды, то разочарованія. Но, конечно, скорбей и заботъ приходится переживать несравненно болѣе, чѣмъ радостей жизни и утѣшеній. Ибо, когда благопріятствуютъ мнѣ дѣла, тогда не достаетъ здоровія; а когда здоровъ, не достаетъ чего-либо другого. Если богатъ, то много искушеній, а бѣденъ—трудно живется... Ищу въ мірѣ счастья и довольства, но найти таковыхъ вполнѣ не могу. Когда воображаю, что будто я уже достигъ желаемаго, тогда снова долженъ бываю начинать теченіе свое, ибо то, что мною достигнуто, не удовлетворяетъ меня вполнѣ, не даетъ сладкаго покоя духу моему. И вотъ опять начинаю исканіе, опять—стремленіе... Живу и вижу, что все проходитъ, все исчезаетъ, все разрушается предъ очами моими. Цвѣтущая молодость дѣлается со временемъ дряхлою старостью; красота и здоровье—увядаютъ;

богатство и слава проходятъ, и великіе умы изживаются... Что люблю, то уходитъ отъ меня; чего желаю, не получаю; а чего страшусь, то сбывается... Съ того времени, какъ я вступилъ въ міръ большей уже части жизни нѣтъ, которую ранѣе видѣлъ. Нѣтъ уже многихъ моихъ близкихъ лицъ и друзей, образы которыхъ такъ глубоко запечатлѣлись въ сердцѣ. Они уже отошли въ домъ вѣчности и почили въ мирѣ отъ трудовъ своихъ. Новыя дѣйствующія лица явились на сцену жизни, да и они со временемъ уйдутъ, уйду также и я. Таковъ ужъ общій удѣлъ настоящей жизни. *Человѣкъ, яко трава дніе его, яко цвѣтъ сельный, тако отцвѣтетъ: яко духъ пройдетъ въ немъ, и не будетъ и не познаетъ ктому мѣста своего* (Псал. 102 ст. 15—16). Все мірское вынужденъ тогда я буду оставить; возьму же съ собою только однѣ добродѣтели, ежели упражнялся въ нихъ.

Вотъ въ краткихъ чертахъ жизнь моя. Такова она была доселѣ, такова и впредь будетъ. Доколѣ проживу на землѣ—суета, непостоянство и заботы будутъ всегдашнимъ моимъ жребіемъ. Въ каждый новый день буду снова испытывать безпокойства и непостоянства сей жизни. Здравіе, коимъ я теперь наслаждаюсь, къ вечеру можетъ обратиться въ смертную болѣзнь. Вкушаемый мною теперь покой чрезъ часъ можетъ исчезнуть. Надежда, которою я теперь живу, близка уже можетъ быть къ той минутѣ, когда сдѣлается совсѣмъ тщетною. Умиленное сердце мое можетъ при мірскомъ шумѣ скоро ожесточиться. Все счастье можетъ быть утреннею росой... И вѣрны слова Премудраго: *суета суетствій, всяческая суета — жизнь человѣческая.*— „Это непостоянное море, мимотекущій потокъ, неуго-

вимое сновидѣніе, собраніе водъ, колеблемое волнами“¹⁾...

Для чего же вотъ я живу и тружусь? для чего подвергаюсь волненіямъ жизни? для чего переношу скорби, горести и нужды? Ужели тамъ за предѣлами гроба ничего болѣе и не существуетъ и мое личное бытіе окончится смертію? Весьма былъ бы я несчастенъ, если бы сталъ ограничивать жизнь однимъ только настоящимъ, не взирая на будущее. Не вырази́мо былъ бы я жалокъ, если бы не имѣлъ живой вѣры Христовой и свѣтлой надежды на лучшее будущее. Я погибъ бы въ морѣ жизни, мой корабль разбился бы въ пути. Но благодареніе Господу: я, по милости Божіей, имѣю въ своемъ сердцѣ живую вѣру въ Господа, и живу надеждами на лучшее будущее. *Вѣрую видѣти благая Господня на землѣ живыхъ* (Псал. 26, 13). И эта-то живая вѣра въ Господа и сглаживаетъ всѣ неровности жизни, претворяетъ горести въ сладости, и даетъ мнѣ временами минуты сладкаго покоя и утѣшенія. Безъ вѣры я былъ бы самый несчастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, тогда какъ съ вѣрою я могу назвать себя и счастливымъ человекомъ, нелишеннымъ у Господа милостей и благодатныхъ утѣшеній. Живая вѣра уясняетъ мнѣ самый смыслъ непостоянства и коловратности сей жизни, и даетъ отвѣты на всѣ недоумѣнные вопросы. Ты живешь,—говоритъ она—не для себя, собственно, а для Бога; и существуешь не для этой только жизни, а болѣе для будущей. Ты здѣсь странникъ и пришлецъ, твое настоящее отечество небо, туда ты и долженъ

¹⁾ Св. Василиій Великій. Томъ 4-й Утѣшеніе больному.

стремиться. Господу угодно было даровать тебѣ жизнь, почитать тебя Божественнымъ Своимъ образомъ, отличить тебя свободою и разумомъ, и указать тебѣ правый путь жизни, ведущій къ вѣчнымъ благамъ, чтобы ты, будучи существомъ разумнымъ и свободнымъ, могъ свободно и не принужденно слѣдовать по нему, и быть въ постоянной любви и благодарности къ своему Создателю. Но такъ какъ ты, послушавши лукаваго совѣта діавола, въ лицѣ своихъ праотцевъ отпалъ отъ любви Создателя, вступилъ на путь грѣха, ведущій въ погибель, и зашелъ въ непроходимыя дебри, откуда уже не было для тебя никакой надежды на спасеніе, то взыскать и спасти тебя отъ конечной гибели пришелъ на землю Самъ Творецъ твой и Создатель, нарекшій Себя пастыремъ Добрымъ, и, нашедши тебя въ горахъ, вдали отъ мѣста истинной жизни, какъ заблудшую овцу, взялъ на рамо Свое, принесъ къ Отцу Своему и снова поставилъ тебя на правый путь жизни. Отъ тебя теперь зависитъ засвидѣтельствовать свою любовь къ твоему Спасителю и Господу вѣрнымъ соблюденіемъ Его заповѣдей. *Аще кто любитъ Мя, слово Мое соблюдаетъ* (Іоан. 14, 23)—сказалъ Онъ. И если ты, по сердечной любви къ Господу, пребудешь вѣрнымъ Ему рабомъ, право шествуя путемъ спасенія, то будь увѣренъ *аще и умрешь, оживешь*, — по слову Его, и удостоишься великихъ и неизреченныхъ благъ въ жизни будущей. *Ибо грядетъ часъ, въ онъ же вси сущіи во гробѣхъ услышатъ гласъ Сына Божія и услышавше оживутъ. И изыдутъ сотворшій блага въ воскрешеніе живота, а сотворшій злая въ воскрешеніе суда.* (Іоан. 5, 25—29). Такъ изрекъ Господь Своими пречистыми устами, такъ и бу-

деть, ибо слово Его—истина. *Себе отвергнися не можеть...* Живая вѣра научила меня обращаться съ молитвою къ своему Творцу, испрашивать у Него необходимыхъ благъ жизни и, въ сердечной скорби, возвѣщать Ему всѣ печали мои. И сколько я, грѣшный и послѣднѣйшій человѣкъ, чрезъ усердную и смиренную молитву получилъ отъ Господа помощи, подкрѣпленія и утѣшенія въ жизни! Сколько испытать на себѣ милостей и щедротъ Божіихъ!—И не перечесть сего. Живая вѣра соединила меня съ Церковью, показала въ ней богатое сокровище духовное, и заставила полюбить ее сердечно, какъ свою родную мать. Живая вѣра учитъ меня не пристращаться особенно къ міру, не любить того, что есть въ мірѣ; но взирая на непостоянство и скоротечность сей жизни, и на непрочность человѣческаго счастья,—помышлять о будущей жизни и искать болѣе того, что прочно и неизмѣнно. Живая вѣра побуждаетъ меня на добрыя дѣла, на богоугодную жизнь, на любовь къ ближнимъ,—хотя и долженъ признаться, что я далекъ отъ всего добраго: грѣшенъ бо есмь предъ Господомъ вся дни живота моего... И много другихъ благъ, какъ душевныхъ, такъ и тѣлесныхъ, обрѣлъ и обрѣтаю я у Господа чрезъ посредство живой вѣры и надежды. Живая вѣра,—это какъ бы тихая пристань среди бурнаго житейскаго моря.

И такъ, не унывай, душа моя, волнуемая бурями различныхъ страстей: ты вѣруешь въ Господа и Онъ тебѣ Помощникъ. Далеко отрывай отъ себя всѣ помышленія сомнительныя и утверждайся сердцемъ въ Господѣ. И хотя плаваніе твое опасно, и волненія временами велики, но и Кормчій твой надеженъ и по-

мощь Его всегда близка. Скажетъ Онъ слово и буря утихнетъ; запретить морю и волненіе перестанетъ. Ему ввѣрь кормило своего корабля, на Него положишь всецѣло и Онъ управить путь твой въ мирѣ, и ты переплывешь море жизни благополучно. На концѣ же пути, когда блеснетъ тебѣ свѣтлый лучъ спасенія, когда осіяетъ тебя чудный свѣтъ желанной страны и когда на встрѣчу тебѣ будутъ посланы отъ Господа свѣтлые и радостные небожители, ты возрадуешься тогда радостью великою и позабудешь всѣ скорби и тревоженія сей жизни.

Пловецъ.

Весеннія думы.

Опять воскресаетъ природа,
Повѣяло снова весной,
Синѣетъ лазурь небосвода
Надъ снова ожившей землей.
И таетъ покровъ ея снѣжный,
Сбѣгая потоками съ горъ,
И видъ первой зелени нѣжной
Ласкаетъ и радуетъ взоръ,
Опять пробудилась природа
Отъ долгаго зимняго сна...
Но въ сердцѣ у всѣхъ ли свобода?
Но въ сердцѣ у всѣхъ ли весна?
И ледъ себялюбія злого,
И выюги грѣховныхъ страстей,
И холодъ сомнѣнья пустаго—
Не такъ же ли губятъ людей?
О если бъ сердца оживились
Любви животворнымъ тепломъ,
О если бы всѣ озарились
Божественной правды лучемъ!
О если бы сѣмя святое
На добрую почву легло
И каждое сердце людское
Посильный свой плодъ принесло;

О если бъ добро расцвѣтало
Подобно весеннимъ цвѣтамъ,
И зло на землѣ миновало
Холоднымъ подобно вѣтрамъ;
О если бъ побольше привѣта---
Не столько бы было скорбей,
Но мало небеснаго свѣта,
Но мало тепла у людей;
 Попрежнему сумракъ духовный
 Царить надъ застывшей землей,
 И снѣгъ засыпаетъ грѣховный
 Тропинку къ отчизнѣ святой.
И вихремъ крутятся ослѣпляетъ
Идущихъ тѣмъ труднымъ путемъ,
И часто фальшиво скрываетъ
Рытвины и камни на немъ.
 Ужъ сколько вѣковъ оживала
 Природа отъ зимняго сна
 И людямъ безмолвно вѣщала
 О мирѣ и правдѣ она!
О если бъ любовь побѣдила,
О если бъ разсѣялась тьма...
Но въ мірѣ все такъ же уныло,
Но въ мірѣ все та же зима.
 Когда же пороковъ не станетъ—
 Вторично падеть сатана,
 И вѣчная правда настанетъ
 И вѣчная будетъ весна?!...

* * *

Сѣмя Божіе въ христіанскихъ страхахъ.

Однажды Господь сказалъ Своимъ ученикамъ такую притчу: „Вышелъ сѣятель сѣять сѣмя свое; одно сѣмя упало на дорогу, было скоро потоптано прохожими и поклѣвано птицами; другое пало на каменистую почву и, не имѣя влаги, скоро засохло; третье—пало въ тернія и начало было расти, да тернія заглушили его, и только четвертое сѣмя упало въ хорошую почву и принесло плодъ сторицею“ (Лк. 8, 5—8).

Не поняли этой притчи ученики Христовы и стали спрашивать, что она означаетъ? Спаситель объяснилъ её такъ: — „сѣятель, это Самъ Господь, сѣмя — Слово Божіе, земля, куда падаетъ сѣмя — души человѣческія“. Неодинаково онѣ воспринимаютъ Слово Божіе; разнообразны и тѣ послѣдствія, къ какимъ приводитъ самое сѣяніе. Сѣмя, павшее при пути“, объяснилъ Спаситель, „это такіе люди, у которыхъ діаволъ скоро похищаетъ слышанное“ Слово Божіе, и оно посему, не приноситъ плода. „Сѣмя, павшее на каменистую почву, это тѣ, которые слушаютъ его и съ радостію принимаютъ; но они не имѣютъ корня, или влаги“, по Евангелію, „и временемъ вѣрують, а во время искушенія отпадаютъ. Третье сѣмя, павшее въ тернія, это тѣ, которые слышатъ Слово Божіе, но, отходя, заботами,

богатствомъ и наслажденіями житейскими подавляются и не приносятъ плода. А павшее на добрую землю, это тѣ, которые, услышавъ Слово, хранятъ его въ добромъ и чистомъ сердцѣ и приносятъ плодъ въ терпѣніи“ (Лк. 8, 11—65).

Такъ разнообразны души человѣческія, и такъ различно относятся онѣ къ принятію и храненію Слова Божія. Но такое разнообразіе не есть удѣлъ только сердець отдѣльныхъ личностей; его можно замѣтить въ духовной жизни и цѣлыхъ народовъ. Каждый и изъ этихъ послѣднихъ имѣетъ свою религіозно-нравственную фizioномію, свою, ему только свойственную, черту въ воспріятіи и храненіи Слова Божія. Посмотрите, сколько народовъ принимаетъ участіе въ современной намъ войнѣ, и почти всѣ они — христіане; но христіане разнаго имени и вѣроисповѣданія: одни — православные, другіе — католики, третьи — протестанты, а четвертые — англикане. И такое дѣленіе нельзя назвать только номинальнымъ, внѣшнимъ. Нѣтъ, оно коренное, внутреннее. Основу его надо искать не въ самолюбивомъ притязаніи крестителей первыхъ христіанъ (1 Кор. 1, 12), а въ ихъ національныхъ особенностяхъ, въ характерѣ народной души: русскихъ, французовъ, нѣмцевъ, англичанъ и друг.

Воспользуемся хотя бы данною притчею Спасителя о сѣятелѣ! Приложимъ её къ себѣ, и къ нашимъ союзникамъ, и къ нашимъ врагамъ на полѣ современной брани! И мы увидимъ, какъ она глубоко правдива по отношенію къ нимъ; какъ будто бы и Господь, разъясняя притчу Своимъ ученикамъ, имѣлъ въ виду именно не Своихъ, а нашихъ современниковъ, ихъ отношеніе къ слышанію и храненію Слова Божія.

Итакъ! „Первое сѣмя пало на дорогу“, учить притча

„и скоро потоптано было прохожими и поклѣвано птицами“. Здѣсь, по объясненію Спасителя, сказывалось легкомысліе человѣка, сердце котораго, какъ большая проѣзжая дорога, изобиловало массою другихъ, не религіозныхъ, чувствъ, мыслей и пожеланій. Удержаться на такой почвѣ, а тѣмъ болѣе укорениться и дать плодъ, сѣмени такому нѣжному, какъ Слово Божіе, конечно, довольно трудно.

Но кого же изъ намъ извѣстныхъ народовъ напоминаетъ оно? Я думаю, не ошибусь, если укажу на нашихъ милыхъ союзниковъ французовъ. Ихъ легкомысліе столь извѣстно, что никакія возраженія послѣдняго времени, опирающіяся на якобы серьезный тонъ ихъ философіи, не помогутъ. Живость ихъ характера, любовь къ частымъ переменамъ и сравнительное непостоянство почти во всѣхъ формахъ и сферахъ ихъ жизни невольно заставляютъ дѣлать такое заключеніе. Въ нашемъ общенародномъ представленіи всѣ французы—парижане; а Парижъ, это—„второй Вавилонъ“, родоначальникъ всѣхъ легкомысленныхъ сторонъ человеческой жизни, какъ то модъ, искусствъ легкаго жанра, представитель веселья и флирта. Если въ Берлинъ у насъ ѣздили учиться, въ другіе города лѣчиться, наблюдать и любоваться, то въ Парижъ, главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобы отдохнуть и повеселиться. Отсутствіе бѣльшей или меньшей серьезности въ характерѣ французовъ, конечно, не могло не отразиться и на ихъ политической, а болѣе всего, на религіозно-нравственной жизни націи. Исторія государства послѣдняго времени, это неоднократная смѣна монархіи и республики. Исторія Церкви—увлеченіе католичествомъ и почти полное пренебреженіе къ религіи вообще. Принявши христіанство значительно ранѣе насъ и многихъ другихъ народовъ Европы, французы до сихъ поръ не заявили себя ничѣмъ въ области религіозной

жизни. И если только они произвели на свѣтъ Жанну-д-Аркъ, то, въ противовѣсъ сему, дали міру и Ренана, и Вольтера и многихъ другихъ извѣстныхъ отрицателей. Последніе же вѣка, XIX и XX, въ исторіи религіозной мысли и жизни Франціи, это время положительнаго упадка. Поклоненіе „богинѣ разума“, вышеупомянутыя имена „критиковъ, отдѣленіе церкви отъ государства и почти открытое гоненіе на неё—вотъ факты, краснорѣчиво свидѣтельствующіе о томъ, какъ сѣмя Божіе, „павшее при дорогѣ, было потоптано прохожими и поклевано птицами“, почему и не принесло плода.

Другое сѣмя, по приточному разсказу, „пало на каменистую почву и, не имѣя влаги, скоро засохло“. Это напоминаетъ нашихъ другихъ союзниковъ — англичанъ. По общепринятому взгляду на нихъ, англичане, дѣйствительно, народъ сухой, чопорный, и по своему внѣшнему виду и по своимъ душевнымъ качествамъ. Колоніи и спортъ — вотъ главный предметъ ихъ общественнаго вниманія и увлеченія: жизнь же религіозно-нравственная течетъ довольно медленно и не глубоко. Будучи раньше католиками, англичане были потомъ готовы сдѣлаться протестантами. Но это было предпринято ими такъ нерѣшительно, что, въ концѣ концовъ, англичане стали ни католиками, ни протестантами, или, лучше, тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Такъ образовалось новое направленіе въ христіанствѣ, извѣстное теперь подъ именемъ церкви Англиканской. И до сихъ поръ эта послѣдняя не заняла прочнаго самостоятельнаго положенія среди другихъ Церквей, и склоняется то на сторону православія, то на сторону старокатоличества. Переговоры о воссоединеніи, насчитывающіе за собою почти вѣковую давность, стоятъ на той же точкѣ сравнительнаго ознакомленія, съ которой и начались въ началѣ прошлаго

столѣтія. Да, по истинѣ, мало влаги, мало „корней“ въ Церкви Англиканской; поэтому и доселѣ Она не можетъ принести плода отъ сѣмени Божьяго.

„Третье сѣмя пало“, училъ Господь, „въ терніи и прозябло было и готово было принести плодъ, какъ терніи выросли и заглушили его“. Это очень характерно для христіанства нашихъ враговъ—нѣмцевъ протестантовъ. Какъ въ культурномъ отношеніи, такъ и въ области вѣры и богословія Германія стояла прежде весьма высоко. Она первая возстала противъ крайностей католичества и злоупотребленій папства, создавъ у себя въ XVII в. реформацію и породивъ протестантство. Она дала намъ болѣе всѣхъ другихъ богословскихъ системъ и теорій; разработала курсъ церковной исторіи, и сама стремилась всегда къ возстановленію Церкви временъ апостольскихъ. Почти наканунѣ войны мы превозносили Бебеля и Гарнака, съ удовольствіемъ читали въ „Церковной Правдѣ“ статью:—„Вильгельмъ—христіанинъ“ и считались съ „протестантствующимъ“ настроеніемъ нашей интеллигенціи. Такъ былъ великъ гипнозъ Германіи, самой культурной и передовой изъ современныхъ имперій! Такъ велико и заманчиво было уклоненіе нашей Православной Руси въ сторону либеральнаго и цивилизованнаго протестантства нѣмцевъ!

Но, къ счастью, такъ дѣло обстояло только до войны. Война открыла намъ глаза на очень многое, и близко познакомила насъ съ сущностью и нѣмецкой культуры и протестантскаго разлагающагося христіанства. Теперь ясно для всѣхъ, какой „христіанинъ“ нѣмецкій кайзеръ; по утрамъ, въ качествѣ пастора, онъ произносилъ полныя любви и милосердія къ ближнимъ проповѣди, а по вечерамъ,—какъ полководецъ, рѣчи о войнѣ и наказаніи враговъ; въ одной рукѣ держалъ онъ крестъ, а другою—точилъ мечъ; въ

одной странѣ насаждалъ христіанство и просвѣщеніе, въ другой разрушалъ храмы и убивалъ женщинъ и дѣтей; мнилъ себя главнымъ покровителемъ Гроба Господня въ Іерусалимѣ, и преспокойно обиралъ драгоцѣнности съ мощей и иконъ, оскверняя престолы и прочія святыни разоренныхъ странъ и областей.

Теперь въ достаточной мѣрѣ стало очевиднымъ и все лжехристіанство нѣмецкаго протестантизма. Народъ, который вмѣстѣ съ миссіонерами шлетъ и своихъ шпионовъ, съ культурою несетъ повсюду вредъ и разрушеніе, который своимъ принципомъ признаетъ открыто насиліе, ибо „необходимость оправдываетъ всё“ — хуже всякихъ іезуитовъ и очень, безмѣрно далекъ отъ настоящаго, подлиннаго христіанства. Недавніе процессы нѣмецкихъ лейтенантовъ и купцовъ, съ одной стороны, и пасторовъ, въ родѣ Ято, съ другой, показываютъ, до какой степени разложенія дошло германское общество въ своей религіозно-нравственной жизни. Всѣ же ужасы и жестокости послѣдней войны вызываютъ къ нѣмцамъ всеобщее отвращеніе. Если за послѣднее время наши богословы, или по крайней мѣрѣ многіе изъ нихъ, отказывались называть протестантское общество „Церковію“, а пасторовъ, не вѣрующихъ во Христа, „христіанами“, то война заставила и всѣхъ нѣмцевъ именовать по прежнему только „тевтонами“. Въ милитаризмъ со всѣми его ужасами оказались виновными не только пресловутое „юнкерство“, но и вся нація, не исключая передовыхъ и ученыхъ людей. И если бы Ницше живъ былъ у нихъ и теперь, въ настоящій моментъ, то онъ былъ бы далеко не единственнымъ, а только однимъ изъ всѣхъ. Да! Слово Божіе, воспринятое нынѣшними протестантами, при всемъ ихъ видимомъ желаніи, плодовъ и благихъ результатовъ не дало. Ихъ самолюбіе, тщеславіе, ханжество и лицемѣріе

послужили тѣми терніями, которыя пышно разрослись на почвѣ германизма и подавили сѣмя Божіе.

Остается сказать намъ про четвертое сѣмя, павшее, по Евангелію, на хорошую почву и принесшее свой плодъ сторицею. Оно означаетъ людей въ терпѣніи хранившихъ слышанное Слово Божіе и, по мѣрѣ силъ своихъ и способностей, исполняющихъ его. И, я думаю, не погрѣшу, если отнесу его къ своей дорогой родинѣ, къ своему родному православному народу и славянамъ вообще.

За все время христіанскаго самосознанія Св. Руси Господомъ Богомъ не мало собрано „пшеницы“ съ нивы Русской Православной Церкви. Я разумѣю Преп. Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, Сергія Радонежскаго, Сераѳима Саровскаго и сонмъ всѣхъ другихъ святителей и угодниковъ Божіихъ, просіявшихъ въ предѣлахъ нашего отечества. И всѣ они составляютъ не счастливое исключеніе только въ русскомъ православномъ народѣ, а именно цвѣтъ его, созрѣвшій плодъ на нивѣ общаго единенія и христіанской вѣры и любви. Если справедливо утвержденіе блаж. Августина, что „душа человѣка—христіанка по существу“, то это тѣмъ болѣе нужно сказать про душу русскаго человѣка. Въ ней такъ много хорошихъ чертъ и безцѣнныхъ качествъ, которыя дѣлаютъ еѣ весьма воспріимчивою къ христіанству, еоставляютъ почву вполне благоприятную для воспріятія и возвращенія въ ней сѣмени Божьяго. Гостепріимство, кротость, радушіе, терпѣніе, благодушіе и любовь, любовь ко всѣмъ, даже ко врагамъ, — вотъ золотыя стороны русской православной души. Поэтому, вполне естественно, что христіанская религія, религія любви и кротости, особенно пришлась по душѣ русскому человѣку и нашла здѣсь самыя благоприятныя условія для своего развитія и процвѣтанія. Будучи такою хорошею въ дни будничные, обыденные,

душа русскаго православнаго народа становится прекрасною въ дни бѣдъ и испытаній. „Война возродила нашу родину къ новой жизни, вызвавъ изъ ея глубинъ все прекрасное и великое. Лучшіе алмазы души народной сверкаютъ и горятъ чудеснымъ блескомъ; несокрушимой мощью и величіемъ дышитъ народъ-великанъ. Стерлись грани, раздѣлявшіе людей, забыты распри; всѣ плечо въ плечо, какъ одинъ человѣкъ, встали предъ натискомъ врага; на передовыхъ позиціяхъ, въ тылу, внутри страны—всѣ горятъ готовностію принести въ жертву и жизнь, и труды, и достояніе“. Вотъ характеристика русскаго народа послѣднихъ переживаемыхъ нами моментовъ (изъ резолюціи Московскаго уѣзднаго земства въ „Голосъ Москвы“ № 247). А кто отшлифовалъ въ народной душѣ всѣ эти алмазы и брилліанты, кто объединяетъ народъ и поддерживаетъ его въ трудныя минуты жизни, кто побуждаетъ его жертвовать на благо родины и жизнью, и трудомъ и достояніемъ, какъ не та же Православная Вѣра?

Да, по истинѣ, сѣмя Божіе пало у насъ, на Руси, на исполнѣ благопріятную почву и „хранимое“ нашимъ народомъ „въ терпѣніи“, приноситъ плодъ „сторицею“.

Храни же свою драгоцѣнную Православную Вѣру русскій народъ! Не ищи на сторонѣ, на Западѣ, удовлетворенія запросамъ и потребностямъ твоей золотой души! Тебѣ ничего не можетъ дать ни католицизмъ съ его чисто земнымъ характеромъ и иезуитизмомъ, ни разлагающеся протестантство съ такими пасторами, какъ Ято, Пирръ и проч. Посмотри, какъ далекъ твой идеалъ отъ идеала твоихъ теперешнихъ враговъ! Помни всегда, что „не въ силѣ Богъ, а въ правдѣ“, и „гдѣ любовь, тамъ и Богъ“. Это завѣщала тебѣ наша исконная народная мудрость.

Священникъ А. Заозерскій.

Духовный восторгъ.

Ничто не можетъ сравниться съ сокровищемъ духовной радости. Испытавшій эту радость уже глухъ для сладкихъ звуковъ земли. Онъ такъ полонъ духомъ, такую полнотою довольства дышетъ сердце, что тѣло живетъ какъ-бы духовно, и обычныя живому человѣку чувства голода и жажды, болѣзни и страданій, выносятся такъ легко, какъ-будто все тѣлесное замерло въ человѣкѣ.

Былъ старецъ, великій молитвенникъ и постникъ,— онъ глубоко занятъ былъ внутреннимъ самоочищеніемъ. Пищу вкушалъ онъ только два раза въ недѣлю, — хранилъ почти всегда глубокое молчаніе, избѣгалъ даже смотрѣть на людей, чтобы не разсѣяться. Онъ говорилъ о себѣ: Въ тотъ день, когда я поговорю съ кѣмъ-нибудь, невозможно бываетъ для меня сохранить правило поста по обычаю моему. Тоже и въ молитвѣ и работѣ. Въ подвигѣ молитвенномъ храненіе языка не только заставляеть воспрянуть умъ къ Богу, но и въ дѣлахъ явныхъ, совершаемыхъ съ помощію тѣла, даетъ силу для точнаго ихъ исполненія. Если-же случается стоять всю ночь и спать только немного послѣ псалмопѣнія, но быть съ неразсѣянной душой, то по пробужденіи отъ сна въ день этотъ бываю какъ-бы человѣкомъ, не принадлежащимъ къ этому міру: никакіе земные помыслы не приходятъ ко мнѣ на сердце, и цѣлый день бываю я въ восторгѣ. Бываетъ болѣе. Въ одинъ день хо-

тѣлъ я принять пишу—по прошествіи уже четырехъ дней, когда ничего не вкушалъ,—но предварительно сталъ на молитву,—совершалъ вечернюю службу до послѣдней „славы“ съ сознаніемъ, а послѣ этого пребывалъ въ молитвѣ, не зная, гдѣ я, и оставался въ такомъ положеніи, пока не взошло солнце слѣдующаго дня. И возблагодарилъ я Бога, изливающаго на челоуѣка благодать Свою [Исаака Сир. сл. подвижнич., изъ сл. 31].

О такомъ состояніи, когда тѣло какъ-бы забываетъ потребности естества, напоминаетъ жизнь Θεодора Тирона. 2 марта онъ—новобранецъ царскаго войска. По закону языческой присяги онъ долженъ былъ поклониться вмѣстѣ съ другими идолу и ѣсть жертвенное мясо. Θεодоръ отъ того и другого отказался. Тогда послѣдовалъ приказъ начальника: Если не хочетъ ѣсть жертвенное мясо, то пусть умретъ голодомъ!—и брошенъ былъ Θεодоръ въ мрачное подземелье. Прошло три дня. Начальникъ посылаетъ заключенному кусокъ хлѣба и чашку воды. Θεодоръ отказался принять посланное и сказалъ: Въ законѣ моемъ сказано, что праведникъ отъ вѣры живъ будетъ (Рим. 1, 17).—Прошелъ еще день,—Θеодоръ оставался безъ пищи. На пятый день привели Θεодора къ правителю, гдѣ всѣ стали уговаривать новобранца — перестать упорствовать. Но Θεодоръ настойчиво твердилъ одно: Отъ вѣры живъ буду!—Его опять бросили въ тюрьму, и наблюдали, что далѣе будетъ съ нимъ. А онъ, оставшись одинъ, палъ на колѣна, сложилъ крестообразно руки на груди и, вперивши вверхъ глаза, молился. Лицо его сіяло радостью, и уста воздавали хвалу Богу.—Вотъ она, сила соединенія со Христомъ

и созерцанія Христа,—сила, даруемая по мѣрѣ вѣры и терпѣнія.

Только тотъ умъ, который соединяется съ Богомъ посредствомъ вѣры, и познаетъ Его черезъ исполненіе заповѣдей, говоритъ Симеонъ, Новый Богословъ,—только такой наивѣрнѣйше сподобляется видѣть Его созерцательно,—ибо черезъ посредство вѣры вселяется Христосъ внутрь человѣка и дѣлаетъ его сбоженнымъ.

Возвращайтесь чаще ко Христу, любезный другъ,—пишетъ графъ Сперанскій своему другу С-ву,—возвращайтесь къ упражненіямъ духа, и Христосъ не замедлитъ явиться. Онъ придетъ излить Свой свѣтъ на вашъ разумъ, очиститъ чувство ваше и руководитъ вашими дѣйствіями. Вы ощутите въ себѣ силы, до сихъ поръ вамъ неизвѣстныя. Томленія ваши разсѣются, ибо Онъ придетъ не въ видѣ мысли или отвлеченнаго понятія, но столь-же дѣйствительно, столь-же физически, какъ сегодня восходящее солнце. И примѣчайте. Всякая добрая мысль и всякое доброе движеніе воли есть движеніе Христово [Іоан. 15, 5]. По мѣрѣ того, какъ вы будете примѣчать въ себѣ эти движенія, и относить ихъ ко Христу, въ васъ дѣйствующему, Онъ будетъ въ васъ возрастать, и вы достигнете того счастливаго мгновенія, когда будете въ состояніи ощутить Его съ такою живостью, что въ непостижимой для себя радости скажете: Господь мой и Богъ мой!

Возлюбленный! убѣждаетъ преп. Іоаннъ Лѣствичникъ,—помни, что гдѣ Богъ, превысшій естества, являетъ Свое присутствіе, тамъ много бываетъ вышеестественнаго [26, 5],—знай, что Богъ посѣщаетъ землю и утоляетъ жажду ея,—потокъ Божій полонъ

воды, а съ нею долины покрываются хлѣбомъ, восклицаютъ и поютъ [Пс. 64, 10—14]. Долина это — душа смиренная, которая посреди горъ трудовъ и добродѣтелей всегда пребываетъ безъ превозношенія. „Такая душа не считаетъ ничего своимъ, но все относитъ къ милости и щедрости Бога, и Богъ видимо осѣняетъ ее силою Своею“. Не постылся я, говорить Давидъ, не бдѣлъ, не лежалъ распростертымъ на голой землѣ, но смирился я, и спасъ меня Богъ [Лѣств. 25, 15].— „Солнце освѣщаетъ всѣ видимыя твари, а смиреніе утверждаетъ всѣ разумныя дѣйствія“ [25, 17]. Гдѣ истинное преданіе себя Христу въ чувствѣ искренняго смиренія, тамъ и Христосъ съ Своею всеоживляющею силою. А когда войдетъ Христосъ, „тогда пропадаютъ насилія злыхъ навыковъ, ибо Богъ нашъ — огонь поядающій [Евр. 12, 29], поядающій всякое разженье и движеніе похоти, всякій злой навыкъ, ожесточеніе и омраченіе, внутреннее и внѣшнее, видимое и мысленное [Лѣств. 26, 8], — поядающій все, что омрачаетъ и угнетаетъ душу, и лишаетъ духовной радости созерцанія Божества, или что-тоже — духовнаго восторга.

Итакъ, возвращайтесь чаще къ Христу и примѣняйтесь къ Нему, ибо соединяющійся съ Господомъ есть одинъ духъ съ Господомъ [1 Кор. 6, 17]. Примѣняйтесь ко Христу вѣрою, посвященіемъ Ему всей жизни своей, и данными Имъ таинствами. Кто таковъ, тотъ обожается духомъ Господнимъ, въ Господѣ пребываетъ и Господь въ немъ пребываетъ. Онъ выше земли, и восторгнутъ силою Духа далеко надъ ней.

Священникъ Н. Орловъ.

Въ обличеніе сектантовъ.

III.

О таинствѣ Св. Причащенія.

Вечерѣло... Солнце пряталось за ближнимъ лѣсомъ... Вѣяло прохладой... Истомленные дальней и знойной дорогой крестьянскія лошадки при видѣ жилья ободрились и на окрикъ очнувшагося отъ дремы ямщика: „эхъ, милыя“!..— взмахнули хвостами и рысцою понесли нашъ жалкій экипажъ по обильной ухабами улицѣ большого села Пан.-Кустовъ. „Вотъ и пріѣхали“; сказалъ ямщикъ, осадивъ лошадокъ у калитки небольшого домика. Во дворѣ послышался лай собачонки... Гдѣ-то скрипнула дверь, и на галлерею бодро вышелъ о. Николай. „А! милости просимъ, пожалуйста, ждемъ... ждемъ“!.. — привѣтливо проговорилъ онъ, и радостная улыбка широко осѣнила его лицо. Это былъ молодой—лѣтъ 26-ти человѣкъ. Еще на семинарской скамѣ онъ мечталъ объ академіи, но жизнь сложилась такъ, что теперь онъ священствовалъ въ одномъ изъ многолюднѣйшихъ сектантскихъ пунктовъ епархіи. Горячій идеалистъ, большой труженникъ о. Николай весь жаръ своей пылкой и богато одаренной натуры вложилъ въ дѣло миссіи среди крестьянъ. Къ тому же онъ привлекъ и свою матушку. Послѣдняя открыла въ селѣ домашнюю женскую

школу, ставшую вскорѣ школою грамоты, и сама преподавала въ ней всѣ предметы, обучая дѣвочекъ и рукодѣлю. Такъ подвизалась эта достойнѣйшая чета на церковно-приходской нивѣ. Пріѣздъ миссіонера былъ для нихъ настоящимъ праздникомъ.

Въ маленькой столовой на столѣ кипѣлъ вечерній самоваръ. Всѣ сѣли испить чайку...

„Вотъ, какъ этотъ самоваръ, такъ и жизнь у насъ въ приходахъ кипитъ... шумитъ... заговорилъ о. Николай, — только нужно намъ это кипѣніе видѣть... А такъ ли на дѣлѣ? Развѣ не слышимъ мы, какъ пастыри жалуются на скуку въ селѣ, вопятъ, что кромѣ *требъ* дѣла нѣтъ... *живого* дѣла нѣтъ! А по-моему, коли въ тебѣ самомъ жизни нѣтъ, такъ и самоварнаго кипѣнія въ людяхъ ты никогда не увидишь... Охъ, мало въ насъ этого кипѣнія..., оттого у насъ и секты пошли и смуты кругомъ“...

„Ну, завелъ опять“, — перебила о. Николая матушка, хотя она и во всемъ была согласна съ батюшкой...

За чайкомъ мы порѣшили побесѣдовать съ сектантами о *т. св. Причащенія*. Дѣло въ томъ, что многочисленная въ приходѣ молоканская община за послѣднее время ослабѣла: многіе перешли въ „баптизмъ“, многіе остановились на распутьи, нѣкоторые возвратились въ православіе. Броженіе среди сектантовъ было сильное, и „баптисты“ особенно донимали молоканъ тѣмъ, гдѣ они дѣли „преломленіе хлѣба“. Необходимо было, задержать переходъ молоканъ въ „баптизмъ“ и наглядно показать, что сами „баптисты“ имѣютъ „преломленіе хлѣба“ *самочинное* и отъ молоканъ недалеко ушли. Съ этою цѣлью мы и рѣшили пригласить на бесѣду молоканъ и „баптистовъ“.

Воскресный день. Обѣдня отошла. Народъ отобѣдалъ и передохнулъ. Въ 2 часа колокольный звонъ сзывалъ всѣхъ

на бесѣду въ мѣстный храмъ. Пришли молокане съ своимъ „пресвитеромъ“ Архиппомъ Васильевичемъ, пришли и „баптисты“ съ своимъ „архереємъ“ Андреемъ Аникитовичемъ. Общимъ хоромъ пропѣли молитву, и я началъ бесѣду.

Всѣ вы, братія, сказалъ я, говорите однимъ языкомъ; всѣ одинаково называетесь людьми русскими; всѣ имѣете одну плотскую отчизну—матушку Русь. Отрадное единеніе!.. Но не то мы видимъ, когда посмотримъ на вѣру вашу, когда коснемся духовныхъ дѣлъ вашихъ. Правда, дѣды и прадеды ваши и въ этомъ были единомысленны и крѣпки были въ вѣрѣ своей. Не знали они въ Божьемъ дѣлѣ новшествъ и строго держались заветовъ одной духовной матери своей—св. Церкви Христовой Православной. Но врагъ силенъ. Его кознями вошло въ среду вашу духовное разномысліе, а за нимъ послѣдовало и отпаденіе многихъ отъ св. Православной Церкви. Появились у васъ молокане. Дальше—больше; за молоканами явились у васъ „баптисты“... Пошли между вами распри, потеряли вы міръ религіозный, а съ нимъ и земной покой... Расшатались вы, ослабѣли въ дѣлѣ Божіемъ и пошли блуждать душою своею... Такъ, братія: „человѣкъ съ двоящимися мыслями не твердъ во всѣхъ путяхъ своихъ“ (Іак. 1, 8). И посмотрите, какое шатаніе у васъ?!. Многіе отъ роду были православными, затѣмъ самовольно перешли въ молокане, послѣ ушли въ „баптисты“ и, кажется, явись у васъ еще десять сектъ, всюду они побываютъ, какъ нѣкогда заблудшій сынъ повсюду въ дальней сторонѣ расточалъ имѣніе свое... Но я не буду судить, не буду упрекать заблудшихъ, а буду только взывать къ нимъ, чтобы возвратились они подъ кровлю своего прежняго дома, подъ

крылья своей родной матери—св. Церкви Православной. Я на примѣръ хочу показать отпавшимъ отъ св. Церкви, какъ, самовольно сдѣлавшись учителями и толкователями Слова Божія, они извратили смыслъ Писанія и потерпѣли кораблекрушеніе въ вѣрѣ (Іак. 3, 1, 2. Петр. 3, 16. 1 Тим. 1, 19). Возьмемъ, братія, для рѣшенія сильно волнующій васъ вопросъ о „преломленіи хлѣба“, или, иначе: вопросъ о *св. причащеніи*, о св. „вечерѣ Господней“. Вамъ извѣстно, что молокане и „баптисты“ разное понимаютъ „вечерю Господню“, а между тѣмъ тѣ и другіе ссылаются въ свое оправданіе на слова и ученіе Св. Писанія! Но развѣ Писаніе можетъ само себѣ противорѣчить? Конечно, нѣтъ, ибо въ немъ записаны глаголы Божіи. Значить, не Писаніе говоритъ разное, а люди истолковали Писаніе разное, и эта разнь служить самымъ лучшимъ доказательствомъ того, какъ опасно самовольно, безъ руководства св. Церкви, толковать Писаніе. При такомъ обращеніи съ Писаніемъ, появится столько сектъ, сколько головъ, толкующихъ Писаніе. А вѣдь бываетъ еще и упорное нежеланіе людей повѣрить очевидной истинѣ, какъ то было и съ евреями, гнавшими Христа.

— Вотъ, Архиппъ Васильевичъ: какъ ты понимаешь „вечерю Господню“.

— Чего вы съ меня начинаете, дался я вамъ... Лучше-ка спросите Андрея Аникитова, зачѣмъ онъ нашу вѣру нарушилъ,—отвѣчалъ мнѣ Архиппъ Васильевичъ, недружелюбно поглядывая на баптистскаго „архерея“, переполовинившаго у него паству.

— Я съ тебя начинаю, Архиппъ Васильевичъ, потому, что ты первый нарушилъ въ себѣ и другихъ вѣру православную и выдумалъ какую-то вѣру молоканскую.

— Моя вѣра отъ Писанія, — возразилъ Архиппъ Васильевичъ.

— Ну, вотъ, дружище, и покажи намъ, гдѣ это въ Писаніи ты нашелъ, что Христосъ съ двѣнадцатю учениками совершилъ передъ Своими страданіями *духовную* только вечерю. У всѣхъ Евангелистовъ мы читаемъ, что Апостолы ѣли *видимый* хлѣбъ и пили *видимое* вино отъ плода винограднаго изъ вещественной чаши. Хлѣбъ они ѣли, какъ *Тѣло* Христа; а вино пили, какъ *Кровь* Христа. И послѣ христіане подъ видомъ вина пріобщались Крови Христа, а подъ видомъ хлѣба — Тѣла Христова (1 Кор. 10, 16). Такова была „вечеря Господня“ съ двѣнадцатю учениками. А у васъ, Архиппъ Васильевичъ, нѣтъ этой „вечери“. Значить, у васъ нельзя получить и прощенія грѣховъ, такъ какъ *пріобщеніе* Тѣла и Крови Христовыхъ даруетъ намъ „оставленіе грѣховъ“ и „жизнь вѣчную“ (Мѡ. 26, 28. Іоан. 6, 53—58).

— У насъ есть „*вечеря Господня*“, — отвѣчалъ Архиппъ Васильевичъ. — Есть и *пріобщеніе* Тѣла и Крови Христовыхъ. Въ откровеніи читаемъ: „се, стою у двери и стучу: если кто услышитъ голосъ Мой и отворитъ дверь, войду къ нему и буду *вечерять* съ нимъ, и онъ со Мною (3 гл. 20 ст.). Вотъ наша „вечеря“ съ Господомъ — это когда мы откроемъ Ему сердце наше, и Онъ, войдя туда, сотворитъ тамъ съ нами трапезу, т.-е. духовно сольется съ нами, такъ что мы съ Нимъ и Онъ съ нами будемъ едино. Посему-то и Апостолы говорятъ, что мы будемъ причастниками Божескаго естества или причастниками Христу только тогда, когда начатую во Христѣ жизнь твердо сохранимъ до конца, когда не будемъ имѣть сердца лукаваго и невѣрнаго и вообще удалимся отъ господствующаго въ мірѣ растлѣнія похотью (2 Петр. 1, 4; Евр. 2, 12—14). Такъ

мы по слову Божьему стараемся творить „вечерю Господню“, или „пріобщаться“ естества — Тѣла и Крови Христовыхъ. Другой „вечери“ и другого „пріобщенія“ мы не признаемъ и въ Писаніи его не видимъ.—На этомъ Архиппъ Васильевичъ остановился, снялъ очки съ глазъ, протеръ ихъ и снова одѣлъ на лобъ, откуда, когда читалъ, передвигалъ ихъ на глаза, вытеръ обильный потъ съ лица и вопросительно посмотрѣлъ на меня, какъ бы боясь моего возраженія.

— Вотъ какъ ты, Архиппъ Васильевичъ, всегда бесѣдуешь. Тебя спросишь объ одномъ, а ты отвѣчаешь совсѣмъ другое. Вѣдь я спрашивалъ тебя о той вечерѣ, какую Христосъ совершилъ передъ Своими страданіями съ двѣнадцатью учениками въ горницѣ большой, усталой... А ты мнѣ ни слова не сказалъ объ этой вечерѣ, а началъ говорить о другой вечерѣ, какую Христосъ творить въ сердцѣ каждого человѣка, искренно понимающаго Его... Мы и эту вечерю знаемъ и стараемся быть достойными этой *невидимой вечера* со Христомъ и хорошою жизнью причаститься Христу, т.-е. слиться съ нимъ душою воедино, какъ и Онъ молилъ Бога объ этомъ (Іоан. 17 гл.). Но, кромѣ *невидимой вечера*, кромѣ этого *духовнаго пріобщенія*, есть у Христа и св. Апостоловъ еще *видимая* вечеря Господня, *видимое* пріобщеніе, о чемъ я тебя и спрашивалъ. Куда же ты, Архиппъ Васильевичъ, скрылъ эту *видимую* вечерю, это *видимое* пріобщеніе? Вѣдь ихъ заповѣдалъ намъ Самъ Христосъ. А кто заповѣдей Христа не соблюдаетъ, тотъ и не другъ Ему, тотъ и *духовно* вечерять съ Нимъ не можетъ (Іоан. 14, 23, 25, 14).

— А по-вашему, Христосъ съ двѣнадцатью учениками совершилъ плотскую, видимую вечерю,—нерѣшительно спросилъ меня Архиппъ Васильевичъ.

— Да, отвѣчалъ я. — Если мнѣ не вѣришь, испытай Писаніе, и оно говоритъ то же. Прочти хотя бы у одного Евангелиста Матѣя 26 гл. съ 26-го по 29-й ст.

— Читай, Иванъ Авдѣичъ, — сказалъ Арх. Вас. своему сподвижнику, здоровенному рыжебородому мужику, вольной — „аблакатской“ профессіи.

Иванъ Авдѣичъ прочелъ. Пробовалъ онъ опустить въ 29 ст. слова: „отъ плода сего винограднаго“, да православные мужички, слѣдящіе по Евангелію, замѣтили ему, лукаво подмигнувъ: „читай, Авдѣичъ, читай сполна, аль претить тебѣ Писаніе“, заговорили они, и Авдѣичъ прочелъ сполна...

— Ну, о какомъ хлѣбѣ и о какомъ винѣ здѣсь говорится, — спросилъ я Архиппа Васильевича.

— Нешто вы сами не знаете, — отвѣчалъ онъ. А затѣмъ, глубоко вздохнулъ, точно воздуха набирался для дальнѣйшей рѣчи, и продолжалъ: — У Ев. Іоанна въ 6 гл. ясно сказано, что хлѣбъ есть *Самъ Христосъ*: „Я есмь хлѣбъ, сшедшій съ небесъ“... „ядущій хлѣбъ сей будетъ жить во вѣкъ“... А вы думаете, что простой хлѣбъ.

— Поймай, Архиппъ Васильевичъ, не путай. Я тебя спрашиваю не о „хлѣбѣ“ у Ев. Іоанна въ 6 гл., гдѣ, конечно, разумѣется „хлѣбъ“ не простой или обыкновенный, а „Божій... сшедшій съ небесъ“ или самъ Христосъ (Іоан. 6, 33. 41); а о „хлѣбѣ“ у Ев. Матѣя въ 26 гл., о „хлѣбѣ“, который *ѣли* ученики и который взялъ въ руки Христосъ и благословилъ и преломилъ и раздавалъ ученикамъ...

— Да и здѣсь рѣчь о Христѣ, — отвѣчалъ Архиппъ Васильевичъ.

— Такъ, по-твоему, ученики ѣли Христа, затѣмъ Хри-

стось взявъ Самого Себя и благословилъ и преломилъ и раздавалъ ученикамъ?!

— Вы что-то странное говорите,—замѣтилъ сконфуженный Архиппъ Васильевичъ.

— Такъ, дружище, выходитъ изъ твоихъ же рѣчей...

— Вотъ и распутай, Васильевичъ, коли самъ напуталъ,—заговорили крестьяне.

Архиппъ Васильевичъ понурилъ голову. Его поддерживалъ Иванъ Авдѣичъ.

— Ну и пусть Апостолы вечеряли со Христомъ видимый хлѣбъ и вино виноградное, *а намъ-то кто велѣлъ?*—ехидно спросилъ меня Авдѣичъ.

— А какъ, по-твоему, Авдѣичъ, заповѣди, данныя Христомъ св. Апостоламъ, должны и послѣ Апостоловъ соблюдаться въ Церкви Христовой?

— Да, это такъ. На то мы христіане, чтобы соблюдать повелѣнія Христа, кому бы они ни давались. Да мы и утверждены „на основаніи Апостоловъ“ (Ефес. 2, 20).

— Правда твоя, Авдѣичъ. Такъ вотъ Христось-то и далъ Апостоламъ заповѣди: „сіе творите въ Мое воспоминаніе“ (Лук. 22, 19). И христіане, исполняя эту заповѣдь, совершали и сами, безъ двѣнадцати Апостоловъ, ту же „вечерю Господню“, какъ объ этомъ пишетъ Ап. Павелъ (1 Кор. 10 гл. 11 гл.).

Иванъ Авдѣичъ замолчалъ.

— Да ужъ чего тутъ говорить,—побѣдоносно заключилъ баптистскій „архіерей“, — некуда податься молоканамъ: одно слово — погибшіе. Мы давеча имъ говорили: „не спорьте, пріймите „преломленіе хлѣба“; такъ нѣтъ, упорствуютъ. А кажется, какъ уже ясно въ Писаніи сказано“...

Архиппъ Васильевичъ не выдержалъ: „ясно, ясно“... съ ожесточеніемъ заговорилъ онъ.—А вотъ и не ясно. Вы

сами читаете одно, а дѣлаете другое. И, пожалуй, еще похуже нашего. На что вамъ ѣсть на „вечерѣ Господней“ *простой* хлѣбъ и пить *простое* вино. Я въ степи и всюду на *вечерѣ житейской* также ѣмъ простые хлѣбъ и вино. Гдѣ жъ у васъ „*вечеря Господня*“? Анъ, и у васъ ея нѣтъ. Такъ, только отводъ глазъ...

Баптистскій „архерей“ ужъ и не радъ былъ, что зацѣпилъ Архиппа Васильевича за больное. Я остановилъ ихъ и предложилъ сдѣлать небольшой перерывъ въ бесѣдѣ, а затѣмъ рассмотреть, правы ли „баптисты“ въ своемъ ученіи о „преломленіи хлѣба“. Пропѣли молитву и вышли на вольный воздухъ въ церковную *ограду*.

Послѣ перерыва мы снова помолились, и я обратился съ рѣчью уже къ Андрею Аникитовичу, или къ баптистскому „архерею“. Ну, вотъ Андрей Аникитовичъ, молокане вовсе упразднили у себя *видимую* „вечерю Господню“. Мы доказали, что въ этомъ они пошли противъ Писанія. Ты самъ прежде былъ молоканиномъ и не признавалъ *явной* „вечери Господней“, теперь же перешелъ въ „баптизмъ“ и утверждаешь, что совершаешь „вечерю Господню“? Но такъ ли? Не ошибся ли ты снова, не счелъ ли другую какую вечерю за „вечерю Господню“? Вотъ Архиппъ Васильевичъ упрекнулъ тебя, что ты и твои „братья по вѣрѣ“ вкушаете на „вечерѣ Господней“ *простой* хлѣбъ и *простое* вино, ничѣмъ не отличные отъ хлѣба и вина, которыми люди обычно въ житейскомъ быту трапезуютъ или вечераютъ. Такъ ли?

— Да,—отвѣчалъ Андрей Аникитовичъ. — Мы ѣдимъ простой хлѣбъ и пьемъ простое вино за „вечерею Господнюю“, какъ ѣли и пили простой хлѣбъ и виноградное вино сами Апостолы.

— Значить, у васъ „вечеря Господня“ ничѣмъ не отличается отъ житейской вечери?

— Нѣтъ, отличается тѣмъ, что на „вечерѣ Господней“ мы смерть Господню возвѣщаемъ (1 Кор. 11, 26).

— Какъ же вы возвѣщаете?

— Да въ умѣ воспоминаемъ, что Христосъ пострадалъ за насъ.

— А развѣ за житейскою вечерею я не могу вспомнить о томъ же?

— Почему нельзя. Всегда и всюду можно.

— Значить, въ чемъ же тогда у васъ разница между „вечерею Господнею“ и житейскою?

— Путаешься ты, Аникитовичъ, — радостно заявилъ Архиппъ Васильевичъ. — Да и самъ Андрей Аникитовичъ понималъ, что запутался. Посему, не отвѣчая на поставленный мною вопросъ, самъ спросилъ меня: а у васъ за „вечерею Господнею“ развѣ не простой хлѣбъ ѣдятъ — и не простое виноградное вино пьютъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ я. — У насъ, по слову Господа когда ѣдятъ, или причащаются хлѣба, то вѣрно, что причащаются самага Тѣла Христова, а когда пьютъ изъ чаши вино, то пьютъ не какъ простое вино, а какъ Кровь Христову. Въ Писаніи ясно сказано: „Исусъ, взявъ хлѣбъ, благословилъ, преломилъ, далъ имъ (ученикамъ) и сказалъ: пріимите, ядите; *sic est Тѣло Мое*. И взявъ чашу, благодаривъ, подалъ имъ: и пили изъ нея всѣ; и сказалъ имъ: *sic est Кровь Моя* новаго завѣта“... (Мар. 14, 22—24). Развѣ не ясно, что съ того времени, какъ Христосъ назвалъ хлѣбъ Тѣломъ Своимъ и вино Кровью Своею, ученики ѣли и пили уже не простой хлѣбъ и не простое вино, а Тѣло и Кровь Христовы. Посему-то Ап. Павелъ и пишетъ Коринфянамъ, чтобы они не заблуждались, а разсудили

что „*чаша благословенія*, которую благословляемъ, *не есть ли приобщеніе Крови Христовой? Хлѣбъ*, который преломляемъ, *не есть ли приобщеніе Тѣла Христова?*“ (1 Кор. 10, 16). Вотъ почему эта вечеря и называется *Господнею* (1 Кор. 11, 20). На ней мы вкушаемъ Тѣло и Кровь Христовы. Этимъ она и отличается отъ житейской вечера въ нашихъ жилищахъ, гдѣ мы ѣдимъ простой хлѣбъ и пьемъ простое вино (1 Кор. 11, 22). Вкушая на „вечерѣ Господней“ Тѣло и Кровь Христа, мы дѣйствительно „смерть Господню возвѣщаетъ“, такъ какъ Христосъ умеръ за насъ дѣйствительными Тѣломъ и Кровью.

— Я-жъ говорилъ, что у „баптистовъ“ нѣтъ „вечери Господней“, а простая житейская вечеря, побѣдоносно снова вставилъ Архимѣтъ Васильевичъ. Онъ уже забылъ горечь своего пораженія и теперь ликовалъ, видя неправоту баптистовъ.

— Я думаю,—возразилъ мнѣ Андрей Аникитовичъ,— что вы неправильно поняли рѣчь Христа: „*сіе* есть Тѣло Мое“... и еще: „*сіе* есть Кровь Моя“... Все это относится не къ хлѣбу и не къ вину, которые ѣли и пили Апостолы, а къ Самому Христу. Давъ ученикамъ ѣсть хлѣбъ и пить изъ чаши вино, Христосъ затѣмъ указалъ *на Себя* и сказалъ: *вотъ* Тѣло Мое... *вотъ* Кровь Моя... А вы эти слова неправильно отнесли къ хлѣбу и вину.

— Извращаешь ты, Андрей Аникитовичъ, слово Божіе. Нигдѣ не сказано: *вотъ* Тѣло Мое... *вотъ* Кровь Моя... А написано: „*сіе* есть Тѣло Мое... *сіе* есть Кровь Моя“... Далѣе, слово „*сіе*“ прямо относится къ хлѣбу и вину. Напримѣръ, у Ев. Марка ясно читаемъ: „и взявъ чашу, благодаривъ, подалъ имъ; и *пили изъ нея всѣ*. И сказалъ имъ: *сіе* есть Кровь Моя новаго завѣта, за многихъ изливаемая. Истинно говорю вамъ: Я уже не буду пить *отъ*

плода винограднаго до того дня, когда буду пить новое вино въ Царствіи Божіемъ“ (14 гл. 23—25 ст.). Развѣ не ясно отсюда, что Христось, указывая *на вино*, которое пили ученики, сказалъ: „*сіе*“ (это), т.-е. вино, „есть Кровь Моя“; а затѣмъ еще добавилъ, что Самъ Онъ уже не будетъ пить отъ плода винограднаго... То-же должно сказать и о хлѣбѣ. Да и Ап. Павелъ ясно свидѣтельствуешь, что приведенное слово относилось именно къ хлѣбу и вину, когда прямо пишетъ: „*сія чаша* есть новый завѣтъ въ Моей Крови“ (1 Кор. 11, 25. Лук. 22, 20). Посему-то приобщеніе изъ чаши есть приобщеніе Крови Христовой, а приобщеніе Хлѣба есть приобщеніе Тѣла Христова (1 Кор. 10, 16).

— Да ужъ чего яснѣе... Коли хлѣбъ и чаша плотскіе, то на нихъ и слово „*сіе*“ указываетъ... Дарма упорствуешь Аникитовичъ... Иди въ православіе,—язвительно поучалъ Архиппъ Васильевичъ. Его сподвижникъ Авдѣичъ также не заставилъ себя ждать. Нука, Аникитовичъ, прочти, что вы понаписали въ своемъ „Сборникѣ духовныхъ стихотвореній“ объ этой самой „вечерѣ“. Читай пѣснь 79-ю.

Андрей Аникитовичъ смущенно прочелъ и недоумѣвалъ въ чемъ дѣло. Тогда Иванъ Авдѣичъ побѣдоносно заявилъ, что „баптисты“ обманываютъ людей, извращая слова Христа. „Вотъ въ Писаніи читаемъ: *сіе* есть Тѣло Мое“, а „баптисты“ поютъ: „*се* тѣло есть мое“. И довольно остроумно объяснивъ разницу между: „*сіе*“ и „*се*“, особенно въ примѣненіи къ рѣчи Христа на Тайной вечери, Иванъ Авдѣевичъ заключилъ: такъ-то, дружище, извратили вы слово Божіе и появилось у васъ вмѣсто: „это“—„вотъ“... Ужъ лучше бы ты молоканскую вѣру не рушилъ, а то за это тебя Богъ и попуталъ.

Я прервалъ Авдѣича... Пойдите, братія, не упрекайте

другъ друга, а вразумляйте: вразумляйте въ духѣ кротости, по слову Апостола (Гал. 6, 1). Вотъ ты, Авдѣичъ, совсѣмъ не имѣешь *явной* „вечери Господней“, а Аникитовичъ ошибся, вмѣсто „вечери Господней“ завелъ у себя простую житейскую вечерю...

— Я жъ говорилъ: простая вечеря, не стерпѣлъ Архиппъ Васильевичъ, чтобы не вставить своего словечка. Ужъ больно насолилъ ему Аникитовичъ...

Итакъ, братія, что-же вамъ дѣлать, чтобы спастись? Молоканамъ нужно принять „вечерю Господню“ *явную*, а баптистамъ надлежитъ отбросить *свою* самочинную „вечерю“ и принять настоящую *евангельскую* „вечерю“ Господа съ учениками.

— Чай баптистамъ больше дѣла, смекнулъ вслухъ Авдѣичъ...—Намъ прямо завести „вечерю Господню“, а имъ еще нужно отбросить самочинное... Правъ Архиппъ Васильевичъ, что „баптисты“ больше нашего погибшіе... А поди жъ, гордыня какая!.. „Святыми“ себя прозываютъ...— Не любили молокане этой „святости“ баптистской, за которой они ясно видѣли настоящій обликъ фарисеевъ. — „святошъ“.

Андрей Аникитовичъ стоялъ сконфуженный. Потъ обильно струился по его лицу. Кончайте бесѣду,—умоляюще просилъ онъ меня.

Я считалъ цѣль бесѣды достигнутой и, сказавъ нѣсколько въ назиданіе всѣмъ слушателямъ, предоставилъ о. Николаю заключить бесѣду своимъ наставленіемъ.

Народъ съ удовольствіемъ слушалъ рѣчь любимаго пастыря и, когда въ концѣ бесѣды пропѣли молитву, благодарилъ меня за бесѣду, а о. Николая за любовное и ревностное пасеніе стада Христова.

Вечеркомъ приходили на домъ къ о. Николаю крестьяне для частныхъ бесѣдокъ съ миссіонеромъ, и я посильно удовлетворялъ ихъ запросамъ.

— Я-же говорилъ вамъ, что жизнь у насъ кипитъ..., бурлитъ...,—снова заговорилъ о. Николай. Пусть-ка наши пастыри станутъ къ народу поближе, посердечнѣе, и онъ пойдетъ къ нимъ, откроетъ имъ свою душу на распашку, и содрогнуться тогда всѣ секты и враги Церкви Православной!..

— Буди... буди... отвѣчалъ я...

Миссіонеръ.

Всенощная у раненыхъ.

Длинные ряды коекъ. Между ними въ длину грандіознаго зала нѣсколько „улицъ“, какъ называютъ сами раненные, а въ ширину—„переулки“. Можно ли было когда предположить, что въ изящномъ и величественномъ залѣ петроградскаго Дворянскаго собранія придется созерцать такую величественную картину. Все койки, койки, койки... 126 коекъ. И за колоннами опять койки, и на хорахъ койки, и въ заднемъ залѣ койки: 300 раненныхъ!..

Въ углу направо отъ входа въ залѣ койки немного отодвинуты. На возвышеніи большой образъ Спасителя. Предъ нимъ ярко теплятся свѣчи,—что звѣзды Рождественской ночи мерцаютъ онѣ вдаль,— усердное приношеніе страждущихъ сердець. Немного пониже столъ, покрытый бѣлой скатертью; на немъ Крестъ и Евангеліе.

Пришелъ батюшка о. Алексѣй (пріѣхалъ въ Петроградъ изъ м-чка Боруны, Виленской губерніи—завѣдующій церковно-учительской школой—и воспользовался случаемъ, чтобы послужить у раненныхъ), облачился въ бѣлую ризу и проникновеннымъ громкимъ голосомъ положилъ начало всенощной.

Дружно подхватилъ нестройный хоръ изъ легко раненыхъ солдатъ, но сколько прочувствованности, сколько мольбы изстрадавшей души слышится въ этихъ словахъ молитвы святой. Кажется не одну сотню разъ слышалъ эти слова такъ знакомой молитвы, но вотъ сейчасъ, вотъ именно здѣсь они звучать слишкомъ особенно, такъ много въ нихъ вложено мольбы душевной, что невольно какъ то ощущаешь немедленное исполненіе ихъ: „Царю небесный .. пріиди и вселися въ ны... и спаси, Блаже, души наша...“

Ровный, звонкій и спокойный голосъ чтеца—студента духовной академіи разносится по всему обширному залу... А за нимъ стоятъ горячо молящіеся страждущіе, а за ними еще лежатъ больные воины на своихъ невольныхъ одрахъ болѣзни... Все сосредоточенныя лица, глаза, горячіе мольбою и взоры всѣхъ обращены къ сіяющему въ огняхъ лику Спасителя... Лишь у Него ищутъ поддержки въ мукахъ и страданіяхъ своихъ, лишь отъ Него жаждутъ получить облегченіе въ горестяхъ и невыразимо-тяжелыхъ скорбяхъ...

Запѣли: „Съ нами Богъ!..“ И освѣжающая волна пробѣжала по всѣмъ лицамъ.

Какъ знакомы слова этой пѣсни святой, сколько силъ и бодрости вливали они на молебнахъ при отправленіи „туда...“ и особенно „тамъ...“

Какъ хорошо молиться среди раненыхъ! Какъ отрадно быть среди нихъ!..

Вотъ запѣли и тропарь Крещенія Господня. Всѣ „кому можно“, пали на колѣна и быстро замелькамы руки въ воздухъ, истово свершая крестное знаменіе.

Предъ поліелеемъ о. Алексѣй взошелъ на возвышеніе

и въ краткихъ словахъ просто и понятно выяснилъ раненымъ суть праздника и то, для чего крестился Господь... И намъ нужно заботиться объ очищеніи души своей отъ грѣховъ. Чрезъ страданія же душа очищается, духъ возвышается, мы приближаемся ко Господу. И эти тяжкія страданія должны не печалить насъ, но радовать о Господѣ...

Но особенно отрадно было во время поліелея, когда свершалось кажденіе. Если для насъ и „дымъ отечества такъ сладокъ и пріятенъ“, то трудно описать, какую радость доставляетъ раненымъ ощущеніе дыма церковнаго кадила. Куреніе его, вливаясь въ ихъ сердца, замѣняетъ имъ благовонія небесъ и на лицахъ ихъ разливается блаженная улыбка...

Хотя многое сокращали, но изъ чина всенощной ничего не опускали, чему особенно были рады всѣ раненые.

— Это настоящій праздникъ у насъ, — говорили они потомъ.

Великое славословіе. Поютъ всѣ, что доставляетъ особую радость. Нашелся и регентъ свой, — бывший полковымъ регентомъ. „Все по чину и порядку“.

Кончилась всенощная. Съ глубокимъ благоговѣніемъ подходятъ раненые ко Св. Кресту, а батюшка кропитъ всѣхъ св. водой, освященной сегодня въ храмъ. Затѣмъ батюшка со Св. Крестомъ и кропиломъ въ рукахъ направился между коекъ по обширному залу, а студентъ сзади со св. водой и пѣніемъ тропаря, кондака и величанія празднику. Съ какою вѣрой, съ какимъ благоговѣніемъ прикладывались ко Св. Кресту и съ сердечной благодарностію принимали кропленіе св. водой тѣ, кои не могли покинуть своей постели, а особенно тѣ, кои и головы своей

поднять не могут! Слезы умиленія и благодарности стоятъ въ глазахъ ихъ!..

А батюшка обошелъ всѣ койки въ залѣ, побывалъ и за колонками, прошелъ и въ задній залъ, заглянулъ и на хоры. Всѣхъ посѣтилъ, — никто не остался неутѣшеннымъ.

И въ эту ночь ихъ сонъ былъ особенно миренъ; раны и страданія ихъ не тревожили такъ, какъ раньше, ибо вмѣстѣ съ ангелами и они радовались...

В. Н. Поповъ.

Молитва матери.

Сіяньемъ розовымъ лампы
Кіотъ дубовый озаренъ,
Блестятъ тяжелые оклады
Старинныхъ дѣдовскихъ иконъ;
Предъ ними съ жаркою мольбою,
Не въ силахъ будучи стоять,
Припавши къ полу головою
Склонилась страждущая мать.
Она поддержки не искала
И ободренья у людей,
Въ себѣ самой она скрывала
Что такъ терзало сердце ей;
Тишь все кругомъ когда стихало
Въ уединеніи и тиши
Она въ молитвѣ изливала
Всю скорбь тоскующей души.
Вонъ тамъ въ простѣнкѣ въ темной рамѣ
Портретъ ей близкій дорогой:
То юнкеръ съ нѣжными чертами—
Полу-дитя, полу-большой.
Какой отвагой молодою
Лицо то юное полно
И вмѣстѣ дѣтской простотою
И счастьемъ свѣтится оно;

О немъ то мать теперь страдаетъ,
О миломъ сынѣ дорогомъ,
Его Христу она вручаетъ
И жарко молится о немъ.

О какъ недавно это было—

Вотъ здѣсь съ ней вмѣстѣ онъ стоялъ...

Она его благословила—

Такъ долгъ святой повелѣвалъ—

Слезы она не обронила,

Ея не дрогнула рука,

Лишь сердце страшно ей сдавила,

Какъ гнетъ тяжелая тоска.

Онъ вышелъ въ дверь... потомъ вернулся,

„Прости, родная“ ей сказалъ,

Послѣдній разъ ей улыбнулся.

Послѣдній разъ поцѣловалъ...

Вернешься ль снова, мальчикъ милый,

Въ свой старый домъ подъ кровъ родной,

Иль будетъ раннею могилой

Тебѣ далекій край чужой?

Войдешь ли снова въ садъ тѣнистый,

Гдѣ каждый милъ тебѣ цвѣтокъ?

Туда подъ липою вѣтвистой

Въ любимый съ дѣтства уголокъ.

Еще ребенкомъ гдѣ бывало

Въ тѣни любилъ ты отдыхать,

Гдѣ часто пѣсню напѣвала,

Тебя укачивая мать?...

Смертельно раненый, быть можетъ,

Лежишь ты всѣми позабытъ,

Никто тебѣ тамъ не поможетъ

И мукъ твоихъ не облегчить,

РАДОСТЬ ВОСКРЕСЕНИЯ ХРИСТОВА.

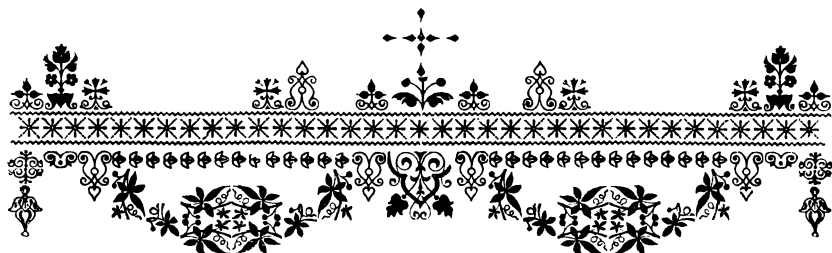
рихтосъ Воскресе! Воскресенія день,—просвѣтимся людіе! Воскресенія день,—просвѣтимся торжествомъ! Воскресенія день—праздниковъ праздникъ и торжество торжествъ! Да и какъ не просвѣтитъ торжествомъ въ свѣтлый день Воскресенія? Какъ не торжествовать, какъ не веселиться душой? Прислушайся, что поетъ въ свѣтлые дни св. Церковь Христова? Какое торжество, какая небесная радость слышится въ каждомъ звукѣ ея священныхъ пѣснопѣній!

Радуюешься и веселишься ты въ тотъ день, когда родной и близкій тебѣ человѣкъ всталъ отъ одра тяжелой болѣзни. Но подумай,—развѣ не болѣе радостное событіе воспоминается въ свѣтлый день Воскресенія? Развѣ воскресшій Христосъ не близокъ, не дорогъ тебѣ? Развѣ Онъ не родной тебѣ? Ужели онъ менѣе близокъ тебѣ, чѣмъ твои родственники по плоти? Онъ оставилъ небо,—сошелъ на землю, гдѣ люди страдали, гдѣ погибали они безъ Бога, безъ правды Его. Оставилъ Онъ небесный престолъ и Свою небесную славу,—поселился среди людей, раздѣлилъ съ ними ихъ горькую долю, терпѣлъ ихъ скорби, съ ними молился и плакалъ о нихъ. Воскрешалъ мертвыхъ, исцѣлялъ болящихъ. Людей называлъ Онъ своими братьями. Вспомни, какъ спросилъ Христосъ: кто Матерь Моя и братья Мои? И обзрѣвъ сѣдящихъ вокругъ Себя, сказалъ: вотъ матерь Моя и братья Мои; кто будетъ исполнять волю Божию, тотъ Мнѣ братъ и сестра и матерь (Мрк. 3, 33—35). Какъ же послѣ всего этого можно сказать, что Христосъ не родной намъ?

Онъ нашъ величайшій благодѣтель. Онъ одинъ, Безгрѣшный, пріялъ на себя грѣхи всего міра. Онъ одинъ

пострадалъ за всѣхъ, Праведникъ за неправедники. Спаситель сего міра, его единственная радость и надежда умеръ позорной крестной смертью, погребенъ въ мрачной могилѣ. Вся тварь измѣнилась отъ страха, солнце померкло, земля вострепетала. Но воскресъ Христосъ, и въ эти дни Воскресенія мы вспоминаемъ, какъ нашъ Божественный Спаситель и Учитель, нашъ небесный Другъ, всегда близкій, дорогой и родной намъ,—не отъ одра болѣзни восталъ, а изъ гроба воскресъ. Великая радость! И радость эта ничѣмъ не омрачается; ничто не можетъ положить эту радость въ печаль. Воскресъ Христосъ,—и больше не будетъ Онъ ни умирать, ни погребаться во гробъ, ибо смерть Имъ не обладаетъ. Возрадуйтесь люди и возвеселитесь, и вѣчная радость Воскресенія Христова да будетъ съ вами!

Радуйся ты, человѣкъ, если миновала грозившая тебѣ опасность, если избавился ты отъ бѣды и несчастья. Просвѣтись-же особеннымъ торжествомъ въ день Воскресенія! Воскресеніемъ Христовымъ освобожденъ ты отъ самой великой бѣды, спасся отъ самой великой опасности. Есть-ли несчастье больше смерти? Есть-ли опасность болѣе грозная, чѣмъ вѣчная гибель во адѣ? Можешь-ли ты, человѣкъ, чѣмъ нибудь спастись отъ смерти? Нѣтъ, ты совершенно безсиленъ предъ смертью. Отъ смерти ничто не спасетъ тебя—ни богатство, ни знатность, ни сила, ни здоровье, ни красота. Передъ смертью всѣ равны, всѣ ничтожны, всѣ безсильны. Предъ смертью теряется даже самая великая сила—мудрость человѣческая; и она предъ гробомъ или въ страхѣ и трепетѣ молчитъ, или глухо и недовольно ропщетъ. Отъ этой то смертной опасности избавился ты, христіанинъ, Воскресеніемъ Христовымъ. Слышишь ли, что безъ конца и безъ числа повторяетъ въ своемъ торжественномъ богослуженіи св. Церковь! Христосъ воскресъ изъ мертвыхъ, смертію смерть поправъ! Своею смертію Христосъ Спаситель освободилъ тебя отъ смерти. Своею смертью Онъ побѣдилъ смерть. Никтоже да убоится смерти, свободи бо насъ Спасова смерть! Смерти празднуемъ умерщвленіе, адово разрушеніе! Днесъ адъ, стена, вопіетъ: лучше мнѣ было бы родившагося отъ Дѣвы не принимать; пришедъ-бо

Противъ невѣрія.

В скромной іерусалимской горницѣ въ глубокомъ тоскливомъ молчаніи собрались апостолы и самые близкіе ученики Спасителя. Тяжелая гнетущая скорбь отражается на лицѣ каждаго изъ нихъ. Ужасныя событія послѣднихъ дней такъ неожиданно и глубоко поразили ихъ, что вотъ ужъ прошло почти три дня и никто изъ нихъ не можетъ дать себѣ яснаго отчета во всемъ случившемся. Да развѣ возможно, думали они, чтобы Тотъ, Кого мы возлюбили больше отца и матери, изъ-за Кого мы бросили все, что было мило нашему сердцу, терпѣли холодъ, зной и голодъ и даже подвергались смертной опасности, чтобы Онъ, творившій величайшія знаменія и чудеса, былъ схваченъ, какъ злодѣй, и казненъ, какъ преступникъ? Гдѣ же исполненіе тѣхъ свѣтлыхъ обѣщаній вѣчнаго блаженнаго Царства, котораго мы ожидали съ такимъ нетерпѣніемъ? Не разсѣялись-ли, какъ дымъ, всѣ наши надежды на счастливую и радостную жизнь въ царствѣ Мессіи—Христа? Вотъ ужъ третій день наступаетъ, какъ враги взяли нашего возлюбленнаго Учителя, осудили и предали позорной смерти, а впереди какъ будто нѣтъ никакой надежды, никакого просвѣта и утѣшенія.

Но не успѣла еще заря возвѣститъ людямъ о наступленіи великаго и радостнаго дня, какъ жены мироносицы спѣшатъ къ скорбящимъ апостоламъ, чтобы сообщить имъ о явленіи Воскресшаго. И что же апостолы? Они *„не повѣрили имъ и показали имъ слова ихъ пустыми“* (Лук. 24, 11). Въ тотъ же день воскресшій Христосъ является двумъ эммаусскимъ путникамъ, которые спѣшатъ послѣ въ Іерусалимъ и возвѣщаютъ апостоламъ и всѣмъ прочимъ о видѣніи Воскресшаго, *„но и имъ не повѣрили“*. *„Въ тотъ же первый день недѣли вечеромъ, когда двери дома, гдѣ собрались ученики Его, были заперты изъ опасенія отъ иудеевъ, пришелъ Иисусъ и сталъ посреди и говоритъ имъ: миръ вамъ“* (Іо. 20, 19). И лишь послѣ того, какъ Онъ показалъ имъ пронзенныя руки и ноги Свои и сталъ передъ ними ѣсть рыбу и медъ, они убѣдились, что ихъ возлюбленный Божественный Учитель дѣйствительно воскресъ и живой находится теперь предъ ними. Одного только апостола Фомы не было здѣсь въ то время. Когда же онъ пришелъ и услышалъ, что

Христосъ воскресъ, то горячо и рѣшительно сказалъ, что до тѣхъ поръ не повѣритъ, пока не увидить на рукахъ Его ранъ отъ гвоздей и не вложить перста своего въ эти раны и руки своей въ ребра Его (Іо. 20, 25). И только послѣ того, какъ Господь явился ему и всѣмъ прочимъ апостоламъ и далъ ему осязать Свои пречистыя раны, онъ въ неизъяснимомъ восторгѣ воскликнулъ: „*Господь мой, и Богъ мой!*“

Вотъ какъ велико было невѣріе апостоловъ въ возможность воскресенія, и какихъ обидно осязательныхъ доказательствъ они требовали, чтобы разсѣять свое невѣріе и всякое сомнѣніе! И послѣ этого невѣрующіе рѣшаются говорить, будто апостолы такъ слѣпо вѣрили, что ихъ Учитель воскреснетъ, такъ страстно желали Его видѣть воскресшимъ, что довели свое воображеніе до болѣзненнаго состоянія, и потому видѣли не воскресшаго Іисуса, а лишь призракъ, созданный ихъ мечтами!

Итакъ, что же все это значить? Почему апостолы, возлюбившіе Своего Учителя больше всего въ мірѣ, неоднократно слышавшіе отъ Него, что Ему предстоитъ пострадать, умереть и воскреснуть, послѣ, когда все это случилось, съ такимъ трудомъ вѣрятъ всему этому? И даже тотъ апостолъ, который призывалъ когда-то всѣхъ остальныхъ идти за Христомъ и умереть вмѣстѣ съ Нимъ, теперь проявилъ такое упорное невѣріе. Не странно-ли то, что сама Святая Церковь восхваляетъ это невѣріе въ своихъ пѣснопѣніяхъ, когда говоритъ: „*о добре невѣріе Омино!*“

Это невѣріе, это обидное требованіе осязательныхъ доказательствъ указываетъ на проявленіе во всемъ этомъ воли Божіей. Богу угодно было, чтобы апостолы постепенно и естественно дошли до сознательной вѣры въ Іисуса Христа, какъ Сына Божія; имъ надлежало идти въ міръ и проповѣдывать Его ученіе, и они должны были обладать для этого вѣрою, не допускающею никакихъ сомнѣній, и вѣру эту долженъ былъ принять отъ нихъ и отъ ихъ послѣдователей весь міръ. Одной же слѣпой вѣры было бы недостаточно въ то время, когда самое слово *крестъ* было соблазномъ для іудеевъ и безуміемъ для еллиновъ. Съ одной слѣпой вѣрой апостолы не могли бы совершить такого подвига, какой совершили. Имъ нужна была глубокая сознательная вѣра. Но никто изъ апостоловъ не обнаружилъ своего невѣрія такъ рѣшительно и сильно, какъ апостолъ *Ѳома*. Ему хочется не только видѣть воскресшаго Учителя, но и осязать Его, „*вложить персты свои въ раны отъ гвоздей и вложить руку свою въ ребра Его*“ (Іо. 20, 25). Онъ еще не убѣдился въ истинѣ, но уже заранѣе полюбилъ ее и жаждетъ ее всей своей пылкой душой. И въ то же время, какъ онъ говоритъ: „*не повѣрю, пока не увижу*“, въ глубинѣ души онъ уже вѣруетъ. Онъ какъ бы боится, чтобы не лишили его этой истины, этого дорогого сокровища и поэтому требуетъ такихъ наглядныхъ доказательствъ, которые бы убѣдили его и успокоили на всю жизнь. И послѣ онъ повѣрилъ не потому, что видѣлъ чудо, но потому что желалъ вѣрить. Такое невѣріе дѣйствительно достойно похвалы и удивленія

Воистину Христосъ Воскресе!

Сколько вѣковъ прошло съ того времени, какъ Ангелъ въ первый разъ сказалъ женамъ: *воста, нѣсть здѣ!* И для всѣхъ этихъ вѣковъ вѣсть о Воскресеніи Христовомъ не перестаетъ быть вѣстію сладкою, вѣстію не земною, небесною. Во всѣхъ странахъ, у всѣхъ народовъ, гдѣ только исповѣдуютъ Христа, приносятъ она съ собой веселіе и радость, восторгъ и торжество. И не одна земля, а и небо, не одни люди, но и жители странъ горнихъ радуются и повторяютъ: *Христосъ Воскресе!*

И съ какимъ торжествомъ встрѣчаютъ вѣсть о воскресшемъ Христѣ? Это—праздникамъ праздникъ, торжество изъ торжествъ. Каждую недѣлю отдѣляемъ мы день для воспоминанія Воскресенія Христова,—и торжества сего не помрачаютъ у насъ ни постъ, ни слезы. Но тѣмъ не довольна душа христіанская. Ей хочется радоваться о воскресшемъ Христѣ такъ, какъ ни о чемъ она не радуется; она назначаетъ себѣ еще время въ которое свѣтло поетъ: *Христосъ воста—веселіе вѣчное.*

Радость наша о воскресшемъ Христѣ справедлива. Воскресеніе Спасителя нашего есть одно изъ самыхъ твердыхъ основаній и нашей вѣры, и нашего упованія, и нашей любви. Какъ же не радоваться о немъ?

Много Спаситель нашъ творилъ чудесъ на землѣ, но къ чуду Воскресенія Своего не разъ Онъ отсылалъ самыхъ упорныхъ враговъ Своихъ. Воскресеніе Спасителя нашего есть такое чудо, которое одно и могло

своею очевидностію запечатлѣть всѣ знаменія славы Сына Божія. Какое величіе въ воскресшемъ Иисусѣ твоємъ, душа христіанская! Самые враги чувствовали силу Воскресенія Христова. Узнавъ отъ Назорянина, что Онъ воскреснетъ, они берутъ всѣ мѣры, чтобы помѣшать вѣрѣ въ Его воскресеніе. Едва Иисусъ умеръ, они просятъ Пилата—приставить стражу къ Его гробу. Гробъ окруженъ воинами; входъ въ пещеру, заваленный камнемъ, запечатанъ. Все, чего могла требовать осмотрительная (не скажемъ пока—злота) мудрость человѣческая, сдѣлано. Но Иисуса нѣтъ во гробѣ. Что дѣлать? Надобно вооружиться клеветою. Стража, говорятъ, проспала, и ученики унесли тѣло Иисусово. По всему видно, какъ мысль о Воскресеніи Христовомъ тяжела была для Іудеевъ; по всему видно, что они знали, какъ замыслы ихъ всѣ разрушатся, и откроется слава Иисусова, какъ Мессіи и Сына Божія, когда народъ увѣрится въ Его воскресеніи.

И надобно сказать, что, на бѣду врагамъ вѣры и на радость душѣ вѣрующей, изъ всѣхъ чудесъ, на которыхъ основывается наша вѣра, чудо воскресенія Христова такъ очевидно, такъ несомнѣнно, что надобно быть врагомъ всякой истины, чтобы не видѣть его дѣйствительности. Если Іудеи разгласили было, что тѣло Иисусово украдено, когда стража спала, то это слишкомъ очевидная неправда. Представьте, что надобно было подойти ко гробу, отвалить большой камень и потомъ уйти съ тѣломъ, не разбудить стражи, которая однако и приставлена была собственно для того, *да не како ученицы Иисуса, нощію пришедше, украдутъ тѣло Его* (Матѣ. 27, 14). Римская стража состояла изъ четырехъ четверицъ (Дѣян. 12, 4). Римская стража за небрежность въ своемъ дѣлѣ строго была наказываема. Вспомнимъ случай изъ исторіи Ап. Павла, когда темничный стражъ, полагая, что

КАКУЮ ВѢСТЬ ПРИНЕСЛИ ЖЕНЫ МИРОНОСИЦЫ?

Течите и міру проповѣдите, яко воста
Господь, умертвивый смерть, яко есть
Сынъ Бога, спасающаго родъ человѣ-
ческій.

Св. Церковь Православная посвящаетъ цѣлую недѣлю воспоминанію св. женъ мироносицъ. И это не напрасно. Подумайте, какую вѣсть принесли жены мироносицы для всего міра, когда возвратились отъ Гроба Господня. Онѣ въ первый разъ воскликнули вслухъ всего міра: Христосъ воскрес! Можно-ли счесть, можно-ли даже вообразить, сколько разъ съ тѣхъ поръ повторили люди эту краткую дивную вѣсть? Вѣчно юная, вѣчно новая разносится эта вѣсть по всему міру, и въ цѣлыя тысячи лѣтъ не могутъ люди испытать всей радости изъ вѣсти о Воскресеніи Христовомъ. И подлинно, есть чему радоваться! Много радости въ той вѣсти, которую принесли св. жены мироносицы.

Страшно подумать, что было-бы съ міромъ, если-бы онъ не получилъ радостной вѣсти отъ женъ мироносицъ. Тамъ, въ пещерѣ Геосиманской, была скрыта вся радость міра. Самъ Спаситель былъ осужденъ и распятъ, Жизнь и жизни Податель умеръ и погребенъ.

бень, тяжелымъ камнемъ скрытъ отъ міра, печатью Каіафы запечатанъ. И что было-бы, если-бы не былъ отваленъ отъ гроба камень, если-бы не воскресъ Христосъ? Могли-ли бы мы вѣрить въ Бога, во спасеніе? Какъ вѣрить въ истину, если ея Проповѣдникъ, называвшій Себя Сыномъ Божіимъ, умеръ и не воскресъ? Какъ можно повѣрить, что умершій и оставшійся во гробѣ освободилъ насъ отъ грѣха? Самый гробъ не былъ-ли для Христа темницей, гдѣ содержался Онъ за грѣхи наши, и если-бы Онъ остался во гробѣ,—развѣ это не значило-бы, что удерживаетъ Его тамъ великій камень беззаконій нашихъ? Правда, Христосъ много говорилъ новаго о Богѣ и человѣкѣ, но для чего нужно все это, если не избавилъ Онъ насъ отъ грѣха? Если-бы Христосъ только умеръ, то не нужно было-бы и пришествіе Его. Безъ Воскресенія не было бы вѣры христіанской, не было-бы христіанъ; гробъ Христа былъ-бы гробомъ и христіанъ, и христіанства.

Но увидѣли мироносицы, что камень отваленъ отъ гроба, слышали отъ Ангела, яко воста Господь, пошли и возвѣстили міру: Христосъ воскрес! Воскресла вѣра. Если Христосъ воскресъ, то все, о чемъ Онъ говорилъ, все это—совершеннѣйшая истина. Христосъ не остался во гробѣ, спасеніе наше совершенно, грѣхъ и діаволъ побѣждены. Развѣ могутъ теперь смутить насъ насмѣшки враговъ Христовыхъ надъ спасительной вѣрой нашей, если вѣра наша утверждена Воскресеніемъ Христовымъ? Развѣ можемъ и мы сами колебаться въ вѣрѣ своей, если мы услышали отъ св. женъ вѣсть о Воскресеніи? Можемъ-ли мы отчаяться во спасеніи своемъ? Нѣтъ, какъ бы ни оскверняли насъ грѣхи, какъ-бы ни приковывали они насъ къ землѣ,—для насъ всегда открытъ входъ на небеса, куда нашимъ предтечей вошелъ Воскресшій Христосъ.

Черезъ крестъ вошелъ Христосъ на небеса. Крестъ, это—удѣлъ всего добраго на землѣ. Всѣ праведники пили на землѣ горькую чашу страданій. Тѣ, которыхъ не былъ достоинъ весь міръ, скитались въ пустыняхъ и въ горахъ, въ вертепахъ и пропастяхъ земныхъ—

лишени, скорбяще, озлоблени,—вотъ участь добродѣтели въ жизни! Каменіемъ побіени быша, претрени быша, убійствомъ меча умроша,—вотъ конецъ жизни добродѣтельной! Да и Самъ Христосъ Спаситель... что только возможно прекраснаго, какая только возможна добродѣтель—все это было во Христѣ. И что же? Христосъ на крестѣ... Поругано все доброе, поруганъ законъ правды, поруганъ Самъ Законодатель. Если бы и теперь не восторжествовало доброе, то это значило-бы, что нѣтъ правды нигдѣ, а тогда осталась-бы земля безъ добродѣтели. Вѣдь нужна-ли добродѣтель, если одинъ конецъ благому и злему?

Но услышали люди отъ женъ мироносицъ, что воскресъ Христосъ. Правда восторжествовала. Предъ лицомъ всѣхъ временъ и народовъ засвидѣтельствовано, что есть правда, что имѣетъ смыслъ добродѣтель. Христосъ не имѣлъ, гдѣ главу подклонить, но дана теперь Ему власть на небѣ и на землѣ! Христосъ на крестѣ, но крестомъ Онъ возшелъ на небеса, гдѣ возсѣлъ одесную Бога Отца во славѣ Его. Позоръ креста—слава Христа! Много утѣшенія въ этой вѣсти о торжествѣ Христовомъ. Ты видишь, что торжествуетъ на землѣ неправда, и сердце твое смущается. Что можно сказать тебѣ въ утѣшеніе? Христосъ воскрес! Ты видишь, что и теперь добродѣтель часто предается заплеванию и заушается нечестивой рукою, но не падай духомъ; вѣрь, что добродѣтель прекрасна и она восторжествуетъ, ибо Христосъ воскрес! Воскресе и прославися! Ты, обиженный и презрѣнный людьми! Ты, всю жизнь бьющійся изъ-за насущнаго хлѣба, не видящій просвѣта радости въ то время, какъ многіе и безъ труда всѣ дни своей жизни проводятъ въ веселіи! Что можно было-бы сказать вамъ въ утѣшеніе, если-бы не воскресъ Христосъ? Но Христосъ воскрес! Укрѣпитесь руки ослабленныя и колѣна разслабленныя! Утѣшьте всѣ, страдающіе, обиженные, несчастные! Надѣйтесь на Воскресшаго Христа Бога нашего, и вы такъ восторжествуете, что не будете помнить болѣзней вашихъ. Никакая бѣда не страшна, никакое

горе не ужасно для того, кто услышалъ отъ женъ мироносицъ вѣсть о Воскресеніи Христовомъ.

Христосъ побѣдилъ грѣхъ, побѣдилъ лукаваго діавола. Побѣдятъ его и всѣ вѣрующіе во Христа. Будетъ новое небо и новая земля, гдѣ не будетъ грѣха, не будетъ зла, гдѣ будетъ лишь правда, радость и миръ Святаго Духа. Какъ бы низко ни падали люди, какъ бы широко ни разливалось зло по міру, но мы вѣримъ, вѣримъ, что будетъ время, когда на привѣтствіе: Христосъ воскресе!—небо и земля, суша и море—все однимъ согласнымъ голосомъ любви отвѣтитъ: воистину Христосъ воскресе!

Видишь-ли христіанинъ, какъ все исполняется для тебя свѣтомъ отъ той вѣсти, которую принесли тебѣ св. жены мироносицы? Видишь-ли, сколько радости и мира для тебя въ этой краткой вѣсти: Христосъ воскресе!

Когда св. жены мироносицы вышли изъ гроба, то со страхомъ побѣжали возвѣститъ ученикамъ Христовымъ о Воскресеніи. Когда же шли онѣ, Воскресшій Христосъ встрѣтилъ ихъ и сказалъ: радуйтесь! (Матѣ. 28, 8—9). Съ тѣхъ поръ стала возможна въ мірѣ святая, чистая радость; безъ Христова: радуйтесь!—не было бы радости въ мірѣ!

Жена Ева растворила смертоносное питіе, и жены же мироносицы подали міру чашу радости и жизни. Эта чаша—вѣсть о Воскресеніи Христовомъ. И когда слышишь ты благодатную вѣсть св. женъ мироносицъ о Воскресеніи Христовомъ, воскликни: Слава, Господи, святому Воскресенію Твоему!

Изданіе Пастырско-Просвѣтит. Братства при Моск. Дух. Академіи.

ЦѢНА
за 100 листовъ 50 коп.,
съ перес. 70 коп.

№ 24.

Адресъ: Сергіевъ Посадъ, Моск. г.,
Духовная Академія, іеродіакону
Филиппу.

Печатать дозволяется. Марта 4 дня, 1909 года.

Ректоръ Академіи, Епископъ *Евдокимъ*.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

упустилъ онъ узниковъ, хотѣлъ было самъ на себя наложить руки (Дѣян. 16, 27); а здѣсь воины такъ беззаботно доносятъ начальству о крайней своей небрежности. Но пусть такъ; пусть стража въ самомъ дѣлѣ спала: почему же узнали, что тѣло украдено? И на кого возлагаютъ вину въ хищеніи? На тѣхъ людей, которые, при первой встрѣчѣ съ опасностію, разбѣжались какъ овцы,—которые теперь должны идти на открытую борьбу съ ожесточенною Синагогою. И на что имъ нуженъ былъ мертвецъ? Но для насъ довольно, что и сами враги Иисусовы въ послѣдствіи не отвергали дѣйствительности Воскресенія Христова, а только запрещали проповѣдывать о воскресшемъ Иисусѣ.

Такъ, Сладчайшій нашъ,—живъ! А если Онъ живъ, если Онъ воскресъ Самъ Собою, то намъ нѣтъ нужды въ другихъ доказательствахъ божественной Его славы. Извѣстное дѣло—мертвецы не встаютъ сами собою; извѣстное дѣло—тѣло человѣка дѣйствительно умершаго должно подвергнуться тлѣнію,—и вовсе естественно ему самому собою воскреснуть. Земля въ землю пойдетъ, въ землю превратится, землею станетъ: на то—воля Вышняго. Но нашъ Спаситель умеръ на крестѣ, мертвый прободенъ, мертвый положенъ во гробъ; всѣ видѣли, всѣ знали, самые враги Его говорили, что Онъ умеръ. И однако Онъ въ третій день воскресъ. Какое очевидное, какое поразительное чудо! И смерть не могла удержать Его (Дѣян. 2, 32). Онъ воскресъ Самъ Собою. Ни Пророка, ни чудотворца тутъ не было, который бы извлекъ Его изъ гроба. Онъ всталъ Самъ, какъ Владыка жизни и смерти. Онъ всталъ не какъ побѣжденный смертію, но какъ Побѣдитель ея. Самъ Онъ съ полною свободою и возлегъ въ могильной пещерѣ, какъ въ царскомъ чертогѣ, и всталъ изъ нея. Кто же это, какъ не Богъ истинный, Богъ вседѣйствующій и всевластный?

Исусъ воскресъ, и съ Нимъ воскресли лучшія надежды наши. Грѣшникъ! Спаситель нашъ живъ: жива и надежда наша на спасеніе. Онъ проститъ тебя; Онъ прощаетъ всякаго, кто приходитъ чрезъ Него къ Богу. Но ты и оправданный остаешься съ немощами и вздыхаешь, что не можешь избавиться отъ плоти грѣховной. Утѣшься. *Аще не иду*, говорилъ Онъ, *Утѣшитель не придетъ* (Іоан. 16, 11). Итакъ, если возшелъ Онъ къ Отцу, то Утѣшитель придетъ, чтобы подкрѣплять насъ въ борьбѣ съ грѣхомъ. И Самъ Воскресшій обѣщался пребывать съ Церковію *во вся дни, до скончанія вѣка* (Матѣ. 28, 20).

О, Пасха велія и священнѣйшая, Христе! Дажь намъ причаститься Тебя здѣсь искреннимъ сердцемъ; дажь намъ истѣ Тебѣ причащаться въ невечернемъ дни царствія Твоего.

Издание Пастырско-Просвѣт. Братства при Моск. Дух. Ака-
деміи.

Печатать дозволяется. Марта 4 дня, 1909 года.

Ректоръ Академіи, Епископъ *Ивдокимъ*.

Типографія Свято-Троїцкой Сергієвой Лавры.

и не напрасно св. Церковь восклицаетъ: „о добре невѣріе Ѳомино!“

Но въ нашъ изолгавшійся порочный вѣкъ подобное невѣріе, если и встрѣчается, то весьма рѣдко. Теперь, если люди не вѣруютъ въ божественныя истины, то не по тѣмъ причинамъ, какъ напр., ап. Ѳома, и не потому, что самыя истины для нихъ неубѣдительны, а по злой грѣховной волѣ. Ибо люди отлично понимаютъ, что какъ только они признаютъ такія истины, какъ бытіе Бога, загробную жизнь и Божество Спасителя, то имъ необходимо придется оставить свою прежнюю грѣховную и себялюбивую жизнь и начать новую, исполненную христіанскаго смиренія, подвиговъ любви и самоотреченія. Поэтому то мы большею частію предпочитаемъ придерживаться и защищать ни къ чему не обязывающія ученія и съ ожесточеніемъ противиться святымъ и великимъ истинамъ. Если же насъ спросятъ, почему мы отказываемся принять эти истины, то одни изъ насъ станутъ ссылаться на то, что содержащіяся въ Св. писаніи истины и чудесныя событія или совершенно непонятны для нашего разума, или противорѣчатъ наукѣ и ея законамъ. А другіе будутъ говорить, что если бы мы сами были свидѣтелями тѣхъ великихъ знаменій и чудесъ, о которыхъ повѣствуетъ евангеліе, то тогда бы, пожалуй, имѣли основаніе вѣрить всему этому, но такъ какъ въ настоящее время мы ничего подобнаго не видимъ, то думаемъ, что все это или благочестивая легенда, или плодъ болѣзненной фантазіи. Но какъ первые, такъ и другіе кривятъ душою и горько заблуждаются.

Говорящіе якобы отъ лица науки большею частію ничего общаго съ наукою не имѣютъ, а принимаютъ за науку ходячія мнѣнія и руководятся не истиной и даже нисколько о ней не думаютъ, а слѣдуютъ „*преданію человѣческому*“. „*Живущіе же по преданію человѣческому, а не по Христу*“ всегда говорятъ и дѣлаютъ то, что, дѣлаетъ и о чемъ говоритъ большинство, толпа. Къ ней они прислушиваются, а не къ голосу своей совѣсти и истины. Для такихъ людей важна не истина, а то, чтобы не уронить себя въ глазахъ другихъ людей, чтобы не показаться предъ ними смѣшными и отсталыми, „*ибо возлюбили болше славу человѣческую, нежели славу Божию*“ (Іо. 12, 43). Если же вы станете ихъ убѣждать и доказывать имъ истину, они васъ все равно не станутъ слушать, а будутъ упорно стоять на своемъ, ссылаясь на преданіе человѣческое, на мнѣніе толпы. И сбывается надъ ними пророчество Ісаіи, который говоритъ: „*слухомъ услышите и не уразумѣете и глазами смотрите и не увидите, ибо огрубѣло сердце людей сихъ и ушами съ трудомъ слышатъ и глаза свои сомкнули, да не увидятъ глазами и не услышатъ ушами и не уразумѣютъ сердцемъ и да не обратятся, чтобы Я исцѣлилъ ихъ*“ (Мѡ. 13, 14—15). Обращеніе такихъ людей на путь истины и спасенія, если и бываетъ, то въ случаяхъ рѣдкихъ и единичныхъ и не безъ особенной благодатной помощи.

Еще дальше отъ истины стоятъ тѣ люди, которые оправдываютъ свое невѣріе отсутствіемъ въ настоящее время такихъ знаменій и чудесъ, какія были во времена Спасителя. Говорить имъ о томъ

всѣ насладитесь пиршества вѣры, вси воспріимите богатство благодѣи! Постившіеся и непостившіеся празднуйте вкупѣ, усердные и лѣнныя почитайте день! Такъ Христосъ зоветъ всѣхъ къ Себѣ златыми устами Златоуста. Ты, трудившійся и служившій Богу съ ранняго утра своей жизни, прииди и получи достойную награду. Въ шестой и девятый часъ пришедшіе, — и вы получите равную награду. И ты, на закатѣ жизни своей, во единодесятый часъ пришедшій къ Богу, — и ты ничего не лишишься! Воскресшій Христосъ богатъ благодію; Онъ всѣмъ щедро раздаетъ Свои дары. Нынѣ праздникъ Его любви и Его милости! Нынѣ нѣтъ суда и осужденія! Нынѣ торжествуютъ любовь, милость и прощеніе!

Пусть не омрачают дня Воскресенія тучи житейскихъ невзгодъ. Ты, въ чьей жизни много этихъ невзгодъ! Несчастія не оставляютъ тебя и въ дни Воскресенія Христова. Все новыя и новыя, часто неожиданныя бѣды постигаютъ тебя! Не поникай главою твоею въ эти священные дни. Пусть слезы не затуманиваютъ очей твоихъ, не хмурится лице твое. Тотъ, Кто Воскресеніемъ своимъ преложилъ печаль всего міра на радость, кто заставилъ радоваться убитыхъ горемъ апостоловъ и св. женъ мѣроносицъ,—неужели, думаешь ты, не силенъ Онъ отереть всякую слезу отъ очей всякаго страдальца? Ему молись, Его проси, и Онъ дастъ тебѣ радость. Всѣ твои несчастія,—что они въ сравненіи съ вѣчною побѣдою Христа, умертвившаго смерть, съ вѣчною радостью рая, открытаго намъ Воскресеніемъ Христовымъ? Воскресе Христосъ, и ликуютъ ангелы! Воскресе Христосъ, и жизнь жительствоуетъ!

Просвѣтимся же торжествомъ въ день Воскресенія! Внидите вси въ радость Господа своего, и радость Христова, радость вѣчная да будетъ со всѣми нами!

Издание Пастырско-Просвѣт. Братства при Моск. Дух. Акад.

ЦБНА Адресъ: Сергіевъ Посадъ, Моск. г.,
за **100** листовъ **50** коп., № **21.** Духовная Академія, ієродіакону
съ перес. **70** коп. Филиппу.

Печатать дозволяется. Марта 3 дня, 1909 года.

Ректоръ Академіи, Епископъ *Евдокимъ*.

Типографія Свято-Троицкой Сергіевоі Лавры.